

Научный журнал

Периодическое издание

Издается с 2004 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *Л. В. Вариантов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Россия;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГИИПМНС СО РАН, Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., СВФУ, Россия;
Бу Сок Хванг, PhD, Фонд биотехнологических исследований Soaam, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *Т. В. Денисова*, д. б. н., Академия биологии и биотехники им. Д.И. Иванковского, ЮФУ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Россия;
И. В. Дробышев, д. б. н., Шведский сельскохозяйственный институт, Швеция; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *Н. И. Иванова*, д. филол. н., ИГИИПМНС СО РАН, Россия; *Е. А. Иваньшина*, д. филол. н., Воронежский государственный педагогический университет, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртау, Республика Камерун; *В. Е. Колодезников*, к. б. н., СВФУ, Россия; *В. В. Красных*, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФиА СО РАН, Россия; *Л. Т. Ксенофонтов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *Н. В. Малышева*, к. филол. н., СВФУ, Россия; *С. Н. Мамаева*, к.ф.-м.н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Россия; *Миссон Алан Д.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*, д. б. н., СВФУ, Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Россия; *Л. Х. Мухаметзянова*, д. филол. н., Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Россия; *Д. В. Николаев*, к.ф.-м.н., СВФУ, Якутск, Россия; *Мнош Кизитус Н.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ им. А.И. Герцена, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный университет, Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНИГ СО РАН, Россия; *В. В. Розанов*, д.б.н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Россия; *Санг-Ву Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея; *А. С. Семенов*, д.ф.-м.н., доцент, СВФУ, Россия; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., СВФУ, Россия; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., СВФУ, Россия; *Д. А. Таярский*, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Россия; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Россия; *Тозе Флавиан А.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Россия; *Е. Э. Хабунова*, д. филол. н., Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Россия.

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 5, кабинет 1

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Scientific Quotation Index (RSQI)

EDITORIAL BOARD

Head editor: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy chief editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Members of the editorial board:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan; *A. I. Anufriev*, Dr. S. in Biology, IBPC SB RAS, Russia; *L. V. Variantov*, Dr. S. in Biology, ISEA SB RAS, Russia; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philology, IHRISN SB RAS, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biology, NEFU, Russia; *Hwang Woo-suk*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr.S. in Biology, Institute for Biological Problems of Cryolithozone of the SB RAS, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biology, IBPC SB RAS, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biology, D.I. Ivanovsky Academy of Biology and Biotechnology, SFU, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philology, NEFU, Russia; *I. V. Drobyshhev*, Dr. S. in Biology, The Swedish University of Agricultural Sciences (SLU), Sweden; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biology, IBPC SB RAS, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philology, IHRISN SB RAS, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philology, Voronezh State Pedagogical University, Russia; *A. P. Isaev*, Dr. S. in Biology, IBPC SB RAS, Russia; *A. P. Isaev*, Dr. S. in Biology, Institute for Biological Problems of Cryolithozone of the SB RAS, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Cameroon; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biology, NEFU, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philology, MSU, Russia; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Physics & Mathematics, Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the SB RAS, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Physics & Mathematics, Yu.G. Shafer ICRA SB RAS, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biology, Lomonosov Moscow State University, Russia; *N. V. Malysheva*, Cand. S. in Philology, NEFU, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Physics and Mathematics, NEFU, Russia; *V. Yu. Mikhilchenko*, Dr. S. in Philology, Institute of Linguistics of the RAS, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Physics & Mathematics, ISTP SB RAS, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biology, NEFU, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Physics & Mathematics, TumD of ITAM SB RAS, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philology, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Technics, N.N. Blokhin National Medical Research Center of Oncology, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. Sc. Physics and Mathematics, NEFU, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philology, Herzen University, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philology, Buryat State University, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Technics, IOGP SB RAS, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biology, Lomonosov Moscow State University, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Physics & Mathematics, NEFU, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Republic of Korea; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Physics & Mathematics, NEFU, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philology, NEFU, Russia; *N. G. Solomonov*, Dr. S. in Biology, NEFU, Russia; *D. A. Taiursky*, Dr. S. in Physics & Mathematics, Kazan Federal University, Russia; *A. N. Tikhonov*, Candidate of Biology, Zoological Institute of the RAS, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Cameroon; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philology, NEFU, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philology, Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philology, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Physics & Mathematics, Lomonosov Moscow State University, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biology, YSRIA YSC SB RAS, Russia.

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 1 office, 5 Petrovskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФЧ77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Колесова Л. А., Соловьева М. И. Морфометрические параметры плодов *R. Dikuscha* и содержание в них биологически активных веществ в зависимости от мест произрастания..... 5

Сазонов Н. Н., Кузьмина С. С. Содержание йода в компонентах экосистем Якутии..... 14

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тимофеев В. Б., Тимофеева Т. Е. Эксперимент по проверке гипотез униполярной индукции..... 23

Федоров А. Г., Миронов М. П. Численное моделирование распространения волны через сферическую частицу в рамках обобщенной теории Лоренца-Ми..... 31

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Башкеева В. В. Антропология приватного мира в малороссийских повестях Н. В. Гоголя о современности..... 39

Васильева А. А., Андросова М. А. Лингвистический ландшафт Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): анализ двуязычных вывесок образовательных учреждений..... 51

Гавриленко В. Д. Мотив возвращения на родину в лирике Николая Рубцова и Леонида Завальнюка... 64

Даржаева Н. Б. Коммуникативное акцентирование в бурятских эмотивных конструкциях..... 76

Иванов В. В., Малышева Н. В. Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы)..... 84

Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. Символика небесных светил в поэтическом тексте А. Ахматовой: лунарная символика..... 94

Печетова Н. Ю., Никаева Т. М. Нормативно-регистрирующие функции словаря топонимов..... 104

Семенова В. Г., Майнагашева Н. С. Национальная идея в произведениях тюркоязычных писателей Юсуфа Баласагунского, Абая Кунанбаева, Алексея Кулаковского..... 117

Шестакова Е. Ю. Образ национального пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье»..... 128

Шульженко М. Ю. Структурно-синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе..... 139

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Башарина О. К., Башарина З. К. Учёный, педагог-наставник, лидер ТЗОЖ (Памяти Карла Георгиевича Башарина)..... 152

Герасимова С. К. Скрипин Григорий Васильевич (Посвящается 100-летию со дня рождения)..... 156

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Kolesova L. A., Solovyeva M. I.</i> Morphometric parameters of <i>R. Dikuscha</i> berries and the content of biologically active substances in relation to the place of growth.....	5
<i>Sazonov N. N., Kuzmina S. S.</i> Iodine content in components of ecosystems of Yakutia.....	14

PHYSICAL SCIENCES

<i>Timofeev V. B., Timofeeva T. E.</i> Unipolar induction hypothesis testing experiment.....	23
<i>Fedorov A. G., Mironov M. P.</i> Numerical simulation of wave propagation through a spherical particle within the framework of generalised Lorenz-Mie theory.....	31

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Bashkeeva V. V.</i> Anthropology of the private world in N. V. Gogol's Little Russian novels about modernity..	39
<i>Vasilieva A. A., Androsova M. A.</i> The linguistic landscape of the Neryungrinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia): an analysis of bilingual signs of educational institutions.....	51
<i>Gavrilenko V. D.</i> The motif of returning home in the lyric poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk.....	64
<i>Darzhava N. B.</i> Communicative accentuation in Buryat emotive constructions.....	76
<i>Ivanov V. V., Malysheva N. V.</i> Linguistic features of spontaneous speech of the Anabar Dolgans (On the material of the expedition work).....	84
<i>Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N.</i> Symbolism of celestial bodies in the poetic text of Anna Akhmatova: moon symbols.....	94
<i>Pechetova N. Yu., Nikaeva T. M.</i> Normative and registration functions of the dictionary of toponyms.....	104
<i>Semenova V. G., Mainagasheva N. S.</i> The national idea in the works of Turkic writers (Yusuf Balasaguni, Abai Qunanbaiuly, Aleksey Kulakovsky).....	117
<i>Shestakova E. Yu.</i> The image of the national landscape in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Shmelev...	128
<i>Shulzhenko M. Yu.</i> Structural and syntactic features of article titles about coronavirus.....	139

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Basharina O. K., Basharina Z. K.</i> Scientist, professor, mentor, leader of sober healthy lifestyle (In memory of Karl Georgievich Basharin).....	152
<i>Gerasimova S. K.</i> Grigory Vasilyevich Skripin (Dedicated to the 100th anniversary of his birth).....	156

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 57.025

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-5-13

Морфометрические параметры плодов *R. Dikuscha* и содержание в них биологически активных веществ в зависимости от мест произрастания

Л. А. Колесова ✉, М. И. Соловьева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ kolesova@mail.ru

Аннотация. Антиоксиданты в составе растений имеют определенную тропность к органам и тканям, соответственно и разные точки приложения. Физиологическая реализация эффектов антиоксиданта имеет строгую взаимосвязь с химическим и пространственным строением его молекулы: каждая функциональная группа в составе молекулы имеет определенную молекулярную мишень – своеобразную «точку активности». Такой подход открывает перспективы для разработки новых, более эффективных антиоксидантов [1]. Черноплодные ягоды являются прекрасным источником пигментов антоцианидинов – полифенольных соединений уникального антиоксидантного действия, аскорбиновой кислоты и других важнейших витаминов. Семена темноплодных ягод богаты ненасыщенными жирными кислотами. При этом ягодам присущ уникальный состав микро- и макроэлементов, таких как калий, магний, цинк, марганец и медь, которые выступают активными участниками окислительно-восстановительных реакций организма, обеспечивая работу всех звеньев антиоксидантной защиты организма [2]. Из всех темноплодных ягод плоды черной смородины и близкой к этому виду смородины дикуши имеют не только превосходящие показатели содержания аскорбиновой кислоты и богатый минеральный состав, но и наиболее плотную кожицу, в которой происходит накопление самой перспективной антиоксидантной группы полифенолов – антоцианидинов. Такое сочетание по принципу синергизма представляет перспективу высокой эффективности антиоксидантного действия фитокомплекса. Цель исследования включала определение биологически активных веществ в плодах дикорастущей смородины *Ribes dikuscha* Fisch. в зависимости от мест произрастания. В исследовании впервые определено содержание биологически активных веществ антиоксидантной направленности в плодах *Ribes dikuscha* Fisch. Проведен сопоставительный анализ биологически активных веществ и морфометрических характеристик в зависимости от места произрастания. В результате исследования получен вывод об отрицательной корреляции между размером плодов и суммарным содержанием низкомолекулярных антиоксидантов в ягодах и положительной корреляции между показателем толщины кожицы и количественным содержанием полифенольных соединений *Ribes dikuscha* Fisch.

Ключевые слова: Антоцианы темноплодных ягод, *Ribes dikuscha* Fisch., охта, низкомолекулярные антиоксиданты (НМАО), толщина эпидермиса, диаметр ягоды, антиоксидантная система защиты растений.

Для цитирования: Колесова Л. А., Соловьева М. И. Морфометрические параметры плодов *R. Dikuscha* и содержание в них биологически активных веществ в зависимости от мест произрастания. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 5–13. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-5-13

© Колесова Л. А., Соловьева М. И., 2023

Morphometric parameters of *R. Dikuscha* berries and the content of biologically active substances in relation to the place of growth

L. A. Kolesova ✉, M. I. Solovyeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ kolesova@mail.ru

Abstract. Antioxidants in plants have specific organ and tissue tropisms and different points of application. The physiological realisation of antioxidant effects is closely related to the chemical and spatial structure of their molecule: each functional group within the molecule has a specific molecular target - a kind of "point of activity". This approach opens up the prospect of developing new, more effective antioxidants [1]. Black-fruited berries are an excellent source of the pigments anthocyanidins - polyphenolic compounds with unique antioxidant activity - ascorbic acid and other essential vitamins. Dark berry seeds are rich in unsaturated fatty acids. At the same time, berries have a unique composition of micro- and macroelements such as potassium, magnesium, zinc, manganese and copper, which are active participants in the redox reactions of the body and ensure the work of all links of the antioxidant defence of the body [2]. Among all dark berries, the fruits of black currants and their relatives have not only a higher content of ascorbic acid and a rich mineral composition, but also the densest skin, which accumulates the most promising antioxidant group of polyphenols - anthocyanidins. Such a combination on the principle of synergism represents the prospect of high efficiency of antioxidant action of the phytocomplex. The aim of the research was to determine the content of biologically active substances in the fruits of the wild currant *Ribes dikuscha* Fisch. Furthermore, the morphometric parameters of *R. dikuscha* fruits were described as a function of growing location. In this research, for the first time the content of biologically active substances with antioxidant properties in the fruits of *Ribes dikuscha* Fisch. was studied; also, a comparative analysis of biologically active substances and morphometric parameters of the *R. dikuscha* fruits depending on growing places was conducted. It was concluded that there was a negative correlation between the size of the fruits and the total content of low-molecular antioxidants in the berries; on the contrary, there was a positive correlation between the thickness of the outer skin of the fruits and the quantitative content of polyphenolic compounds in *Ribes dikuscha* Fisch.

Keywords: Anthocyanins of dark-fruited berries, *Ribes dikuscha* Fisch., ochta, low molecular weight antioxidants (LMWA), epidermal thickness, berry diameter, antioxidant plant defence system.

For citation: Kolesova L. A., Solovyeva M. I. Morphometric parameters of *R. Dikuscha* berries and the content of biologically active substances in relation to the place of growth. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 5–13. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-5-13

Введение

В условиях существующей реальности поиск перспективных и в то же время рациональных источников растительного сырья, обладающего значимыми физиологически активными свойствами, содержащими безопасные и эффективные биологически активные вещества (БАВ), является приоритетной задачей биологии, фармации, медицины и определяет вектор развития пищевой промышленности.

Черноплодные ягоды являются прекрасным источником многих БАВ, являющихся активными участниками окислительно-восстановительных реакций организма, обеспечивая работу всех звеньев антиоксидантной защиты организма.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных исследованию состава и ценности плодов рода *Ribes*, в особенности *R. nigrum* L., в формировании сортового разнообразия которого невозможно переоценить селекционную значимость *R. Dikuscha*, в результате скрещивания которой получен большой сортимент смородины с

замечательными потребительскими качествами: «Якутская», созданная М. А. Чертковой и Л. П. Готовцевой, «Голубка», «Приморский чемпион» (всего 155 сортов на основе гибрида), которые включены в Государственный реестр селекционных достижений РФ [1–4].

Ribes dikuscha Fisch. – смородина дикуша, охта (як. уохта, бөллөнөнө), в народе «алданский виноград». Дальневосточный бореальный вид. Н. М. Бочкарникова об этом бореальном виде указывает: «Дикуша – экологически глубокоспециализированный вид с большим консерватизмом и небогатым разнообразием форм. Большая часть признаков относительно константна и малоизменчива» [5].

Плоды смородины выгодно отличаются большим содержанием пектинов, моносахаридов (преимущественно глюкозой и фруктозой), спектром органических кислот (яблочная, лимонная, изолимонная, янтарная, винная) и придают высокие пищевые качества сырью. Общеизвестно, что плоды черноплодной смородины являются лидерами по содержанию аскорбиновой кислоты – до 300–700 мг/100 г, превосходя по этому показателю цитрусовые в несколько раз [6]. Плоды смородины содержат значительное количество фенольных соединений (преимущественно антоцианов) – более 60–100 мг/100 г (мажорными для черноплодных являются гликозиды дельфинидина и цианидина [7, 8], суммарное содержание полифенолов – более 500 мг/100 г, флавоноидов – более 250 мг/100 г (главным образом изокверцетин, мирицетин глюкозид, рутин), каротиноиды, катехины и др. [6, 9, 10]. Семена богаты липидами, жирнокислотная фракция которых включает линолевую, гамма-линоленовую, бетаиноленовую и стеарионовую кислоты [11], а также содержат витамины (каротин до 3 мг/%), макро- и микроэлементы [12]. Значительное содержание аскорбиновой кислоты определяется низким содержанием ферментов, разрушающих аскорбиновую кислоту, 15–20 г плодов смородины обеспечивают суточную потребность в аскорбиновой кислоте [13]. Следует упомянуть о высоком суммарном содержании антиоксидантов (в целом до 800 мг/100 г), а также о том, что плоды черноплодной рябины входят в список 100 продуктов с максимальным значением ORAC [14].

Многочисленные исследования подтверждают высокие показатели содержания аскорбиновой кислоты в плодах черной смородины, произрастающей на территории Республики Саха (Якутия), особенно дикорастущей, – до 4000 мг/100 г [2, 7, 15, 16]. Д. М. Уваровым и Н. К. Чириковой были получены данные содержания фенольных соединений – $235,55 \pm 0,76$ мг/г [17], указывающих на превосходящее содержание фенольных соединений в плодах черной смородины, произрастающей на территории Республики Саха (Якутия) [8].

Известна корреляция между морфометрическими показателями плодов черной смородины – размером ягоды и толщиной оболочки с содержанием в них активных веществ, преимущественно полифенолов [7, 8, 9, 10, 16].

По данным исследований, размер плодов черной смородины, произрастающей на территории Республики Саха (Якутия), в среднем составляет до 1 см в диаметре, а средний вес одного сырого плода – 0,5 г [17]. Для сравнения приведем данные по средневропейской черной смородине: средняя масса ягод – от 0,66 г до 1,60 г [7].

Из всех темноплодных ягод плоды смородины дикуши *Ribes dikuscha* Fisch имеют не только высокие показатели содержания аскорбиновой кислоты и богатый минеральный состав, но и наиболее плотную кожицу, в которой происходит накопление самой перспективной антиоксидантной группы полифенолов – антоцианидинов.

Целью исследования было изучение влияния места произрастания *Ribes dikuscha* Fisch на накопление биологически активных веществ в его плодах и морфометрические параметры плодов для выявления потенциальных областей сбора сырья с оптимальными свойствами.

Объект исследования и климатогеографическая характеристика мест сбора

В исследовании были использованы 3 серии образцов плодов *R. dikuscha*: серия № 1 – плоды смородины *R. dikuscha*, заготовленные в Алданском районе Республики Саха (Якутия) в окрестностях пос. Томмот; серия № 2 – плоды смородины *R. dikuscha*, заготовленные в Жиганском районе Республики Саха (Якутия) (местность Насым); серия № 3 – плоды

Рис. Места сбора образцов ягод
Fig. Places of berries samples gathering

смородины *R. dikuscha*, заготовленные в Кобяйском районе Республики Саха (Якутия) на затопляемом безымянном острове р. Лены (рис.). Все образцы собраны в период с 10 по 25 августа 2022 г. при полной спелости ягод.

Для территории сбора в Алданском районе климат определен как умеренно континентальный. Летний период для данной местности характеризуется обилием влагоносных воздушных масс, обусловленным достаточной циклонической деятельностью и орографией местности, определяет большое количество осадков и, как следствие, обеспечивает высокую влажность воздуха. При этом большая часть осадков выпадает в теплый период года в виде дождей до 70–80 %. Выраженность солнечной радиации до 944 МДж/м² в ясную летнюю погоду и до 614 МДж/м² при облачности, а средняя температура воздуха июля от 13 до 17 °С [18]. Территория сбора геологически располагается на северном склоне Алданского щита Сибирской платформы. Почва мерзлотная горноаллювиально-гумусовая [19].

Территория сбора в Жиганском и Кобяйском районах относится к резко-континентальной климатической зоне Лено-Вилюйской депрессии, для которой характерна ограниченность поступления теплых воздушных масс, но доступной для арктических масс воздуха. В геологическом отношении представляет собой прогиб Сибирской платформы. Летний период характеризуется достаточно высокими температурами, засушливостью, длительным световым периодом до 20 ч и низким атмосферным давлением. Средняя температура июля 18–19 °С (макс. 38 °С) [18]. Характерны дефицит влажности воздуха и иссушение почвы вследствие вышеуказанных факторов, а также влияния мерзлоты и возвратных заморозков, препятствующих усвоению снеговой воды, при этом среднегодовое количество осадков около 240–270 мм (приравнивается к зоне полупустынь), из которых менее 70% приходится на теплый период года, преимущественно выпадающих осенью. Почва в зоне сбора мерзлотная лугово-черноземная в Жиганском районе и мерзлотная пойменная в Кобяйском районе [19].

Экспериментальная часть

Содержание БАВ в плодах *R. dikuscha* определяли в зависимости от места произрастания спектрофотометрически по общепринятым методикам [20, 21].

Также установлена взаимосвязь между морфометрическими характеристиками плодов *R. dikuscha* с содержанием определяемых БАВ.

Определение морфометрических параметров плодов *R. Dikuscha*

Проводили последовательное взвешивание, измерение диаметра и толщины оболочки произвольно отобранных средних плодов каждой серии. Сопоставление этих морфометрических показателей имеет фармакогностическое значение.

Таблица 1

Определение морфометрических параметров плодов *R. Dikuscha*

Table 1

Morphometric parameters of the *R. Dikuscha* berry fruits

Серия	Масса ягоды, г			Размер ягоды, см			Толщина кожицы, мкм		
	M±m, г	max, г	min, г	M±m, см	max, см	min, см	M±m, мкм	max, мкм	min, мкм
Серия №1 Алданский район	1,53±0,11	1,79	1,34	1,45±0,05	1,6	1,35	115±0,5	116,5	114,5
Серия №2 Жиганский район	1,23±0,07	1,41	1,09	1,15±0,08	1,3	0,9	143,45±0,56	144,5	142,5
Серия №3 Кобяйский район	1,30±0,08	1,6	1,09	1,32±0,09	1,5	1,1	153,7±0,5	153	154
Среднее	1,35			1,31			125,15		

Наибольшую среднюю массу и размер ягод имели образцы из Алданского района (1,53 г и 1,45 см соответственно), минимальные показатели у образцов из Жиганского района (1,23 г и 1,15 см соответственно).

При изучении толщины кожицы ягод отмечено максимальное значение этого показателя в ягодах, собранных в Кобяйском районе (153,7 мкм), минимальное – в Алданском (115,5 мкм) (табл. 1).

Определение содержания аскорбиновой кислоты в исследованных образцах плодов *R. Dikuscha*

Содержание витамина С в свежих ягодах смородины дикуши, определенное спектрофотометрически по методике Ермакова, было минимальным для образцов из Кобяйского района (120,4±0,3 мг/100 г) промежуточным – для образцов из Жиганского района (144,9±0,2 мг/100 г), максимальным – у образцов из Алданского района, составив 182,7 мг/100 г.

Количественное определение содержания суммы полифенольных соединений в исследованных образцах плодов *R. Dikuscha*

Спектрофотометрическое определение суммарного содержания полифенолов в свежесобранных ягод смородины дикуши показало, что все образцы имеют в целом высокий уровень активных веществ по исследуемому показателю. Наиболее низкое значение имел образец пробы из Алданского района – 743,5±0,5 мг/%, наиболее высокий уровень полифенолов обнаружен в образцах из Кобяйского района – 856,1±0,2 мг/% (промежуточное значение образцов Жиганского района – 786,7±0,3 мг/%).

Количественное определение содержания суммы в исследованных образцах плодов *R. Dikuscha*

При спектрофотометрическом определении общего содержания антоцианов установлено, что в плодах из Кобяйского и Жиганского районов накопление этих важнейших пигментов составляет 514±0,1 и 518±0,1 мг на 100 г ягод в пересчете на цианидина-3-глюкозид. Несколько низкие показатели у образцов из Алданского района – 430±0,2 мг на 100 г.

Сопоставление показателей плодов *R. dikuscha* по месту произрастания

Образцы из Алданского района имели более высокие морфометрические показатели и превосходящие показатели по содержанию аскорбиновой кислоты, при этом суммарное содержание полифенолов и антоцианов было меньше в сравнении с образцами из Жиганского и Кобяйского районов (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительное содержание БАВ в плодах *R. Dikuscha*

Table 2

Comparative table of the BAS levels in *R. Dikuscha* berry fruits

Образцы	Масса ягоды, г	Размер ягоды, см	Толщина кожицы, мкм	Содержание АК в свежем сырье	Содержание ПФ в свежем сырье	Содержание АЦ в свежем сырье
	M±m, г	M±m, см	M±m, мкм	мг/100 г	мг/%	мг/100 г
плоды <i>R. Dikuscha</i>						
Серия №1 Алданский район	1,53±0,11	1,45±0,05	115,5±0,5	182,7±0,2	743,5±0,5	430±0,2
Серия №2 Жиганский район	1,23±0,07	1,15±0,08	143,45±0,56	144,9±0,3	786,7±0,3	518±0,1
Серия №3 Кобяйский район	1,30±0,08	1,32±0,09	153,7±0,5	120,4±0,1	856,1±0,2	514±0,1

Заключение

Определены основные морфометрические характеристики плодов *Ribes dikuscha* Fisch. из трех районов Республики Саха (Якутия), подтверждена отрицательная корреляция между размером ягоды и толщиной оболочки ($r = - 0,56$).

Определено достаточно высокое суммарное содержание НМАО в исследуемых образцах плодов *Ribes dikuscha* Fisch. Высокий уровень Р-активных веществ обнаружен в образцах из Кобяйского района – 856,1±0,2 мг/%, антоцианов в плодах из Жиганского района – 518±0,1 мг на 100 г ягод в пересчете на цианидина-3-глюкозид, что позволяет сделать вывод об активности ферментативной системы растений, связанной с синтезом антоцианов, в районах сбора, естественными причинами которых служат климато-географические особенности территории сбора: температурные скачки в вегетационном периоде, особенности естественной увлажненности и состава почв, длительность периодов засухи и количество осадков, разница степени и спектра инсоляции.

Образцы из Алданского района имели наибольшие показатели по массе и размеру плодов (1,53 г и 1,45 см соответственно), а также имели наиболее тонкую кожицу (115,5 мкм). Содержание аскорбиновой кислоты – показатель антиоксидантной активности растительного сырья, на который оказывают влияние общие климатические условия в месте произрастания. Метеорологические условия, степень зрелости плодов, период вегетации и другие факторы были максимальными также у образцов из Алданского района (составило 182,7 мг/100 г), что превышало рекомендуемую суточную норму потребления аскорбиновой кислоты – 90 мг/100 г – в два раза. В то же время они имели сравнительно низкое содержание полифенолов – 743,5±0,5 мг/%, также и антоцианов – 430±0,2 мг на 100 г. Такая зависимость указывает на более благоприятные условия произрастания для *R. Dikuscha*. Несколько низкие показатели содержания полифенольных веществ в образцах из Алданского района при более высоких морфометрических показателях позволяют сделать вывод о благополучном климатогеографическом положении Алданского нагорья в отношении *R. Dikuscha*, для которого характерны стабильно низкие температуры в летний период, избыточное увлажнение и характер почвы.

В зависимости от мест произрастания отмечена отрицательная корреляция между содержанием аскорбиновой кислоты и полифенолов, включая антоцианы в плодах *R. Dikuscha*. Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод об отрицательной корреляции между размером ягод плодов и суммарным содержанием Р-активных веществ в плодах ($r = -0,51$) и положительной корреляции между показателем толщины кожицы с количественным содержанием полифенольных соединений *Ribes dikuscha* Fisch ($r = 0,62$).

Таким образом, исследование показывает, что климатогеографические условия Якутии влияют на химический состав и морфометрические параметры плодов *R. Dikuscha*, приводя к различиям в содержании биологически активных веществ в зависимости от места их произрастания.

Л и т е р а т у р а

1. Данилова, Н. С. Дикie родичи культурных растений флоры Олекминского заповедника как источник исходного материала для селекции в Якутии / Н. С. Данилова, Т. С. Коробкова — Текст: электронный // Региональные геосистемы. — 2014. — №17 (188). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dikie-rodichi-kulturnyh-rasteniy-flory-olekminskogo-zapovednika-kak-istochnik-ishodnogo-materiala-dlya-selektcii-v-yakutii> (дата обращения: 10.02.2023).
2. Коробкова, Т. С. Интродукция смородины черной в Центральной Якутии: специальность 03.00.05 «Ботаника» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Коробкова Татьяна Сергеевна ; Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН. — Якутск, 2001. — 15 л.
3. Юхачева, Е. Я. Наследование основных хозяйственно-ценных признаков в гибридных семьях смородины черной : специальность 06.01.05 : «Сельскохозяйственные науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук / Юхачева Елена Яковлевна ; Брянская государственная сельскохозяйственная академия. — Брянск, 2013. — 189 л.
4. Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию : Сорта растений. — Т. 1. — Москва : Экспресспринт ИК, 2003. — 320 с.
5. Бочарникова, Н. М. Смородина дикуша (*R. dikusha* F.) — ценный вид черной смородины Дальнего Востока / Н. М. Бочарникова // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. — Т. 36. — Вып. 3. — 1964. — С. 25–39.
6. Биохимическая оценка перспективных форм яблони и смородины / М. А. Макаркина, Т. В. Янчук, А. Р. Павел [и др.] // Вестник ОрелГАУ. — 2015. — №6 (57).
7. Перова, И. Б. Исследование содержания и специфического профиля антоцианинов лекарственного растительного сырья : специальность 14.04.02 «Фармацевтическая химия, фармакология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата фармацевтических наук / Перова Ирина Борисовна ; Первый Московский государственный университет имени И.М. Сеченова. — Москва, 2015. — 171 л.
8. Шапошник, Е. И. Биологические и биохимические особенности плодов растений рода *Ribes* при интродукции в Белгородской области : специальность : 03.00.05 «Ботаника» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Шапошник Елена Ивановна ; Белгородский государственный университет. — Белгород, 2009. — 200 л.
9. Ершова, И. В. Содержание биологически активных фенольных соединений в сибирских плодах и ягодах / И. В. Ершова // Достижения науки и техники АПК. — 2016. — №30 (9). — С. 44–47.
10. Янчук, Т. В. Оценка генофонда смородины черной по содержанию аскорбиновой кислоты и фенольных соединений в ягодах / Т. В. Янчук // Современное садоводство. — 2013. — № 4(8). — С. 41–50.
11. Лекарственные растения государственной фармакопеи. Фармакогнозия / под ред. проф. И. А. Самылиной, проф. В. А. Северцева. — Москва : АНМИ, 2003. — 534 с.
12. Петрова, С. Н. Состав плодов и листьев смородины черной *Ribes nigrum* (обзор) / С. Н. Петрова, А. Л. Кузнецова. — Текст электронный // Химия растительного сырья. — 2014. — № 4. — С. 43–50. — URL: <http://journal.asu.ru/cw/article/view/jcprm.20140422137> (дата обращения: 04.12.2021).
13. Справочник Видаль 2022. Лекарственные препараты в России. — Текст электронный. — URL: <https://www.vidal.ru/drugs/molecule/922>.
14. Top 100 High ORAC Value Antioxidant Foods 2014 K. Jorgustin
15. Габышева, Н. С. Биохимический состав ягод Алтайских сортов смородины черной в Центральной Якутии / Н. С. Габышева // Плодоводство и ягодоводство России. — 2018. — № 55. — С. 101–105.
16. Мясничева, Н. В. Научное обоснование технологии производства жележных продуктов из ягод черной и красной смородины : специальность 05.18.01 «Технология обработки, хранения и переработки злаковых, бобовых культур, крупяных продуктов, плодоовощной продукции и виноградарства» :

диссертация на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук / Мясищева Нина Викторовна ; Орловский государственный университет. – Мичуринск : Мичуринский ГАУ, 2018. – 338 л.

17. Уваров, Д. М. Сравнительный анализ суммарного содержания фенольных соединений и органических кислот ягод Якутии / Д. М. Уваров, Н. К. Чирикова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2021. – № 6. – С. 17–23.

18. Данные о значениях осадков для метеостанций Республики Саха (Якутия). – URL: <https://ykuthydromet.ru/o-pogode/> (дата обращения 15.07.2023).

19. Гаврильев, П. П. Мерзлотно-экологические особенности таёжных агро-земель Центральной Якутии / П. П. Гаврильев, И. С. Угаров, П. В. Ефремов. – Якутск : Издательство ИМЗ СО РАН, 2001. – 194 с.

20. Беляков, К. В. Методические подходы к определению биологически активных веществ в лекарственном растительном сырье спектрофотометрическим методом / К. В. Беляков. – Москва : Мега-Принт, 2004. – С. 186

21. Рогожин, В. В. Методы биохимических исследований : Учебное пособие / В. В. Рогожин. – Якутск, 1999. – 113с.

References

1. Danilova, N.S. and Korobkova, T.S. (2014). Crop wild Relatives of cultivated plants of the flora in the nature reserve “Olekminsky”. *Regional geosystems Journal*, 17(188). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dikie-rodichi-kulturnyh-rasteniy-flory-olekminskogo-zapovednika-kak-istochnik-ishodnogo-materiala-dlya-selektssii-v-yakutii> (Accessed 10 February 2023). (in Russ.)

2. Korobkova, T.S. (2001). Introduction of Blackcurrant in Central Yakutia: *A Thesis of Diss. ... Cand. Biol. Sci. / Tatyana Sergeevna Korobkova; Institute of Biol. problems of the cryolithozone - Yakutsk*. 15 p. (in Russ.)

3. Yukhacheva, E.Y. (2013). Inheritance of the main economically valuable traits in hybrid families of Blackcurrant: *Diss. Cand. Agricultural Sciences / Elena Yakovlevna Yukhacheva; Bryansk State Agricultural Academy - Bryansk*. 189 p. (in Russ.)

4. *State Register of Breeding Achievements Approved for Use: Plant Varieties*. (2003). Moscow: Expressprint IK, 1, 320 p. (in Russ.)

5. Bocharnikova, N.M. (1964). “Dikusha” currant (R.dikusha F.) - A Valuable Species of Blackcurrant in the Far East. *Journal proceedings on applied botany, genetics and breeding*, 36(3), pp. 25-39. (in Russ.)

6. Makarkina M.A. et al. (2015). Biochemical Evaluation of Promising Forms of Apple and Currant *Vestnik OrelGAU Journal*, 6(57).

7. Perova, I.B. (2015). Investigation of the content and specific profile of anthocyanins of medicinal plant raw materials: specialty: *Diss.. ... Cand. Farm. Sci. / Irina Borisovna Perova; I.M. Sechenov First Moscow State University. –Moscow*, 171p. (in Russ.)

8. Shaposhnik, E.I. (2009). Biological and biochemical features of the genus *Ribes* fruits during introduction in the Belgorod region: *Diss. Cand. Biol. Sciences. Belgorod State University, Belgorod*. 200 p. (in Russ.)

9. Ershova, I. V. (2016). The content of biologically active phenolic compounds in Siberian fruits and berries. *Achievements of science and technology in the agro-industrial complex Journal*, 30(9), pp. 44–47. (in Russ.)

10. Yanchuk T. V. (2013). Assessment of the black currant gene pool by the content of ascorbic acid and phenolic compounds in berries. *Modern Gardening Journal*, 4(8), pp. 41–50. (in Russ.)

11. Medicinal plants of the State Pharmacopoeia. Pharmacognosy. (2003). edited by Prof. I.A. Samylina, Prof. V.A. Severtsev. Moscow: ANMI, 534 p. (in Russ.)

12. Petrova, S.N. and Kuznetsova, A.A. (2014). Composition of fruits and leaves of Blackcurrant *Ribes nigrum* (review). *Chemistry of plant raw materials Journal*, 4, pp. 43–50 (in Russ.)

13. Handbook Vidal. (2022). Medicines in Russia – Text: *electronic* - URL: <https://www.vidal.ru/drugs/molecule/922>.

14. Jorgustin, K. (2014). Top 100 High ORAC Value Antioxidant Foods.

15. Gabysheva, N.S. (2018). Biochemical composition of berries of Altai varieties of Blackcurrant in Central Yakutia. *Fruit and berry growing in Russia Journal*, 55, pp.101–105. (in Russ.)

16. Myasishcheva, N.V. (2018). Scientific Justification of the Jelly Products Technology of Black and Red Currant Berries: *Dissertation. ... Doctor of Agricultural Sciences / Nina Viktorovna Myasishcheva; Oryol State University – Michurinsk: Michurinsk State Agrarian University*, 338 p.
17. Uvarov D.M. and Chirikova N.K. (2021). Comparative analysis of the total content of phenolic compounds and organic acids in Yakutia berries. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 6, pp. 17–23. (in Russ.)
18. Data on precipitation values for weather stations of the Republic of Sakha (Yakutia) URL: <https://ykuthydromet.ru/o-pogode/> (Assecced 15 July 2023).
19. Gavriliev, P.P., Ugarov, I.S. and Efremov, P.V. (2001). *Permafrost-Ecological Characteristics of Taiga Agrolandscapes, Central Yakutia*. Yakutsk: Izd-vo IMZ SO RAN, 194 p. (in Russ.)
20. Belyakov, K.V. (2004). *Methodical approaches to determination of biologically active substances in medicinal plant raw materials by spectrophotometric method*. Moscow: Mega-Print, 186 p. (in Russ.)
21. Rogozhin, V.V. (1999). *Methods of biochemical studies*. Yakutsk: Handbook, 113 p. (in Russ.)

КОЛЕСОВА Лена Афанасьевна – аспирант 1-го года обучения биологического отделения Института естественных наук, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: kolesova@mail.ru

KOLESOVA Lena Afanasyevna – 1st year Postgraduate Student of Biology Department of the Institute of Natural Sciences of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СОЛОВЬЕВА Марианна Иннокентьевна – к. б. н., доцент биологического отделения Института естественных наук, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: cmi79@mail.ru

SOLOVYIEVA Marianna Innokentyevna – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of Biology Department of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 57.014

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-14-22

Содержание йода в компонентах экосистем Якутии

Н. Н. Сазонов, С. С. Кузьмина ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ sskuzmina@bk.ru

Аннотация. Проблема дефицита йода в экосистемах Якутии оказывает серьезное воздействие на здоровье людей и животных, влияя на жизненно важные процессы и причиняя ущерб сельскому хозяйству. Целью данного исследования является изучение процессов круговорота йода в различных компонентах экосистемы, включая воздух, почву, воду, растения и животных. Исследование в данном направлении становится более актуальным с учетом распространенности проблемы дефицита йода, оказывающей воздействие как на здоровье местного населения, так и на производственную деятельность в сельском хозяйстве. Для глубокого понимания круговорота йода в экосистемах Якутии исследование проведено в различных биогеохимических провинциях, выделенных на основе ландшафтных и почвенных критериев. Лабораторные методы биохимического анализа включали кинетический роданидно-нитритный метод, титриметрический метод и реакцию окисления роданид-иона. Изучение содержания йода в исследуемых компонентах экосистем Якутии выявило значительные различия в его концентрации в различных видах воды и почв в зависимости от биогеохимических характеристик провинций. Пастбищные растения Центрально-Якутской провинции по сравнению с Колымской провинцией демонстрировали значительно низкое содержание йода, не удовлетворяющее потребности местного скота. Это представляет потенциальную проблему для животноводства и связано с общими трендами концентрации йода в почвах данной провинции. В целом эти результаты подчеркивают важность понимания биогеохимических особенностей экосистем для разработки эффективных стратегий управления содержанием йода с целью обеспечения здоровья человека и животных в Якутии.

Ключевые слова: йодный статус, биогеохимические провинции, содержание йода, роданидно-нитритный метод определения йода, почва, воздух, вода, пастбищная растительность, кормовые растения, крупный рогатый скот.

Для цитирования: Сазонов Н. Н., Кузьмина С. С. Содержание йода в компонентах экосистем Якутии. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 14–22. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-14-22

Iodine content in components of ecosystems of Yakutia

N. N. Sazonov, S. S. Kuzmina ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ sskuzmina@bk.ru

Abstract. The problem of iodine deficiency in the ecosystems of Yakutia has a serious impact on human and animal health, affects vital processes and causes damage to agriculture, which requires systematic study. The aim of this study is to investigate the processes of iodine cycling in various components of the ecosystem, including air, soil, water, plants and animals. Research in this direction is becoming increasingly important in view of the widespread problem of iodine deficiency, which affects both the health of the local population and production activities in agriculture. In order to gain an in-deep understanding of the iodine cycle in the ecosystems of Yakutia, the study was conducted in various biogeochemical provinces identified on the basis of landscape and soil criteria. Laboratory methods of biochemical analysis included the kinetic rhodanide-nitrite method, the titrimetric method and the oxidation reaction of the rhodanide ion. The study of the iodine content in the studied components of the ecosystems of Yakutia revealed significant differences in its concentration in various types of water and soils, depending on the biogeochemical

characteristics of the provinces. Pasture plants in the Central Yakutia province had a significantly low iodine content than in the Kolyma province, which does not meet the needs of local livestock. This is a potential problem for livestock production and is related to the general trends in iodine concentration in the soils of this province. In general, these results highlight the importance of understanding the biogeochemical characteristics of ecosystems in order to develop effective strategies for managing iodine content in order to ensure human and animal health in Yakutia.

Keywords: iodine status, biogeochemical provinces, iodine content, rhodanide-nitrite method of iodine determination, soil, air, water, pasture vegetation, forage plants, cattle.

For citation: Sazonov N. N., Kuzmina S. S. Iodine content in components of ecosystems of Yakutia. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 14–22. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-14-22

Введение

Йод представляет интерес с биологической точки зрения как активная часть тиреоидных гормонов щитовидной железы человека и животных, которые участвуют во всех процессах обмена веществ. В последнее время стала известна роль щитовидной железы в адаптации человека к экстремальным условиям Севера. Основной метаболизм людей, живущих в экстремальных условиях Севера, имеет более высокую скорость, чем средние значения основного метаболизма человека [1]. Эти метаболические особенности связаны, в частности, с более активной продукцией гормонов трийодтиронина (Т3) и тироксина (Т4) в процессе адаптации к воздействию хронического холодового стресса [2]. Для выработки этих гормонов требуется достаточное количество йода. Поступление йода в организм происходит за счет потребляемой пищи и воды. Известно, что в целом в России потребление йода населением меньше рекомендуемой ВОЗ нормы (130–150 мкг в сутки) и составляет в среднем 40–80 мкг в день [3]. Влияние на йодный статус человека геохимических условий местности его проживания является установленным фактом. Поэтому проблема дефицита йода требует постоянного внимания к территориям с естественным дефицитом микроэлементов. В условиях Якутии обнаружены очаги зубной эндемии [4]. Эта болезнь встречается у людей и приносит также ущерб животноводству, которое является ведущей отраслью сельского хозяйства республики. В районах йодной недостаточности наблюдается снижение продуктивности крупного рогатого скота.

В связи с этим представляет интерес содержание йода во всех компонентах, составляющих сложные цепи в экосистеме: вода – почвы – растения – животные – человек. В данной работе нами показаны некоторые особенности круговорота йода в компонентах биосферы Якутии в пределах различных территорий, отличающихся в физико-географическом отношении и характеризующихся неодинаковым содержанием йода. Целью данного исследования было раскрытие особенностей присутствия и распределения йода в различных компонентах экосистемы Якутии. Акцент сделан на биогеохимических провинциях, различиях их ландшафтных и почвенных параметров, что позволяет более полно понять динамику элемента в природной среде.

Объекты и методы исследования

Экосистемы Якутии разделены на пять биогеохимических провинций на основе различий их ландшафтных критериев и почвенных критериев: Колымская, Верхоянская, Центрально-Якутская, Приалданская, Северо-Прибайкальская [5]. Материалы для анализа были собраны в маршрутных поездках с 1980 по 2015 гг. на территориях всех пяти провинций. Были проведены лабораторная обработка собранных материалов и биохимический анализ в воздухе, почве, воде, тканях отдельных видов растений, укосах естественных пастбищных трав, тканях животных.

Содержание йода в воздухе определяли по Драгомировой [6]. Йод в почвах, растениях и тканях животных определяли кинетическим роданидно-нитритным методом, в основе которого лежит реакция окисления роданид-иона смесью нитрат- и нитрит-ионов [7]. Содержание йода в воде и молоке измеряли титриметрическим методом. В качестве титранта использовали тиосульфат натрия в присутствии крахмала в качестве индикатора [8]. Описательная статистика была рассчитана с использованием статистического программного обеспечения MS Excel.

Результаты и обсуждение

Йод в воздухе, атмосферных осадках и в природных водах

Как известно, основным резервуаром йода служит океан, откуда ветры с осадками переносят его на континенты. Поэтому удаленность от морей и отгороженность местности горами от морских ветров приводят к обедненности йодом этой территории. Содержание йода в почве и растениях в значительной степени зависит от концентрации этого элемента в воздухе, т. к. атмосфера и атмосферные осадки являются основным источником поступления йода. Содержание йода в воздухе в Колымской низменности было в среднем в 2,5 раза выше по сравнению с показателями Центральной Якутии (табл. 1), по-видимому, за счет основного источника йода этого региона – Северного Ледовитого океана. Дождевая вода в этих провинциях также отличается по содержанию йода более, чем в 2 раза. В связи с этим при почти равных уровнях осадков наблюдаются существенные различия в привносе йода атмосферными осадками на единицу площади Колымской и Центрально-Якутской провинций.

Таблица 1

Содержание йода в воздухе и природных водах Якутии

Table 1

Iodine content in the air and nature water of Yakutia

Объект	Биогеохимические провинции Якутии	
	Центрально-Якутская	Колымская
Воздух, мкг/м ³	1,47±0,07	3,89±0,27
Привнос йода с осадками, г/га	0,32±0,02	0,66±0,04
Дождевая вода, мкг/л	1,92±0,17	4,34±0,31
Снеговая вода, мкг/л	1,08±0,08	2,23±0,12

Концентрация йода в воздухе над Якутией носит сезонный характер. Максимальное содержание йода отмечается в летних пробах воздуха, минимальное – в весенних. Это, вероятно, объясняется более интенсивным испарением воды летом с поверхности озер, рек и почвы. С парами воды йод улетучивается в свободном виде. Этот процесс усиливается под влиянием ультрафиолетового излучения солнца [5].

Таблица 2

Содержание йода в воде различного происхождения Центральной Якутии (мкг/л)

Table 2

Iodine content in water from different sources of Central Yakutia (µg/litre)

Источники воды	n	M±m	Min.-Max.
Речная	12	1,84	1,47-2,24
Озерная	25	2,38	1,64-3,45
Подмерзлотная	6	8,58	4,27-11,93
Дождевая	8	1,92	1,15-2,56
Снеговая	5	1,08	0,43-1,68

Наименьшее количество йода содержится в ледовой и снеговой воде, несколько повышенное (почти в 2 раза) – в дождевой и речной водах и максимальное – в подмерзлотных водах (8,58 мкг/л). Низкое количество йода в снеговой воде может быть объяснено слабым круговоротом йода между поверхностью земли и граничащими с ней частями атмосферы. При повышенной температуре, например, летом, с поверхности почвы йод переходит в воздух, тем самым увеличивается концентрация его в дождевых водах. С наступлением низких температур этот процесс естественно снижается. Вода для питья в городе Якутске поступает из реки Лены по водозаборным и водоочистным сооружениям. В питьевой воде г. Якутска содержание йода ниже нормы, так как значительная часть йода улавливается на очистительных фильтрах, а также утрачивается в процессе хлорирования. При кипячении происходит потеря йода на 15,4–41,3% от исходного [9].

Йод в почвообразующих породах и почвах

Принято считать, что родоначальниками рыхлых почвообразующих отложений являются плотные горные породы. Рыхлый материал, выступающий в качестве почвообразующих пород, может быть наследован от прошлых геологических эпох, привнесен в результате широкомасштабных эоловых процессов современными водными потоками. Поэтому химический состав почвообразующих пород локальных территорий не всегда соответствует таковому современных горных пород, выступающих на поверхность. Основными почвообразующими породами на исследованной территории являются суглинки и глины различного механического состава, а также аллювиальные пески, подстилаемые галечником на затопляемых пойменных террасах. Пески и супеси содержат вдвое меньше йода (табл. 3).

Таблица 3

Содержание йода в почвообразующих породах и в гумусовом горизонте (мг/кг)
биогеохимических провинций Якутии

Table 3

Iodine content in soil-forming rocks and humus horizon (mg/kg)
of biogeochemical provinces of Yakutia

Почва	Колымская	Верхоянская	Центрально-Якутская	Приалданская	Северо-Прибайкальская
Глины, суглинки	1,96±0,17	1,27±0,12	1,08±0,09	0,87±0,08	0,93±0,09
Пески, супеси	0,82±0,08	0,57±0,05	0,48±0,03	0,52±0,05	0,45±0,04
Гумусовый горизонт	9,63±0,63	6,78±0,48	2,57±0,37	2,85±0,41	2,63±0,35

В распространении йода в почвенном покрове определенное значение имеет рельеф местности. Наблюдения показали, что горные местности, как правило, находятся в условиях недостаточного содержания йода в связи процессами разрушения и выветривания. Высокоширотные положения Центрально-Якутской, Приалданской и Северо-Прибайкальской провинций, отдаленность и изолированность их горными поднятиями от океанических воздушных масс создают своеобразные условия йодной недостаточности в почвах.

По данным базы данных о содержании йода в почвах по всему миру, составленной на основе скрининговых данных 2151 процитированного результата для почв, средний показатель в почвах составляет 5,1 мкг/г [10]. Самые высокие уровни йода в почвах отмечаются в прибрежной зоне (0–50 км), а самые низкие значения регистрируются в континентальных недрах. Это говорит о том, что механизм прямого осаждения из атмосферы (как влажного, так и сухого осаждения) наиболее значим в прибрежной зоне, и далее вглубь страны работают другие механизмы, такие как испарение из системы почва–растение должно стать более важным. Неконсолидированные и текстурно грубые исходные материалы, по-видимому, производят почвы с низким содержанием йода, как и метаморфические коренные породы [10]. Представленные нами результаты исследования согласуются с этим заключением. Учитывая содержание йода во всех почвообразующих породах был определен порядок содержания йода в почве в провинциях Якутии: Колымская > Верхоянская > Приалданская > Центрально-Якутская > Северо-Прибайкальская.

Йод в кормовых растениях

Результаты анализов показали довольно широкий предел колебаний йода в кормовых растениях Якутии (от 0,035 до 1,274 мг/кг). Сводные данные по содержанию йода у отдельных групп пастбищных растений по двум отдаленным друг от друга провинциям представлены в табл. 4. Растения господствующих систематических групп луговых фитоценозов Колымской провинции обогащены йодом. Основными факторами, способствующими сравнительно высокому накоплению йода в растениях данной провинции, являются близость к морю, малая высота над уровнем моря, гидролитические и почвенные условия, создающие сильную восстановительную геохимическую среду.

Таблица 4

**Среднее содержание йода в основных группах пастбищных растений
в разных биогеохимических провинциях Якутии (в мг/кг абс. сухого веса)**

Table 4

**Average iodine content of the main groups of pasture plants in different
biochemical provinces of Yakutia (in mg/kg abs. dry weight)**

Группы растений	Колымская		Центрально-Якутская	
	M±m	Min.-Max.	M±m	Min.-Max.
Gramíneae (Злаковые)	0,52 ± 0,06	0,10 — 1,27	0,23 ± 0,04	0,14 — 0,45
Fabaceae (Бобовые)	0,70 ± 0,08	0,40 — 1,05	0,21 ± 0,03	0,1 — 0,38
Equisetophytina (Хвощовые)	0,78 ± 0,08	0,66 — 0,95	0,22 ± 0,01	0,14 — 0,73
Разнотравье	0,40 ± 0,04	0,11 — 0,80	0,21 ± 0,05	0,08 — 0,73

В пастбищных растениях Центрально-Якутской провинции содержание йода почти в 2–3 раза ниже, чем в растениях Колымской провинции, и не обеспечивает потребности местного скота в этом микроэлементе. Как известно, оптимальное содержание йода в кормовых растениях для достаточного обеспечения нормального йодного питания животных составляет 0,3 мг на 1 кг сухого вещества [11].

По накоплению йода в надземной части разные виды растений, принадлежащие к одному и тому же семейству, при одной и той же фазе развития и при сходных экологических условиях не идентичны. Такие же различия в содержании йода отчетливо выступают и при сравнении данных по отдельным семействам растений (табл. 5), произрастающих в Центрально-Якутской провинции.

Таблица 5

Среднее содержание йода в растениях различных семейств, произрастающих в Центрально-Якутской провинции (в мг/кг абс. сухого веса)

Table 5

Average iodine content in plants of different families growing in the Central Yakutia province (in mg/kg abs. dry weight)

Семейство	M±m	Min.-Max.
Asteraceae (Сложноцветные)	0,423 ± 0,074	0,185 — 0,807
Fabaceae (Бобовые)	0,213 ± 0,035	0,1 — 0,38
Onagraceae (Кипрейные)	0,083 ± 0,007	0,038 — 0,206
Rosaceae (Розоцветные)	0,237 ± 0,015	0,096 — 0,452
Ranunculaceae (Лютиковые)	0,175 ± 0,032	0,093 — 0,249
Scrophulariaceae (Норичниковые)	0,192 ± 0,011	0,063 — 0,350
Rubiaceae (Мареновые)	0,160 ± 0,013	0,071 — 0,237
Linaceae (Льновые)	0,128 ± 0,010	0,058 — 0,203
Polygonaceae (Гречишные)	0,218 ± 0,025	0,085 — 0,387

Как видно из табл. 5, наибольшее содержание йода отмечено у сложноцветных, а наименьшее – у кипрейных. Большинство исследователей [12, 13] отмечает, что бобовые обладают повышенной способностью к аккумуляции йода. Между тем, из данных табл. 5 видно, что доминантное содержание йода у бобовых растений не подтверждается.

Йод в организме крупного рогатого скота

Йододефицит ведет к яловости, снижению удоев и жира в молоке, замедлению роста и развития. При диагностике эндемического увеличения щитовидной железы Л. Г. Замарин предложил пользоваться не абсолютной, а относительной ее массой (количеством граммов щитовидной железы, приходящимся на 100 кг живой массы животного). Нормальной у крупного скота является относительная масса щитовидной железы не более 5,2 г. [14]. В ранних работах автора [9] была показана значительная разница в размерах щитовидной железы у коров из разных биогеохимических провинций: в среднем 7,8±1,2 в Центрально-Якутской и 4,2±0,2 г – в Колымской, где отсутствует эндемический зоб. При этом концентрация йода в щитовидной железе первой провинции была в среднем 49,3±3,5 мг % на сырой вес, а в Колымской – 72,6±5,2 мг %.

Пространственное варьирование обеспеченности йодом местных пищевых цепей можно оценить по содержанию этого микроэлемента в молоке. Так как в организм животных йод поступает с пищей и водой, его основным источником для крупного рогатого скота в

Якутии является пастбищная растительность. Есть данные, что содержание йода в молоке находится в прямой зависимости от его поступления в состав кормовых растений, т. е. выявлен высокий коэффициент корреляции между содержанием йода в молоке и укосах трав ($r = 0,62$), и значимый – в почвах пастбищ ($r = 0,25$) [13]. Наши результаты также согласуются с этими данными: в молоке коров в условиях Центрально-Якутской провинции содержание йода составило $16,8 \pm 2,3$ мкг/л, а в Колымской провинции – $24,7 \pm 3,8$ мкг/л.

Заключение

Таким образом, подчеркивая важность содержания йода в различных компонентах экосистемы, можно отметить, что продукты питания, входящие в трофическую цепь, представляют собой основной источник этого микроэлемента для организма человека. Такая трофическая цепь, начиная с почвы и охватывая растения и животных, является замкнутой системой, в которой уровень йода в каждом звене может оказать влияние на конечного потребителя. Следует отметить, что, несмотря на меньшую степень вклада, вода и атмосфера также служат источниками йода для организма человека. Это особенно актуально в регионах, где уровень йода в почвах и растительности может быть недостаточным.

Утверждение о зависимости распространенности эндемического зоба от уровня содержания йода в экосистеме подтверждается результатами исследований, включая работы Н. Н. Сазонова [9]: чем богаче почва йодом, тем в меньшей степени эндемический зоб распространен среди населения, что подтверждается наличием выраженной обратной зависимости между содержанием йода в почве и заболеваемостью населения эндемическим зобом в Якутии ($r = - 0,85$). Такой геохимический подход к изучению взаимосвязей между составом почв, растительности и заболеваниями может предоставить важные данные для разработки превентивных мер и стратегий по борьбе с эндемическим зобом. Проанализированные данные указывают на различия в содержании йода между провинциями Якутии, где Колымская провинция имеет более высокий уровень по сравнению с другими. По данным сравнения с мировой базой, уровень йода в почвах Якутии соответствует общемировым тенденциям, где прибрежные зоны имеют более высокое содержание, а континентальные недра – более низкое. Показанные в данной работе различия по содержанию йода в почве между провинциями подчеркивают необходимость индивидуальных подходов к решению проблемы дефицита йода. Улучшение качества кормов и регулирование йодного питания скота могут сыграть ключевую роль в повышении уровня йодной обеспеченности у местного населения.

Итак, взаимодействие между экосистемой и здоровьем человека в контексте содержания йода подчеркивает сложность биогеохимических процессов и их влияние на общественное здоровье. Это также подчеркивает необходимость системного подхода к изучению экологических факторов, воздействующих на заболевания, связанные с дефицитом йода, в уникальных географических регионах, таких как Якутия.

Л и т е р а т у р а

1. Cepen N. J., Snodgrass J. J., Leonard W. R., Tarskaya L. A., Klimova T. M., Fedorova V. I., Baltakhinova M. E. & Krivoschapkin V. G. (2011) Adaptation, Social Change, and the Development of Autoimmune Thyroid Disorders Among the Yakut (Sakha) of Siberia. *American Journal of Human Biology*, 23, 703–709.
2. Leonard W. R., Snodgrass J. J. & Sorensen M. V. (2005). Metabolic adaptation in indigenous Siberian populations. *Annual Review of Anthropology*, 34, 451–471.
3. Герасимов, Г. А. Йоддефицитные заболевания в России : Простое решение сложной проблемы / Г. А. Герасимов, В. В. Фадеев, Н. Ю. Свириденко. – Москва : Адамант, 2002. – 168 с.
4. Кику, П. Ф. Проблемы йоддефицитных заболеваний у населения дальневосточного региона (аналитический обзор) / П.Ф. Кику, Л. Н. Нагирная // Дальневосточный медицинский журнал – 2011. – № 2. – С. 110–115
5. Саввинов, Д. Д. Микроэлементы в северных экосистемах : на примере Республики Саха (Якутия) / Д. Д. Саввинов, Н. Н. Сазонов. – Новосибирск : Наука, 2006. – 208 с.

6. Драгомирова, М. А. Определение малых количеств йода биологических объектах : Методы определения микроэлементов. – Москва : Издательство АН СССР, 1950. – С. 144–149.
7. Проскурякова, Г. В. Определение содержания йода в пищевых продуктах нитритно-роданидным методом / Г. В. Проскурякова, Ю. Н. Еремин // Вопросы питания. – 1982. – № 1. – С. 59–61.
8. Association of Official Analytical Chemists. (1995). Official Method 920-158. (pp. 6-8). Arlington: Ed. Sidney Williams
9. Сазонов, Н. Н. Йодная недостаточность в Якутии // Якутский медицинский журнал. – 2003. – № 4. – С. 14–18.
10. Johnson, C. C. 2003 *Database of the iodine content of soils populated with data from published literature*. Nottingham, UK, British Geological Survey, 40pp.
11. Кокорев, В. А. Оптимизация микроминерального питания сельскохозяйственных животных / В. А. Кокорев, А. М. Гурьянов, Н. И. Гибалкина // Зоотехния. – 2004. – № 7. – С. 12–16.
12. Березкин, В. Ю. Анализ содержания йода в почвах пастбищ и пастбищной растительности Брянской области // Актуальные проблемы экологии и природопользования. Вып. 14. : Сборник научных трудов. – Москва : Издательство РУДН, 2013. – С. 150–154.
13. Изучение распределения йода в почвах и луговой растительности геохимически контрастных ландшафтов в связи с оценкой йодного статуса Брянской области / Е. М. Коробова, В. Ю. Берёзкин, Л. И. Колмыкова, Н. В. Корсакова // Вестник РУДН. Серия : Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2013. – № 4. – С. 60–66.
14. Базарова, Д. Ц. Морфология щитовидной железы крупного рогатого скота при йодной недостаточности : специальность 16.00.02 «Патология, онкология и морфология животных» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук / Базарова Дарима Цырендоржиевна. – Улан-Удэ. – 2007. – 20 с.

References

1. Cepon, N.J., Snodgrass, J.J., Leonard, W.R., Tarskaya, L.A., Klimova, T.M., Fedorova, V.I., Baltakhinova, M.E., and Krivoschapkin, V.G. (2011). Adaptation, Social Change, and the Development of Autoimmune Thyroid Disorders Among the Yakut (Sakha) of Siberia. *American Journal of Human Biology*, 23, 703–709.
2. Leonard, W.R., Snodgrass, J.J. and Sorensen, M.V. (2005). *Metabolic adaptation in indigenous Siberian populations*. Annual Review of Anthropology, 34, 451–471.
3. Gerasimov, G.A. (2002). *Iodine deficiency diseases in Russia. A simple solution to a complex problem*. – Moscow: Adamant, 168 p.
4. Kiku, P.F. (2011). Problems of iodine deficiency diseases in the population of the Far Eastern region (analytical review). *Far-Eastern Medical Journal*, 2, pp. 110–115.
5. Savvinov, D.D. (2006). *Microelements in northern ecosystem: on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Novosibirsk: Nauka, 208 p.
6. Dragomirova, M.A. (1950). *Determination of small amounts of iodine in biological objects: methods of determination of trace elements*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House, pp.144–149.
7. Proskuryakova, G.V. (1982). *Determination of iodine content in food products by the nitrite-rhodanide method*. Voprosy pitaniya, 2, pp. 59–61.
8. Williams, S. (1995). *Official method of analysis of the Association of Official Analytical Chemists*. Arlington: Association of Official Analytical Chemists, pp. 6–8.
9. Sazonov N.N. (2003). Iodine deficiency in Yakutia. *Yakut Medical Journal*, 4, pp. 14–18.
10. Johnson, C.C. (2003). *Database of the iodine content of soils populated with data from published literature*. Nottingham: British Geological Survey, 40 p.
11. Kokorev, V.A. (2004). Optimisation of micromineral nutrition of farm animals. *Zootechnics*, 7, pp. 12–16.
12. Berezkin, V.Yu. (2013). *Analysis of iodine content in soils of pastures and pasture vegetation of Bryansk region // Actual problems of ecology and nature management*. Ed. 14: Collection of Scientific Papers. Moscow: PFUR Publishing House, pp.150–154.

13. Korobova, E.M., Berezkin, V.Yu., Kolmykova, L.I. and Korsakova, N.V. (2013). Study of iodine distribution in soils and meadow vegetation of geochemically contrasting landscapes in connection with assessment of iodine status of Bryansk region. *Bulletin of PFUR. Ecology and Life Safety Series*, 4, pp. 60–66.

14. Bazarova, D.C. (2007). *Morphology of the thyroid gland of cattle at iodine deficiency: speciality 16.00.02 "Pathology, oncology and morphology of animals"*. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of biological sciences, Ulan-Ude, 20 p.

САЗОНОВ Николай Никитич – д. б. н., доцент, независимый исследователь.

E-mail: nn.sazonov@s-vfu.ru

SAZONOV Nikolay Nikitich – Doctor of Biological Sciences, Associate Professor Emeritus, Independent Researcher.

КУЗЬМИНА Саргылана Семеновна – к. б. н., доцент, зав. биологическим отделением ИЕН, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: sskuzmina@bk.ru

KUZMINA Sargylana Semenovna – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Biology Department of the Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 53.082.72

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-23-30

Эксперимент по проверке гипотез униполярной индукции

В. Б. Тимофеев, Т. Е. Тимофеева ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ te.timofeeva@s-vfu.ru

Аннотация. Явление униполярной индукции тесно связано с проблемой электродинамики вращающихся систем отсчета. Попытки применения общей теории относительности для построения электродинамики вращающихся систем пока не привели к общепризнанной теории. Разные авторы получают разные системы уравнений электродинамики во вращающихся системах отсчета и разные модели электрического поля вращающегося магнита. Эти модели можно тестировать в экспериментах с вращающимися магнитами. В работе выполнен эксперимент по проверке двух моделей электрического поля вращающегося намагниченного шара. Теоретические модели предсказывают разные значения электрического потенциала униполярной индукции на полюсе и экваторе шара относительно бесконечности. В эксперименте выполнены прямые измерения потенциала полюса и экватора вращающегося намагниченного шара относительно заземленного экрана. Результаты эксперимента противоречат квадрупольной модели и соответствуют модели электрического поля, получаемой применением преобразований Лоренца для векторов поля, как внутри шара, так и вне его.

Ключевые слова: униполярная индукция, намагниченный шар, магнитный момент, вращение, теория относительности, электрическое поле, электрический потенциал, магнитное поле, электрический квадруполь, емкостной зонд.

Для цитирования: Тимофеев В. Б., Тимофеева Т. Е. Эксперимент по проверке гипотез униполярной индукции. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 23–30. DOI:10.25587/2222-5404-2023-20-4-23-30

Unipolar induction hypothesis testing experiment

V. B. Timofeev, T. E. Timofeeva ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ te.timofeeva@s-vfu.ru

Abstract. The phenomenon of unipolar induction is closely related to the problem of electrodynamics of rotating reference frames. Attempts to apply the general relativity theory to construct the electrodynamics of rotating systems have not yet led to a universally recognised theory. Various authors derive different systems of electrodynamics equations in rotating reference frames and different models of the electric field of a rotating magnet. These models can be tested in experiments with rotating magnets. In this work, an experiment is performed to test two models of the electric field of a rotating magnetised sphere. The theoretical models predict different values of the electric potential

of unipolar induction at the pole and equator of the sphere relative to infinity. In the experiment, direct measurements of the potential of the pole and equator of a rotating magnetised sphere relative to a grounded screen are performed. The experimental results contradict the quadrupole model and correspond to the electric field model obtained by applying Lorenz transformations for the field vectors both inside and outside the sphere.

Keywords: unipolar induction, magnetised sphere, magnetic moment, rotation, relativity theory, electric field, electric potential, magnetic field, electric quadrupole, capacitive probe.

For citation: Timofeev V. B., Timofeeva T. E. Unipolar induction hypothesis testing experiment. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 23–30. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-23-30

Введение

Исторически проблема униполярной индукции заключалась в ответе на вопрос о месте возникновения электрического поля и соответствующей электродвижущей силы: во вращающемся магните или в неподвижных проводах, подключенных к магниту скользящими контактами. Специальная теория относительности ответила на этот вопрос в случае поступательного движения магнита. Согласно СТО движущийся магнит электрически поляризуется [1]. Это электрическое поле действует на заряды в неподвижных проводниках, создавая электродвижущую силу. Действие этого поля на заряды в движущемся магните компенсировано действием силы Лоренца, в магните электродвижущая сила не возникает. Таким образом, специальная теория относительности помещает электродвижущую силу в неподвижные провода, подключенные к движущемуся магниту. В случае вращения магнита сопутствующая система отсчета оказывается неинерциальной и применять преобразования СТО представляется некорректным. Поэтому дискуссии о методах описания униполярной индукции продолжаются до сих пор. Старая проблема униполярной индукции трансформировалась в проблему описания потенциальных электрических полей вращающихся магнитов.

В опытах начала прошлого века с вращающимися соленоидами электрическое поле в лабораторной системе отсчета обнаружено не было [2–4]. В то же время в опытах Вильсонов [5] с вращающимся магнитным диэлектриком электрическое поле в лабораторной системе отсчета обнаруживалось в полном соответствии с преобразованиями СТО. Споры по электродинамике вращающихся тел продолжились и в наше время, даже был повторен опыт с вращающимся магнитным диэлектриком [6], который подтвердил результаты опыта Вильсонов. Попытка применить общую теорию относительности к вращающейся намагниченной среде не привела пока к существенным результатам в понимании этого явления [7]. В настоящее время для описания униполярной индукции применяют преобразования электромагнитных полей в сопутствующих локальных инерциальных системах отсчета, используя специальную теорию относительности [8, 9]. Существуют две модели потенциального электрического поля вращающегося равномерно намагниченного шара в вакууме. Одна из моделей получается из применения преобразований Лоренца для электромагнитного поля внутри шара и применения уравнения Лапласа за пределами шара. Решение соответствующей краевой задачи приводит к квадрупольному электрическому полю [8, 9]. Другая модель получается путем прямого преобразования электромагнитного поля из системы отсчета, сопутствующей шару, в лабораторную систему отсчета как внутри, так и за пределами намагниченного шара. Электрическое поле, полученное вторым способом, имеет вид силы Лоренца, деленной на заряд [10]. Электрические потенциалы точек на поверхности шара

имеют определенные значения по отношению к нулевому потенциалу на бесконечности (заземленный экран). Обе эти модели дают одинаковую разность потенциалов между полюсом и экватором вращающегося намагниченного шара, но различные значения потенциала на полюсе и экваторе шара относительно бесконечности (заземленного внешнего экрана). Этот факт предоставляет возможность реализовать простой эксперимент для проверки этих моделей. Достаточно измерить разность потенциалов между полюсом шара и заземленным экраном, а также между экватором шара и заземленным экраном. Для этой цели был использован емкостной зонд, подключенный к электрометру. Предлагаемый опыт представляет собой эксперимент с разомкнутой электрической цепью. Он отличается от подобных опытов тем, что не требует высокой точности измерений для проверки теории. Известные эксперименты с разомкнутой электрической цепью можно условно разбить на две группы. Одна группа включает эксперименты, в которых электрическое поле вращающегося магнита обнаружено не было [2, 3, 4, 11]. В другой группе экспериментов, электрическое поле наблюдалось, и величина его соответствовала силе Лоренца, деленной на заряд [5, 6, 12–15]. Разные результаты экспериментов и продолжающиеся дискуссии по теории свидетельствуют об актуальности проводимого исследования.

Гипотезы униполярной индукции

Как известно, магнитное поле однородно намагниченного шара можно описать в сферической системе координат формулами [16]

$$B_r = \frac{2m}{r^3} \cos\theta, B_\theta = \frac{m}{r^3} \sin\theta, r > R, B_z = \frac{2m}{R^3}, r < R.$$

Здесь начало координат совпадает с центром шара, магнитный момент шара m направлен вдоль оси Z , R – радиус шара, r – расстояние до точки наблюдения. Таким образом, магнитное поле шара обладает аксиальной симметрией и при вращении шара вокруг оси Z остается стационарным. Магнитное поле инвариантно при переходе от сопутствующей системы отсчета к лабораторной системе отсчета, в первом приближении по v/c . $B = B'$, где штрих обозначает сопутствующую систему отсчета.

До появления специальной теории относительности предполагалось, что вращение проводящего намагниченного шара в собственном магнитном поле вокруг оси Z приводит к перераспределению свободного электрического заряда внутри шара под действием силы Лоренца [16]. Шар приобретает квадрупольный электрический момент. Потенциальное электрическое поле этого квадруполья будет существовать как в системе отсчета, совращающейся с шаром, так и в лабораторной системе отсчета.

Специальная теория относительности изменила эту картину в инерциальных системах отсчета. Во-первых, предполагается известным электромагнитное поле в системе отсчета, сопутствующей движению магнита $B' = B$, $E' = 0$ (покоящийся магнит является источником только магнитного поля). Во-вторых, оказалось, что движущийся магнит электрически поляризуется [1]

$$P = \frac{V}{c} \times M'. \quad (1)$$

Здесь V – скорость магнита, c – скорость света, $M' = M$ – намагниченность материала магнита ($v/c \ll 1$).

Учитывая соотношения между векторами электромагнитного поля и векторами поляризации и намагничивания $E = -4\pi P$, $B = 4\pi M$, получим поле электрической поляризации

$$E = -\frac{V}{c} \times B'. \quad (2)$$

Электрическое поле (2) можно получить прямым преобразованием вектора B' из сопутствующей системы отсчета в лабораторную систему отсчета. Это поле компенсирует действие силы Лоренца на заряды, движущиеся вместе с магнитом в лабораторной системе отсчета. Поэтому никакого перераспределения свободного электрического заряда в движущемся магните не происходит. Электрическое поле поляризации существует только в лабораторной системе отсчета. Это поле было экспериментально обнаружено в опытах с вращающимся магнитным диэлектриком [5, 6]. Возможно, это послужило основанием для широкого применения преобразований СТО в решении задачи с вращающимся намагниченным шаром [8, 9]. Например, электрический потенциал проводящего, однородно намагниченного шара, вращающегося в вакууме вокруг своей оси, параллельной магнитному моменту, согласно квадрупольной модели, имеет вид [8]

$$\varphi(r \leq R) = \frac{m\omega r^2}{cR^3} \sin^2 \vartheta - \frac{2m\omega}{3cR}, \quad \varphi(r \geq R) = -\frac{m\omega R^2}{3cr^3} (3\cos^2 \vartheta - 1). \quad (3)$$

Здесь ω – угловая скорость вращения шара, ($\omega R \ll c$). Решение (3) получено применением преобразования (2) внутри шара и заменой этого преобразования уравнением Лапласа вне шара с последующим решением краевой задачи. Однако магнитное поле шара существует во всем пространстве, и исключать его преобразование вне шара некорректно. Кроме этого, в инерциальных системах отсчета задача вычисления электрического поля движущегося магнита может быть решена как преобразованием источников поля, так и преобразованием полей. Оба способа решения эквивалентны. В случае вращения это не так. Преобразование (1) и последующее решение краевой задачи с уравнением Лапласа вне шара приводят к полю электрического квадруполь, а применение (2) вне шара дает электрическое поле внутри светового цилиндра в виде [10]

$$E = -(\omega \times r) \times B. \quad (4)$$

Дивергенция этого поля не равна нулю вне источников поля. Можно показать, что соответствующий этому полю электрический потенциал имеет вид

$$\varphi(r \leq R) = \frac{m\omega r^2}{cR^3} \sin^2 \vartheta, \quad \varphi(r \geq R) = \frac{m\omega}{cr} \sin^2 \vartheta. \quad (5)$$

Формулы (5) могут быть получены прямым преобразованием векторного потенциала из системы отсчета, сопутствующей шару, в лабораторную систему отсчета.

Обе теоретические модели дают одинаковую разность потенциалов между полюсом и экватором шара. Значения потенциала точек поверхности шара относительно бесконечности различны для двух моделей. Из формул (3) следует, что электрический потенциал поверхности шара меняет знак при переходе от экватора к полюсу шара и достигает на полюсе в два раза большей абсолютной величины, чем на экваторе. Из формул (5) следует, что потенциал равен нулю на полюсе, не меняет знак при переходе от полюса к экватору шара и имеет максимальное значение на экваторе.

Материалы и методы

Схема установки представлена на рис. В эксперименте был применен шаровой неодимовый магнит диаметром 30 mm, с магнитным моментом $m = (136 \pm 2) \cdot 10^2$ Гс·см³. Для измерения магнитного момента применялся Gauss meter BST200H. Шар был приклеен южным полюсом к трубке-изолятору внешним диаметром 8 мм, внутренним диаметром 5 мм и длиной 40 мм. В трубку плотно вставлялась на глубину 20 мм ось экранированного, асинхронного электродвигателя. Шар мог вращаться вокруг оси, параллельной магнитному моменту. Емкость шара, измеренная относительно внешнего экрана составляла 2 пФ. Градуировка аппаратуры осуществлялась подачей на шар потенциала (10 ± 0.2) мВ относительно заземленного экрана. Максимальная разность потенциалов между полюсом и экватором шара, измеренная с помощью графитовых

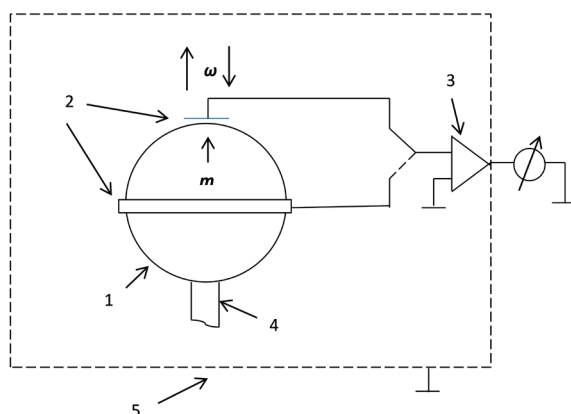

Рис. Схема установки: 1 – вращающийся намагниченный шар; 2 – емкостные зонды; 3 – входной каскад электрометра; 4 – трубка-изолятор; 5 – внешний электростатический экран

Fig. Scheme of the installation: 1 – rotating magnetised sphere; 2 – capacitive probes; 3 – electrometer input stage; 4 – insulator tube; 5 – external electrostatic screen

щеток составляла 26 mV. Скорость вращения шара измерялась стробоскопическим методом и составляла 2760 об/мин. Электрометр состоял из входного каскада и вольтметра GDM-8245. В качестве входного каскада применялся электрометрический усилитель ADA 4530-1. Попытка измерить потенциал поверхности вращающегося шара относительно заземленного экрана с помощью скользящего контакта не удалась по причине высокого уровня помех в нестационарном контакте шар-щетка. Решить проблему удалось использованием емкостных зондов на полюсе и экваторе шара (рис.). Зонд на полюсе представлял собой круг из меди или латуни диаметром 10 и 8 мм соответственно и толщиной 0,1 мм. Зонд располагался над полюсом шара на расстоянии примерно 0,5 мм от его поверхности (рис.).

Зонд на экваторе представлял собой кольцо из латуни диаметром 32 мм, шириной 3 мм и толщиной 0,1 мм (рис.). Емкостные зонды соединялись с электрометром медным проводом диаметром 0,1 мм. Таким же проводом выполнялось соединение источника напряжения 10 мВ с шаром при градуировке аппаратуры.

Недостаток емкостных зондов – усреднение потенциала участка поверхности шара по площади поверхности зонда. По этой причине разность потенциалов между полюсом и экватором шара, измеренная емкостными зондами, всегда будет меньше разности потенциалов, измеренной щетками (площадь контакта щетки значительно меньше площади емкостного зонда). Малая электроемкость зонда относительно шара дополнительно ослабляет сигнал, но исключает нестационарную контактную разность потенциалов, возникающую в щетках.

Из изложенного выше следует, что в эксперименте по проверке формул (3) и (5) достаточно лишь определить, имеет ли потенциал разный знак на полюсе и экваторе вращающегося намагниченного шара и где он больше по абсолютной величине: на полюсе или на экваторе? Потенциал поверхности шара нужно измерять относительно заземленного экрана, внутри которого вращается намагниченный шар. В электрических измерениях потенциал Земли принимается за ноль так же, как и потенциал бесконечности в теории.

Были проведены четыре серии измерений (табл.). Каждая серия состояла из 10 измерений двойного отклонения [2]. В каждом измерении вычитались показания электрометра при вращении магнита в противоположных направлениях для исключения трибоэлектрического потенциала. Полученное значение потенциала делилось на два.

Таблица

Результаты измерений потенциалов на полюсе и на экваторе вращающегося магнитного шара относительно заземленного экрана

Table

Results of measurements of potential at the pole and at the equator of the rotating magnetic sphere relative to the grounded screen

Потенциал полюса (mV)	2.4 ± 1.3	4.2 ± 2.5	6.3 ± 1.7	5.1 ± 1.1
Потенциал экватора (mV)	17.3 ± 0.7	12.8 ± 1.9	15.3 ± 2.0	18.9 ± 2.4

Результаты и обсуждение

Результаты четырех серий измерений потенциала полюса и экватора шара относительно заземленного экрана представлены в таблице.

Знаки потенциала в таблице соответствуют случаю, когда m и ω имеют одинаковое направление. В таблице указаны случайные квадратичные погрешности одного измерения. Погрешности установки зондов относительно полюса и экватора шара, а также погрешность градуировки не учитывались.

Потенциал униполярной индукции вращающегося намагниченного шара относительно заземленного экрана имеет одинаковый знак на полюсе и экваторе шара. Величина потенциала больше на экваторе. Результаты эксперимента противоречат формуле (3) и не противоречат формуле (5). Гипотеза (5) предполагает применимость преобразований Лоренца для электромагнитного поля внутри и вне шара. Гипотеза (3) предполагает применимость преобразований Лоренца только внутри шара, а вне шара применяет уравнение Лапласа.

Основную погрешность в измерение потенциала униполярной индукции емкостным зондом вносит трибоэлектрический эффект – электростатический заряд вращающегося магнита трением о воздух. Неодимовый магнит покрыт медно-никелевым сплавом и при вращении в воздухе заряжается отрицательно. Окружающий воздух заряжается, соответственно, положительно. Знак трибоэлектрического потенциала не зависит от направления вращения магнита. Знак потенциала униполярной индукции зависит от направления вращения магнита. Поэтому вычитая измеренные значения потенциала, полученные при вращении магнита в противоположных направлениях, можно выделить потенциал униполярной индукции. Величина трибоэлектрического потенциала зависит от расстояния между магнитом и зондом, скорости вращения магнита, влажности и проводимости воздуха. Ускорение магнита при его раскрутке до максимальной скорости вращения сопровождается нестационарными потоками воздуха вблизи магнита и случайными изменениями трибоэлектрического потенциала. Это означает, что процедура вычитания, описанная выше, не позволяет полностью исключить влияние трибоэлектрического потенциала на погрешность измерения потенциала униполярной индукции. Дополнительная погрешность возникает вследствие незначительных изменений расстояния между зондом и вращающимся шаром в процессе измерений и градуировки, так как изменяется емкость конденсатора шар-зонд.

Заключение

Несмотря на низкую точность измерений, результаты таблицы свидетельствуют в пользу модели, соответствующей формуле (5), и противоречат квадрупольной модели (3). Это означает, что замена преобразований электромагнитного поля вне шара уравнением Лапласа в гипотезе (3) некорректна. Преобразования векторов электромагнитного поля

в специальной теории относительности должны применяться как внутри, так и вне вращающегося магнита.

Накопление экспериментальных результатов и их обобщение дадут возможность построить непротиворечивую теорию униполярной индукции. Полученные результаты будут способствовать решению этой задачи.

Л и т е р а т у р а

1. Пановский, В. Классическая электродинамика : учебник для вузов / В. Пановский, М. Филиппс ; перевод с английского. – Москва : Физматгиз, 1963. – 432 с.
2. Barnett S. J. (1912). Electromagnetic induction and relative motion. *Phys. Rev.*, 35(5), pp. 323-336.
3. Kennard E. H. (1913). The effect of dielectrics on unipolar induction. *Phys. Rev.*, 1(5), pp. 355-359.
4. Pegram G. B. (1917). Unipolar induction and electron theory. *Phys. Rev.*, 10(6), pp. 591-600.
5. Wilson M. (1912). On the electric effect of rotating a magnetic insulator in a magnetic field. *Proc. Roy. Soc.*, 89a(608), pp. 99-106.
6. Hertzberg J. B., Bickman S. R. et al. (2001). Measurement of the Relativistic Potential Difference across a Rotating Magnetic Dielectric Cylinder. *American Journal of Physics*, 69 (6), pp. 648-654
7. Pellegrini G. N. (1995). Maxwell's equations in a rotating medium: Is there a problem? *American Journal of Physics*, 63(8), pp. 694-705.
8. McDonald K. T. (2012). Unipolar Induction via a Rotating Magnetized Sphere [online] Princeton University. Available at: <http://kirkmcd.princeton.edu/examples/> [Accessed 13 Nov. 2012].
9. Ландау, Л. Д. Электродинамика сплошных сред : учебник для вузов / Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшиц. – [6-е издание, стереотипное]. – Москва : Наука, 1982. – 620 с.
10. Djuric J. (1975). Spinning magnetic fields. *J. Appl. Phys.*, 46(2), pp. 679 -688.
11. Bartlett D. F., Monroy J. et al. (1977). Spinning magnets and Jehle's model of the electron. *Phys. Rev. D*, 16(12), pp. 3459-3463.
12. Тимофеев, В. Б. Эксперимент по измерению постоянного электрического поля вращающегося магнита / В. Б. Тимофеев, Т. Е. Тимофеева. *Препринт ИКФИИ*, 99(1), 1999. – С. 35.
13. Тимофеев, В. Б. Некоторые свойства электрического поля магнитного ротатора / В. Б. Тимофеев, Т. Е. Тимофеева // Вестник СВФУ. – 2012. – 3(9). – С. 39-42.
14. Timofeev V. B., Timofeeva T.E. (2014). Experimental Research of the Electric Field Potential of a Rotating Magnetized Sphere. *Progress In Electromagnetics Research Letters*. [Online], Volume 45. pp. 19-24. Available from: <https://www.jpier.org/issues/volume.html?paper=13102108> [Accessed 12 Febr. 2014].
15. Мисюченко, И. (2014) Экспериментальное исследование электрического поля, вращающегося вокруг оси намагниченности кольцевого магнита. [online]. Available from: [Accessed 14 September 2014].
16. Альвен, Г. Космическая электродинамика / Г. Альвен, К.-Г. Фельтхаммар. – [2-е издание, стереотипное]. – Москва : Мир, 1967. – 260 с.

R e f e r e n c e s

1. Panovsky, V. (1963). *Classical electrodynamics: a textbook for universities* Translated from English by M. Phillips. Moscow: Fizmatgiz, 432 p
2. Barnett, S.J. (1912). *Electromagnetic induction and relative motion*. Physical Review, 35(5), pp. 323-336.
3. Kennard, E.H. (1913). *The effect of dielectrics on unipolar induction*. Physical Review, 1(5), pp. 355-359.
4. Pegram, G.B. (1917). *Unipolar induction and electron theory*. Physical Review, 10(6), pp. 591-600.
5. Wilson, M. (1912). *On the electric effect of rotating a magnetic insulator in a magnetic field*. Proceedings of the Royal Society, 89a(608), pp. 99-106.
6. Hertzberg, J.B., Bickman, S.R. et al. (2001). *Measurement of the Relativistic Potential Difference across a Rotating Magnetic Dielectric Cylinder*. American Journal of Physics, 69 (6), pp. 648-654.
7. Pellegrini, G.N. (1995). *Maxwell's equations in a rotating medium: Is there a problem?* American Journal of Physics, 63(8), pp. 694-705.

8. McDonald, K.T. (2012). *Unipolar Induction via a Rotating Magnetized Sphere*. [online]. Princeton University. Available at: <http://kirkmed.princeton.edu/examples/> (Accessed 13 November 2012).
9. Landau, L.D. (1982). *Electrodynamics of continuous media: textbook for universities*. 6th ed. Moscow: Nauka, 620 p.
10. Djuric, J. (1975). *Spinning magnetic fields*. Journal of Applied Physics, 46(2), pp. 679–688.
11. Bartlett, D.F., Monroy, J. et al. (1977). *Spinning magnets and Jehle's model of the electron*. Physical Review D, 16(12), pp. 3459–3463.
12. Timofeev, V.B. (1999) *Experiment on measuring the constant electric field of a rotating magnet*. ShICRA preprint, 99(1), 35 p.
13. Timofeev, V.B. (2012). *Some properties of electric field of a magnetic rotator*. Vestnik of NEFU, 3(9), pp. 39–42.
14. Timofeev, V.B., Timofeeva, T.E. (2014). *Experimental Research of the Electric Field Potential of a Rotating Magnetized Sphere. Progress in Electromagnetics Research Letters*. [online], 45. pp. 19–24. Available from: <https://www.jpier.org/issues/volume.html?paper=13102108> (Accessed 12 February 2014).
15. Misyuchenko, I. (2014). *Experimental study of the electric field of a ring magnet rotating around the magnetisation axis*. [online]. Available from: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1699510973&tld=en&lang=en&lang=en&name=elektricheskoe-pole-vraschayuschegosya-kolcevogo-magnita.pdf> (Accessed 14 September 2014).
16. Alven, G. (1967). *Cosmic electrodynamics*. 2nd ed. Moscow: Mir. 260 p.

ТИМОФЕЕВА Тамара Егоровна – к. ф.-м. н., доцент каф. радиофизики и электронных систем ФТИ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: te.timofeeva@s-vfu.ru

TIMOFEEVA Tamara Egorovna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Radio Physics and Electronic Systems, Institute of Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ТИМОФЕЕВ Владимир Борисович – независимый исследователь, г. Якутск.

E-mail: nertiv@rambler.ru

TIMOFEEV Vladimir Borisovich – Independent Researcher, Yakutsk.

УДК 538.958

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-31-38

Численное моделирование распространения волны через сферическую частицу в рамках обобщенной теории Лоренца-Ми

А. Г. Федоров ✉, М. П. Миронов

Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия

✉ ag.fedorov@s-vfu.ru

Аннотация. Одним из актуальных направлений применения голографии является измерение/визуализация переходных процессов в многофазных потоках. Одним из недостатков такого подхода ранее являлись регистрация в различных фоточувствительных элементах с последующим его переносом на цифровой формат и восстановление. С развитием цифровых технологий стала возможна прямая регистрация в ПЗС-матрицу интерференционных картин (голографических изображений). Однако и в цифровой голографии существует ряд проблем, требующих решения. К таким проблемам можно отнести алгоритмы восстановления, эффективную обработку данных, разрешение и т. д. В настоящее время численную реализацию восстановления и обработку голографических изображений можно осуществить в рамках классической теории дифракции или с помощью обобщенной теории Лоренца-Ми. Первое подразумевает не прямое решение уравнений Максвелла, т. е. применение принципа Гюйгенса-Френеля. Второй подход подразумевает прямое решение уравнений Максвелла для задачи голографии. В рамках данной работы предлагается численное моделирование голографического изображения полей от сферических частиц на основе обобщенной теории Лоренца-Ми. В рамках данной работы представлена численная реализация моделирования голографических изображений однородной сферы на основе обобщенной теории Лоренца-Ми. Представлен код реализации на языке программирования python. Результаты исследования демонстрируют возможность эффективного использования цифровой голографии для визуализации и анализа сферических объектов.

Ключевые слова: Обобщенная теория Лоренца-Ми, осевая голография, вектор Пойнтинга, принцип Гюйгенса-Френеля, интерференционные картины от сферических частиц.

Для цитирования: Федоров А. Г., Миронов М. П. Численное моделирование распространения волны через сферическую частицу в рамках обобщенной теории Лоренца-Ми. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 31–38. DOI:10.25587/2222-5404-2023-20-4-31-38

Numerical simulation of wave propagation through a spherical particle within the framework of generalised Lorenz-Mie theory

A. G. Fedorov ✉, M. P. Mironov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ ag.fedorov@s-vfu.ru

Abstract. Holography has been widely used for measuring and visualising transients in multiphase flows. Earlier, one of the drawbacks of this approach was the need to register on various photosensitive elements and its subsequent transfer to digital format and restoration. With the development of digital technologies, direct registration of interference patterns (holographic images) into a CCD matrix became possible. However, even in digital holography there are a number of problems that need to be solved. These problems pertain to recovery algorithms, efficient data processing and resolution, among others. Currently, the numerical implementation of the restoration and processing of holographic images can be done within the framework of classical diffraction theory or with the help of generalised

Lorenz-Mie theory. The first implies an indirect solution of Maxwell's equations, i.e., application of the Huygens-Fresnel principle. The second approach involves a direct solution of Maxwell's equations for the holographic problem. In the framework of this work, a numerical simulation of holographic imaging of fields from spherical particles based on the generalised Lorenz-Mie theory is proposed. Within the framework of this work, a numerical implementation of modelling of holographic images of a homogeneous sphere based on the generalised Lorenz-Mie theory is presented. The implementation code in the python programming language is presented. The results of the study demonstrate the possibility of effective use of digital holography for visualisation and analysis of spherical objects.

Keywords: Generalised Lorenz-Mie theory, axial holography, Poynting vector, Huygens-Fresnel principle, interference patterns from spherical particles.

For citation: Fedorov A. G., Mironov M. P. Numerical simulation of wave propagation through a spherical particle within the framework of generalised Lorenz-Mie theory. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 31–38. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-31-38

Введение

Электронная голография (ЭГ) представляет собой один из разделов электронной микроскопии, позволяющей исследовать объекты на атомарном уровне, что представляет большой интерес во многих областях науки.

Наиболее часто голографический способ исследования применяют для исследования нитевидных полимерных или углеродных волокон, подвешенных на различных отверстиях [1, 2], макромолекул [3, 4], углеродных нанотрубок [5–7], ДНК [4,8] и металлических волокон [9]. Также ЭГ получила применение при исследовании вирусов, например, вируса табачной мозаики [10]. Группа авторов [11-12] предложила применение электронной голографии для исследования тонких слоистых структур.

Во всех этих исследованиях структуры достаточно малы или ограничены малым количеством слоев. Это обусловлено условием формирования голографического изображения – опорная волна должна быть во много раз больше, чем объектная [13]. Интересным в этом плане являются исследования достаточно прозрачных многослойных объектов, в частности многослойных сфер. С одной стороны, можно задать объект сферической формы достаточно меньшего диаметра для выполнения условия формирования голограммы. С другой стороны, достаточно прозрачный, чтобы в объектную волну вносили вклады множественные оболочки сферы. Классический подход моделирования распространения волны через объект основан на принципе Гюйгенса-Френеля. Для случая, когда рассматриваются сферические частицы, наиболее подходящим является обобщенная теория Лоренца-Ми [14].

В связи с вышесказанным, в рамках данной работы рассматривается модельная задача рассеяния электромагнитной волны на сфере. Представлена численная реализация для одной непрозрачной сферы. Код реализации представлен на языке программирования Python.

Методы исследования

В рамках настоящей работы рассматривается следующая задача (рис. 1): плоская волна проходит через объект сферической формы, часть которой рассеивается от объекта (объектная волна), часть проходит без взаимодействия (опорная волна). На некотором расстоянии от плоскости образца объектная и опорная волны, интерферируя, образуют голографическое изображение. В первом приближении рассматривается одна непрозрачная сферическая частица, но в перспективе теорию можно обобщить для N сферических частиц. Поэтому математическая модель представлена для N частиц, где через индекс i обозначается частица, а координаты (x_i, y_i, z_i) обозначают расположение i -ой частицы в декартовой системе координат $OXYZ$. Количество оболочек в будущем можно также увеличить (в рамках данной работы не рассматривается).

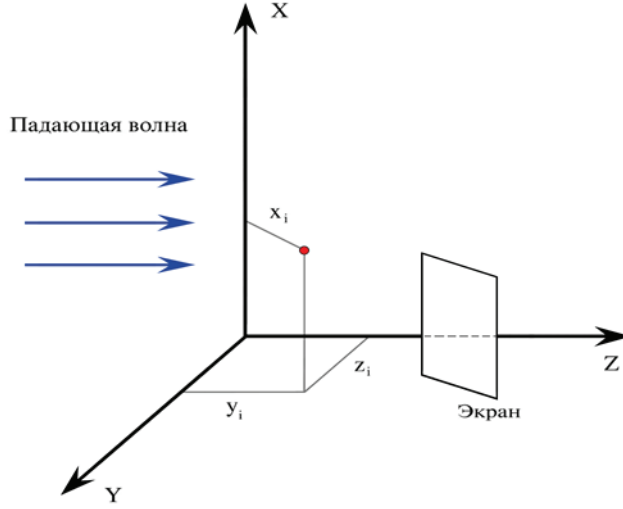

Рис. 1. Постановка задачи
Fig. 1. Setting of the problem

Регистрирующая среда математически представляет собой матрицу с координатами (x_d, y_d, z_i) (на практике, в случае, когда рассматриваются электронная волна за регистрирующую среду, выступает система из координатно-чувствительного детектора с ПЗС-матрицей. Для случая оптического диапазона за регистрирующую среду может выступать только ПЗС-матрица) и размерности $M \times M$, с физическим размером пикселя $dpix$, метр. Интерференционная картина (голографическое изображение) формируется на плоскости регистрирующей среды. Предполагается, что опорная волна является плоской и падает на регистрирующую среду под прямым углом.

Классическим подходом при моделировании рассеяния электромагнитной волны на сферической частице является применение обобщенной теории Лоренца-Ми в представлении Бромвича [14-16].

Центр рассеяния Ми (абсолютно сферическая, изотропная и однородная частица с диаметром d и комплексным показателем преломления m) находится в точке O_j декартовой системы координат $OXYZ$. Считается, что среда, окружающая частицу, не поглощающая, компоненты рассеянного электромагнитного поля (обозначаемые как $V_k^{s,j}$, где V обозначает E или H , s обозначает рассеянный, j – номер частицы, а k обозначает координату r , θ или ϕ) в направлении θ_j , ϕ_j и на расстоянии r_j от центра частицы задаются следующим образом:

$$E_r^{s,j} = E_0 \cos(\phi_j) \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} a_n \left[\xi_n''(kr_j) + \xi_n(kr_j) \right] P_1^n(\cos(\theta_j)),$$

$$E_{\theta}^{s,j} = E_0 \frac{kr_j}{\cos(\phi_j)} \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} \left[a_n \xi_n'(kr_j) \tau_n \cos(\theta_j) - i b_n \xi_n(kr_j) \pi_n \cos(\theta_j) \right],$$

$$E_{\phi}^{s,j} = -E_0 \frac{kr_j}{\sin(\phi_j)} \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} \left[a_n \xi_n'(kr_j) \pi_n \cos(\theta_j) - i b_n \xi_n(kr_j) \tau_n \cos(\theta_j) \right],$$

$$H_r^{s,j} = E_0 \left(\frac{\epsilon}{\mu} \right)^{1/2} \sin(\phi_j) \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} b_n \left[\xi_n''(kr_j) + \xi_n(kr_j) \right] P_1^n(\cos(\theta_j)),$$

$$H_\theta^{s,j} = E_0 \frac{kr_j}{\sqrt{\epsilon/\mu}} \sin(\phi_j) \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} \left[-ia_n \xi_n'(kr_j) \pi_n \cos(\theta_j) + b_n \xi_n(kr_j) \tau_n \cos(\theta_j) \right],$$

$$H_\phi^{s,j} = E_0 \frac{kr_j}{\sqrt{\epsilon/\mu}} \cos(\phi_j) \sum_{n=1}^{\infty} i^{n+1} \tilde{n} \left[-ia_n \xi_n'(kr_j) \tau_n \cos(\theta_j) + b_n \xi_n(kr_j) \pi_n \cos(\theta_j) \right],$$

где $\tilde{n} = \frac{2n+1}{n(n+1)}$, E_0 – амплитуда падающей плоской волны, π_n и τ_n – функции Лежандра:

$$\pi_n(\cos(\theta)) = \frac{P_1^n(\cos(\theta))}{\sin(\theta)},$$

$$\tau_n(\cos(\theta)) = \frac{dP_1^n(\cos(\theta))}{d\theta},$$

$$P_1^n(\cos(\theta_j)) = -\frac{\sin(\theta) dP_n}{d\cos(\theta)},$$

где $P_n(\cos(\theta))$ – классические полиномы Лежандра.

Функция $\xi_n(kr)$ определена следующим образом, по сути представляющая собой функцией Ханкеля:

$$\xi_n(kr) = kr \left[\psi_n(kr) + i\chi_n(kr) \right],$$

$$\psi_n(kr) = \sqrt{\frac{\pi kr}{2}} J_{n+\frac{1}{2}}(kr),$$

$$\chi_n(kr) = \sqrt{\frac{2}{\pi kr}} J_{-n-\frac{1}{2}}(kr),$$

где $J_{n+\frac{1}{2}}(kr)$ – классические функции Бесселя полуцелого порядка, $k = 2\pi/\lambda$ – волновое число.

Коэффициенты рассеяния:

$$a_n = \frac{\psi_n(\alpha) \psi_n'(\beta) - m \psi_n'(\alpha) \psi_n(\beta)}{\xi_n(\alpha) \psi_n'(\beta) - m \xi_n'(\alpha) \psi_n(\beta)},$$

$$b_n = \frac{m \psi_n(\alpha) \psi_n'(\beta) - \psi_n'(\alpha) \psi_n(\beta)}{m \xi_n(\alpha) \psi_n'(\beta) - \xi_n'(\alpha) \psi_n(\beta)},$$

где $\alpha = \pi d/\lambda$ – параметр частицы (единица измерения – метр), $\beta = m\alpha$. Знак апострофа указывает на производную по аргументу, указанному в скобках.

Опорную волну около плоскости регистрации можно представить в следующем виде:

$$E_{x_d}^i = E_0 \exp(-ikR),$$

$$E_{y_d}^i = 0,$$

$$E_{z_i}^i = 0,$$

$$H_{x_d}^i = 0,$$

$$H_{y_d}^i = E_0 \sqrt{\frac{\epsilon}{\mu}} \exp(-ikR),$$

$$E_{z_i}^i = 0.$$

Общее поле задается в виде:

$$V_w^t = V_w^i + \sum_{j=1}^N U_w^{s,j},$$

где N – общее количество частиц в контрольном объеме, V означает E или H , w означает X , Y или Z в декартовой системе координат, U – компонента E или H рассеянного поля в той же системе.

Интенсивность можно вычислить с помощью вектора Пойнтинга при известном поле V_i :

$$S = \frac{1}{2} \text{Re}(E^t H^{t*}).$$

В этом случае $I = \text{abs}(S)$.

Результаты

Численная реализация математической модели распространения волны через сферическую частицу была реализована с помощью языка программирования Python.

Рассматривалась частица сферической формы диаметром 1 мкм, коэффициент преломления – 1;59. Расположение центральной частицы (0,0,0).

На рис. 2 представлены численные результаты для одной частицы в разных расположениях. Как видно из рисунка, значения интенсивности для второго случая (рис. 2 а) имеют нестандартную форму ввиду того, что значения для интенсивности брались по центру, тогда как сама частица расположена в нижней правой области координатной плоскости.

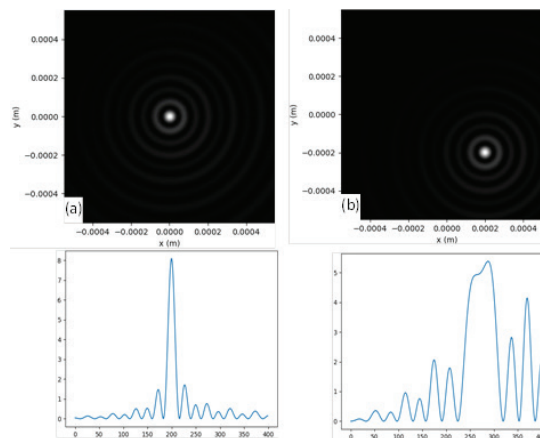

Рис. 2. Голографические изображения и их амплитуды (графики снизу) сферической частицы диаметром 1 мкм: а) расположение частицы (0;0;0); б) расположение частицы (0.0002;0.0002;0)

Fig. 2. Holographic images and their amplitudes (graphics below) of a spherical particle measuring 1 μm in diameter: (a) particle location (0;0;0); (b) particle location (0.0002;0.0002;0)

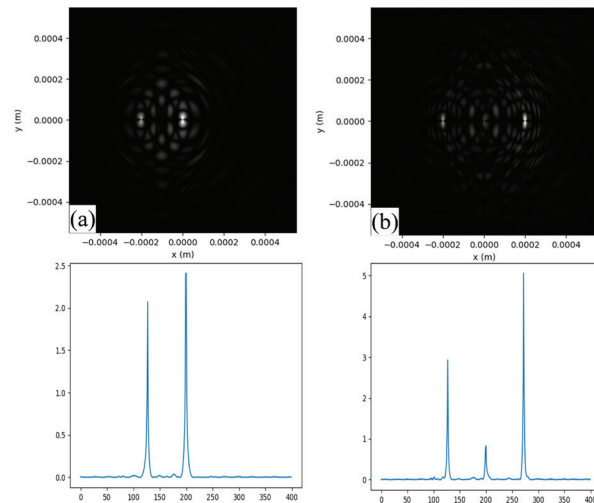

Рис. 3. Голографические изображения и их амплитуды (графики снизу) нескольких сферических частиц с диаметром 1 мкм: а) расположение двух частиц $(-0.0002; 0; 0)$, $(0; 0; 0)$, соответственно; б) расположение трех частиц $(-0.0002; 0; 0)$, $(0; 0; 0)$, $(0.0002, 0, 0)$, соответственно

Fig. 3. Holographic images and their amplitudes (graphics below) of several spherical particles measuring 1 μm in diameter: (a) location of two particles $(-0.0002; 0; 0)$, $(0; 0; 0)$, respectively; (b) location of three particles $(-0.0002; 0; 0)$, $(0; 0; 0)$, $(0.0002, 0, 0)$, respectively

На рис. 3 представлены численные результаты с двумя (рис. 3 а) и с тремя (рис. 3 б) частицами. В силу наложения интерференционных колец, пики интенсивности отличаются друг от друга, в особенности это заметно для случая, представленного на рис. 3 б.

Обсуждение

Полученные численные результаты достаточно хорошо согласуются с литературными данными. Все результаты представлены для случая прямого распространения волны, т. е. часть волны, проходя без взаимодействия с объектом, часть – взаимодействуя, интерферируют между собой на экране, в частности на регистрирующей среде, формируя тем самым голографическое изображение. Задача обратного рассеяния в рамках данной работы не рассматривается. Обратное рассеяние подразумевает восстановление голографических изображений, т. е. самого объекта. Для этого можно применить один из классических способов, основанный на принципе Гюйенса-Френеля.

Следует отметить, что для работы с большим количеством частиц требуется оптимизация алгоритма. Так, например, расчет трех частиц занимает около трех минут.

Также в будущем планируется рассмотреть задачу моделирования распространения волны через сферическую частицу с несколькими оболочками.

Заключение

В рамках данной работы была проведена численная реализация математической модели распространения волны через сферическую частицу на основе обобщенной теории Лоренца-Ми.

Получены голографические изображения одной частицы диаметром 1 мкм. Получены голографические изображения нескольких частиц того же диаметра.

Представленные графики интенсивности показали, что для случая двух и более частиц происходит ослабление центральных пиков.

Литература

1. D. Gabor. A new microscope principle // Nature 161. 1948. pp. 777–778.
2. H.-W. Fink, W. Stocker, H. Schmid. Physical Review Letters 65(10), с. 1204-1206 (1990).

3. A. Götzhäuser, B. Völkel, B. Jäger, M. Zharnikov, H. J. Kreuzer, and M. Grunze, J. Vac. Sci. Technol., A 16 (1998) 3025.
4. G.B. Stevens, M. Krüger, T. Latychevskaia, P. Lindner, A. Plückthun, and H.-W. Fink. Individual filamentous phage imaged by electron holography // Eur. Biophys. J. 40 (2011) 1197–1201.
5. Pavel S. Dorozhkin, Artem S. Trifonov and Zhen-Chao Dong. Rectifying Behavior of a Free-Standing Carbon Nanotube Kink-Shaped Heterojunction // Japanese Journal of Applied Physics, Volume 41, Part 2, Number 12A
6. I.-S. Hwang, Che-Cheng Chang, Chien-Hung Lu, Shih-Chin Liu, Yuan-Chih Chang, Ting-Kuo Lee, Horng-Tay Jeng, Hong-Shi Kuo¹, Chun-Yueh Lin, Chia-Seng Chang and Tien T Tsong. Investigation of single-walled carbon nanotubes with a low-energy electron point projection microscope // New Journal of Physics 15(2013) 043015 P. 14.
7. H. Schmid, H.-W. Fink. Carbon nanotubes are coherent electron sources. Carbon nanotubes are coherent electron sources // Applied Physics Letters 70, 2679 (1997).
8. A. Eisele, B. Völkel, M. Grunze, A. Götzhäuser. Nanometer Resolution Holography with the Low Energy Electron Point Source Microscope // Z. Phys. Chem. 222(2008) pp. 779–787.
9. W. Lai, A. Degiovanni, R. Morin. Microscopic observation of weak electric fields // Appl. Phys. Lett. 74 (1999) 618.
10. J.-N. Longchamp, T. Latychevskaia, C. Escher, H.-W. Fink. Low-energy electron holographic imaging of individual tobacco mosaic virions // Appl. Phys. Lett. 107, 133101 (2015).
11. N. V. Egorov, A. G. Karpov, L. I. Antonova, A. G. Fedorov, V. V. Trofimov, and S. R. Antonov. Technique for Investigating the Spatial Structure of Thin Films at a Nanolevel // Journal of Surface Investigation. X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques, 2011, Vol. 5, No. 5, pp. 992–995.
12. N. V. Egorov, L. I. Antonova, V. V. Trofimov, and A. Yu. Gileva. Atomic structure probing of thin metal films via vacuum holographic microscopy // Journal of Surface Investigation: X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques, 2019, Vol. 13, No. 6, pp. 1267–1271.
13. Гудмен Дж. Введение в Фурье-оптику // Перевод с английского В. Ю. Галицкого, М. П. Головея ; под редакцией Г. И. Косоурова. – Москва : Мир, 1970. – С. 261–274.
14. Gouesbet G., Grehan G. Generalized Lorenz-Mie Theories. Springer International Publishing. 2017. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-46873-0>.
15. F. Slimani, G. Grehan, G. Gouesbet, D. Allano. Nearfield lorenzmie theory and its application to microholography // Applied Optics. 1984. Vol. 23. No. 22. P. 4140. doi: <https://doi.org/10.1364/ao.23.004140>.
16. X. Wu, S. Meunier-Guttin-Cluzel, Yingchun Wu et al. Holography and microholography of particle fields: A numerical standard // Optics Communications. 2012. Vol. 285. No. 1314. P. 3013–3020. doi: <https://doi.org/10.1016/j.optcom.2012.02.101>.

References

1. Gabor D., (1948). *A new microscope principle*. Nature 161. pp. 777–778.
2. Fink H.-W., Stocker W. and Schmid H., (1990). *Physical Review Letters*. 65(10), pp. 1204–1206.
3. Götzhäuser A., Völkel B., Jäger B., Zharnikov M., Kreuzer H.J. and Grunze M., (1998). *Journal of Vacuum Science and Technology A*, 16 3025.
4. Stevens G.B., Krüger M., Latychevskaia T., Lindner P., Plückthun A., and Fink H.-W. (2011). Individual filamentous phage imaged by electron holography. *European Biophysics Journal*, 40, 1197–1201.
5. Dorozhkin P.A., Trifonov A.S. and Dong Zh.-Ch., (2002). Rectifying Behavior of a Free-Standing Carbon Nanotube Kink-Shaped Heterojunction. *Japanese Journal of Applied Physics*, 41(2), No. 12A.
6. Hwang I.-S., Chang Che-Cheng, Lu Chien-Hung, Liu Shih-Chin, Chang Yuan-Chih, Lee Ting-Kuo, Jeng Horng-Tay, Kuo Hong-Shi, Lin Chun-Yueh, Chang Chia-Seng and Tsong Tien T. (2013). Investigation of single-walled carbon nanotubes with a low-energy electron point projection microscope. *New Journal of Physics*, 15. P. 14.
7. Schmid H. and Fink H.-W. (1997). Carbon nanotubes are coherent electron sources. Carbon nanotubes are coherent electron sources. *Applied Physics Letters*, 70, 2679.

8. Eisele A., Völkel B., Grunze M. and Götzhäuser A., (2008). Nanometer Resolution Holography with the Low Energy Electron Point Source Microscope. *Zeitschrift für Physikalische Chemie*, 222, pp. 779–787.
9. Lai W., Degiovanni A. and Morin R., (1999). Microscopic observation of weak electric fields. *Applied Physics Letter*. 74. P. 618.
10. Longchamp J.-N., Latychevskaia T., Escher C., Fink H.-W. (2015). Low-energy electron holographic imaging of individual tobacco mosaic virions. *Applied Physics Letter*, 107, 133101.
11. Egorov N.V., Karpov A.G., Antonova L.I., Fedorov A.G., Trofimov V.V. and Antonov S.R., (2011). Technique for Investigating the Spatial Structure of Thin Films at a Nanolevel. *Journal of Surface Investigation. X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques*, 5(5), pp. 992–995.
12. Egorov N.V., Antonova L.I., Trofimov V.V. and Gileva A.Yu., (2019). Atomic structure probing of thin metal films via vacuum holographic microscopy. *Journal of Surface Investigation. X-ray, Synchrotron and Neutron Techniques*, 13(6), pp. 1267–1271.
13. Goodman J., (1970). *Introduction to Fourier optics*. Translated from English by Galitsky V.Yu. and Golovey M.P., edited by Kosourov G.I. Moscow: Mir, pp. 261–274. (In Russ.)
14. Gouesbet G., Grehan G., (2017). Generalised Lorenz-Mie Theories. *Springer International Publishing*. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-46873-0>
15. Slimani F., Grehan G., Gouesbet G. and Allano D. (1984). Nearfield lorenzmie theory and its application to microholography. *Applied Optics*, 23(22). P. 4140. doi: <https://doi.org/10.1364/ao.23.004140>.
16. Wu X., Meunier-Guttin-Cluzel S., Wu Yingchun, et al. (2012). Holography and microholography of particle fields: A numerical standard. *Optics Communications*, 285(1314). P. 3013–3020. doi: <https://doi.org/10.1016/j.optcom.2012.02.101>.

ФЕДОРОВ Артур Григорьевич – к. т. н., доцент кафедры теоретической физики ФТИ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: ag.fedorov@s-vfu.ru

FEDOROV Artur Grigoryevich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Physics, Institute of Physics and Technologies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МИРОНОВ Мичил Петрович – студент 4 курса, группы БА-Ф-19-2 ФТИ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

MIRONOV Michil Petrovich – 4th year student, of the Institute of Physics and Technologies M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-39-50

Антропология частного мира в малороссийских повестях Н. В. Гоголя о современности

В. В. Башкеева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

✉ oaelun@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы связана с применением метода литературной антропологии, изучением антропологических форм, впервые предпринятым по отношению к совокупности малороссийских повестей Н. В. Гоголя о современности: «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Проблемным является вопрос о том, как соотносятся особый рассказчик и особый мир. Цели и задачи связаны с анализом образа рассказчика и изображения персонажей прежде всего с точки зрения словесного портрета, что позволяет охватить важные аспекты человековедческого видения писателя. Акцент делается на том, как особый рассказчик создает частный мир со всеми его субъектами и деталями. Рассмотрены особенности образа рассказчика как погруженного в быт, в материальное, сближенного с обыкновенным миргородским обитателем. Ставится вопрос об усложнении данного образа, не приведшего, однако, к целостности и завершенности образа. В созданном особым рассказчиком частном мире господствуют особые законы, определяющие изображение персонажей. Разрушение границ между человеком и нечеловеком, внешним и внутренним, обывательским и божьим ведет к разрушению иерархического строения мира. Другое следствие этого – уподобление всего всему, тяготение к изображению массовидного, сходного, перекликающегося, в том числе акцентирование мнимой парности. Единичное стремится к парности, парное тяготеет к массовидному. Разрушение границ между внешним и внутренним ведет к доминанте телесности вне зависимости от того, показан человек как плоть или как форма. Можно говорить о доминанте у Гоголя личности над ликом (Флоренский), разъятии тела на части, автономизации и самостоятельной жизни этих частей. Придается чрезмерно большое значение костюму персонажа, который может заместить героя. Традиционное описание замещено выразительным представлением героя в двух вариантах: представление-вообще и представление-в-моменте.

Ключевые слова: Гоголь, малороссийские повести о современности, особый рассказчик, частный мир, исчезновение границ, разъятость человека, физиологичность, автономизация частей тела, личность.

Для цитирования: Башкеева В. В. Антропология частного мира в малороссийских повестях Н. В. Гоголя о современности. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 39–50. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-39-50

Anthropology of the private world in N. V. Gogol's Little Russian novels about modernity

V. V. Bashkeeva

Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

✉ oaelun@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is connected with the application of the method of literary anthropology, the study of anthropological forms, for the first time undertaken to a set of N. V. Gogol's Little Russian novels about modernity: "Ivan Fyodorovich Shponka and His Auntie", "The Old World Landlords", "The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich". The problematic question is how a special narrator and a special world are related. The aims and objectives are connected to the analysis of the narrator's image and images of the characters primarily from the verbal portrait's point of view, which makes it possible to cover important aspects of the writer's humanistic vision. The emphasis is on how the particular narrator creates a private world with all its subjects and details. The peculiarities of the narrator's image are considered as immersed in everyday life and material things, close to an ordinary common man of Mirgorod. The question is raised about the complication of this image, which, however, did not lead to the wholeness and completeness of the image. The private world created by the special narrator is dominated by special laws that determine the portrayal of the characters. The destruction of the boundaries between human and non-human, external and internal, philistine and divine, leads to the destruction of the world's hierarchical structure. Another consequence of this is the likening of everything to everything else, the tendency to depict the mass, the similar, the echoing, including the accentuation of imaginary pairing. The singular tends to pairing, the paired tends to the mass-shaped. The destruction of the boundaries between the external and the internal leads to the dominance of corporeality, regardless of whether man is shown as flesh or as form. One can speak of Gogol's dominance of the face over the countenance (Florensky), the dismemberment of the body into parts, the autonomisation and independent life of these parts. An excessive importance is given to the character's costume, which can replace the hero. The traditional description is replaced by an expressive representation of the hero in two variants: representation-in-general and representation-in-the-moment.

Keywords: Gogol, Little Russian novels about modernity, special narrator, private world, disappearance of boundaries, man's separateness, physiological, autonomisation of body parts, persona.

For citation: Bashkeeva V. V. Anthropology of the private world in N. V. Gogol's Little Russian novels about modernity. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 39–50. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-39-50

Введение

Загадочность, многослойность, при этом некоторая герметичность творчества Н. В. Гоголя ведут к необходимости понять особенности изображаемого писателем мира. Тем более важно это понять в ситуации сложного взаимодействия разных методов в творчестве классика.

Новизна исследования связана с рассмотрением особенностей трех повестей о современности на малороссийском материале с точки зрения антропологического подхода, учитывающего одновременно ракурс и автора в лице его представителей, и героя с точки зрения проблемы человека.

Работ, напрямую посвященных нашей проблеме, нет, но имеется ряд пересечений. Так, подход классика к человеческой личности рассматривается И. А. Виноградовым в аспекте религиозного литературоведения [1]. Интерес к пространственной организации гоголевского художественного мира как базе для перехода к антропологическому рассмотрению имеется в работах О. С. Карандашовой [2], В. С. Домашневой [3]. Те или

иные аспекты портрета, в том числе психологические и телесные состояния человека, затрагиваются в работах С. Г. Бочарова [4], Л. А. Давыденко [5], С. Н. Кауфман [6] и др.

Целью настоящей работы является изучение антропологических форм в тех повестях Гоголя, которые были написаны на малороссийском материале о современности и опубликованы в первой половине 30-х годов XIX века: «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (далее – «Иван Федорович...»), «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (далее – «Повесть о том...»). Выделенные задачи, связанные с анализом образа рассказчика и персонажей как субъектов приватного мира, рассмотренных прежде всего с точки зрения словесного портрета, позволяют охватить важные аспекты человековедческого видения писателя.

Антропологический подход еще не применялся к рассмотрению совокупности данных трех повестей. Он позволяет отойти как от радикальности взглядов на творчество Гоголя А. Белого, акцентировавшего слово писателя как порождающую креативную сущность, так и от социологического критицизма В. Белинского, – этих двух основоположников важных подходов к анализу творчества Гоголя. Антропологический подход позволяет рассмотреть повести Гоголя с точки зрения типа героя и воплощающего его портрета.

Облик рассказчика

Приватный мир как мир частной жизни, далекой от гулов эпохи, исторических проблем, создается в указанных повестях прежде всего благодаря позиции повествователя. Особенно ярко тяготение к частному миру «необыкновенно уединенной жизни», миру, когда через частокол и плетень сада не проникают «страсти, желания и беспокойные порождения злого духа», дает о себе знать в идиллии «Старосветских помещиков». Это же тяготение к уединенному миру, сводимому в пространственном смысле к точке Миргорода, видим и в «Повести о том...». Приватный мир расположен рядом, знаком, наполнен бытовыми мелочами и пассажами. Уединенность, обособленность этого мира либо откровенно позиционируются, либо частично маскируются условными социальными обстоятельствами.

В таком мире время ориентировано на яркое для рассказчика событие – как Агафья Федосеевна откусила ухо у заседателя, или как маленький «гадкий» Шпонька «чуть не испортил... всего платья» своей тетушки. Царит время случайного события из малого мира – мира, который непосредственно окружает персонажа.

Содержательно приватный мир и человек соотносятся с тем, каким видел М. Бахтин героя греческого романа: «...только изолированным приватным человеком, лишенным всяких сколько-нибудь существенных связей со своей страной, своим городом, своей социальной группой, своим родом, даже со своей семьей. Он не чувствует себя частью социального целого <...>. Внутреннее содержание образа совершенно приватно: основное жизненное положение героя, цели, которыми он руководствуется, все его переживания и все его поступки носят совершенно частный характер и не имеют ровно никакого общественно-политического значения» [7]. И хотя в греческом романе герой пребывал в чужом мире, от которого художественно был изолирован, гоголевский герой, находясь в привычном для себя мире, с присущими ему социальными контактами, вступая в определенные квазисоциальные взаимодействия, также не ощущает себя и, более того, не является частью социального целого. Имеет место эффект отчуждения от действительного мира бытия человека.

Этот акцент на новом с точки зрения локуса и типов героев по сравнению с основным составом повестей цикла «Вечера на хуторе...» художественном материале пока еще не выведен у Гоголя в понятие. Обозначение понятия произойдет позднее. Так, в редакции комедии «Ревизор» 1841 г. Хлестаков радостно откликается на приглашение Городничего: «Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке» (действие 2, явление 8). В «Мертвых душах» в разговоре с помещиком

Костанжогло Чичиков глубокомысленно рассуждает: «Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное <время> разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким образом, как поступить?» (том 2, глава 3). И приватный означает здесь частное, необщественное пространство, индивидуальное, личное, негосударственное, неофициальное. По предположению автора заметки о понятиях и словах данное слово в XIX веке функционировало «как калька с французского (в противопоставлении «казенному», то есть государственному)» [8].

Такое понимание приватности, очевидно, отлично от иной системы интерпретации гоголевского творчества, весьма продуктивной и влиятельной, когда «старосветский» мир рассматривается в аспекте архаических тяготений к коллективному телу, а не индивидуальному сознанию [9].

Повествователь (рассказчик) в достаточной степени приближен к рисуемому миру. Особенно ярко он проявляется в «Повести о том...», в которой является чуть ли не жителем Миргорода. По сути он завидует Ивану Ивановичу и восхищается бекешей, которая была сшита сравнительно давно, «тогда еще, когда Агафья Федосеевна еще не ездила в Киев». По-своему он чревоугодник, выбираемый им словесный ряд свидетельствует об этом: «Объядение!» – говорит он о бекеше, дом с сениями и сеничками сравнивает с тарелкой с блинами и лишь потом спохватывается, что не очень удачное сравнение, и приводит образ губок на дереве.

В другом случае рассказчик открывается в его эротических фантазиях, когда не просто показывает вечернюю свежесть красавиц-хуторянок, но эротизирует «свежий холод южной ночи», который «незаметно прижимается сильнее к свежим плечам и грудям полных хуторянок». Его тянет на штампы («два почтенные мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою»), на неумеренные восторги.

Следует сказать и об определенной непоследовательности рассказчика. Он как будто забывает о том, что характеризовал участников истории во второй части как приятелей, и в части третьей говорит уже о неразлучных друзьях. Если ранее он показывал весьма сомнительную по приличности и добросердечности беседу приятелей, пропитанную бранными речениями Ивана Никифоровича, то в третьей части с воодушевлением и сожалением отмечает, что они каждый день «часто переговариваются друг с другом с своих балконов и говорят друг другу такие приятные речи, что сердцу любо слушать было» [10, с. 368].

Эту непоследовательность можно понять, если учесть эмоциональность рассказчика, вибрирование настроений. Эмоциональность, желание воздействовать на читателя, «витийствовать» может вести к некоторой разноречивости, непоследовательности. Данный тип рассказчика и данная особенность стилиобразования определенным образом соотносятся с тем принципом, который Ю. Тынянов применял к оде: «Ода как витийственный жанр слагалась из двух взаимодействующих начал: из начала наибольшего действия в каждое данное мгновение и из начала словесного развития, развертывания. Первое явилось определяющим для стиля оды...» [11, с. 230]. «Начало наибольшего действия в каждое данное мгновение», примененное в прозе Гоголя, есть форма существования эмоционального, воздействующего рассказчика.

В связи с этим возникает вопрос, действительно ли таким является рассказчик или он надевает маску с целью спрятать свое истинное лицо. Так, описание солнечного луча и впечатления от него явно не из репертуара обывателя приватного миргородского общества. Заметить это явление и отреагировать на него может личность более высокой организации, в вокабуляре которой возможны и «радужный цвет», и «пестрый ландшафт», и «чудный полусвет».

К концу повести рассказчик так полностью и не раскрывается. Финал повести с его лирическим описанием «дурного времени» и плохой погоды вначале настраивает на

промелькнувший ранее очерк серьезного рассказчика, но превознесение им трогательной дружбы двух единственных человек, двух единственных друзей развеивает этот образ. И даже знаковая фраза «Скучно на этом свете, господа!» не позволяет считать, что рассказчик полностью дистанцировался от миргородского обывателя.

Именно этот образ рассказчика как усложненного миргородского обывателя способствует усилению тех способов создания мира, которые частично имели место быть и в двух других повестях.

Особый мир

Акцентирование фигуры особого рассказчика, за которым стоит особый автор, приводит к тому, что актуализируется условный момент воспоминания, ситуации из прошлого. В связи с этим прежнее понимание живописности как мира, созданного в словесном искусстве с ориентацией на особенности изобразительного искусства, наполненного отобранными и неслучайными смыслами, значимого для литературы прежде всего XVIII века, уходит в прошлое [12]. Актуализация момента воспоминания, сопряженная с цепкостью взгляда рассказчика, приводит к тому, что рассказчик может «видеть» и неотобранные детали, по-видимому, не имеющие особого смысла, вроде девятой пуговицы на мундире у городничего. Это живописность иного типа, тесно связанная с особенностями и кругозором рассказчика.

Особый тип рассказчика, заметно приближенного к персонажам и физически, и ментально, приводит к тому, что в приватном гоголевском мире исчезают границы – между человеком и нечеловеком, между портретом и непортретом, между знанием и незнанием. Гоголь даже намечал размывание границ между гендерами в ранней своей повести, когда тетушка Василиса Кашпоровна была наделена исполинским ростом и страшною рукою, а Иван Федорович – робостью и женскими жестами потупления глаз: «покраснев, потупил глаза в землю». При этом нельзя не согласиться с В. Гиппиусом, что данный герой представлен Гоголем противоречиво: «Как обыватель... он близок к своему окружению, ...но как кроткая душа он им противостоит. Здесь начало очень важной линии гоголевского творчества: разоблачение социальной пошлости» [13, с. 70], или между миром человека и нечисти. Критикуя сплетню о хвосте у Ивана Никифоровича, гоголевский рассказчик парадоксально обнаруживает свою веру в хвосты у ведьм: «...пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым, без всякого сомнения, известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост, которые, впрочем, принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому» [10, с. 358].

Исчезновение границ ведет к разрушению иерархии, основы общего порядка вещей. Скажем, явление мальчишки среди изломанных колес и арбузных корок строится на разрушении обычной логики и исчезновении иерархии: «...перешел двор, на котором пестрели индейские голуби, кормимые собственноручно Иваном Никифоровичем, корки арбузов и дынь, местами зелень, местами изломанное колесо, или обруч из бочки, или валявшийся мальчишка в запачканной рубашке, – картина, которую любят живописцы!» [10, с. 362]. Отсутствие иерархии важного и неважного ведет к тому, что в приватном мире все одинаково важно или одинаково неважно, одинаково сходно или несходно.

Массы и пары

Принцип представления мира как мира подобий, как мира близких друг другу явлений, групп, понятий продолжает развиваться в этой группе повестей и обретать новые черты в сравнении с повестями на малороссийском сельском материале. В этом мире птицы похожи на цветы, а цветы на птиц. Конечно, требование индивидуализации также важно, и поэтому двери поют на разные голоса, а водка настояща на разных травах.

Из этого базового мира отпочковываются несколько антропологических линий: показать массу как массу, числом более двух; показать минимальную массу в два числа, показать вроде бы единичное, не похожее на массу, которое в конечном счете будет двоиться и возвращаться в базовую изначальную магму. Масса дает о себе знать и в большом количестве «молодых и немолодых девушек в полосатых исподниках», и в «страшном множестве мух», и в «бесчисленном множестве фруктов и растений», и в бесконечном перечне водочных настоек у Пульхерии Ивановны, и в своре встречающих героя «собак всех сортов», и в образе бесчисленных жен с гусиным лицом во сне Шпоньки.

Масса, состоящая из двух единиц, есть мышление парами. Неслучайно Гоголь использует близкий принцип именования или наделяет своих персонажей близкими именами: *Григорий Григорьевич* и *Иван Иванович* («Иван Федорович...»), *Афанасий Иванович* и *Пульхерия Ивановна* («Старосветские помещики»), *Иван Иванович* и *Иван Никифорович* («Повесть о том...»). По-своему парой являются и *Иван Иванович* Перерепенко и второстепенный герой без фамилии кривой *Иван Иванович*, Иван Федорович Шпонька и его тетушка Василиса Кашпоровна, причем в последней паре парность не играет в именах, но дает знать о себе в искажении или в преувеличении тела.

Акцентирование телесного в мышлении парными категориями у Гоголя достаточно показательно: «А сколько было дам! смуглых и белолицых, длинных и коротеньких, толстых, как Иван Никифорович, и таких тонких, что, казалось, каждую можно было упрятать в шпажные ножны городничего», «Вереница дам, говорливых и молчаливых, тощих и толстых, потянулась вперед» [10, с. 388, 393].

Парность работает на выразительность, когда герои одновременно дополняют друг друга и контрастируют и живописно, и поведенчески. Худоба оттеняет полноту, высокий рост рифмуется с низким, хождение одного – с лежанием другого и т. д. Последняя пара актуализирует героев в их позах: вечно ходящий, находящийся в беспрестанном движении Иван Иванович и вечно лежащий, малоподвижный, неподвижный Иван Никифорович. Интерес к позам как важному способу изображения героев будет и сквозной характеристикой персонажа, и отметит отдельные мизансцены, т. н. «немые сцены». Поза ходьбы символизирует вечное, безостановочное движение, а контрастная ей поза лежания – обездвиженность, неподвижность, но в своем пределе обе они тяготеют к смерти. Неслучайно появление Ивана Никифоровича на ассамблее похоже на явление мертвеца или сатаны.

Мышление парами пронизывает и гоголевский вещный мир: «Каких бричек и повозок там не было! Одна – зад широкий, а перед узенький; другая – зад узенький, а перед широкий. Одна была и бричка, и повозка вместе; другая ни бричка, ни повозка» [10, с. 388]. Временами парность остается лишь как внешний контур, позволяющий держать героев рядом, позволяющий создавать видимость сравнения, а на деле логика сравнения рушится. На ее место заступает комический алогизм. Боязливости Ивана Ивановича противопоставляются шаровары Ивана Никифоровича в широченных складках.

Мышление парами в чем-то уподобленных персонажей позволяет в гоголевском сатирическом мире говорить о проявлении сущности или – что равнозначно – об отсутствии сущности. Единичное стремится к парности, парное тяготеет к массовидному.

Тяготение к изображению массовидного, сходного, перекликающегося в различных их формах содержательно коррелирует с разрушением границ и иерархического видения мира.

Портретные формы

Какие же антропологические портретные формы выбирает писатель, что акцентирует и чего избегает? В догоголевской и современной ему русской литературе портрет героя из привилегированного круга строился на серьезном описании внешности персонажа, на обращении к формам, фактурам, цветам, очень часто изображению выражения глаз. Гоголь низводит психологически-характерологическое до физиологического, например, умение Ивана Ивановича приятно говорить сравнивается с ощущением, когда у тебя ищут в голове

или водят пальцем по пяткам. В данном примере царит телесная чувствительность в ее тактильной разновидности. Гоголь по-своему развивает особенности физиологического портретирования персонажей из простонародной романтической повести, например, Бестужева-Марлинского, но расширяет этот принцип на поместных и городских дворян, то есть делает его универсальным.

Физиологичность пронизывает описание быта старосветских помещиков. Культ еды, обжорство, сонное настроение, вообще засилие сна, педалирование тепла, жары приносят в буколическую идиллию элементы сатиры.

Физиологизм как апелляция к телу и его особенностям характерен для изображения и второстепенных, и главных героев. В образе, например, господина Сторченко подчеркивается «тучная ширина»: «влез толстый человек в зеленом сюртуке. Голова его неподвижно покоилась на короткой шее, казавшейся еще толще от двухэтажного подбородка» [10, с. 171]. Иван Никифорович характеризуется приятелем как имеющий «гнусную тучность тела»: его плоть застревает в дверях суда, с ним обращаются почти как с куском мяса, как с вещью, которую трудно протолкнуть. Неслучайно вытолкать его тело назад смог такой же плотски чрезмерный канцелярский «с толстыми губами, с широкими плечами, с толстым носом, глазами». Своеобразным двойником «гнусно тучного» Ивана Никифоровича становится бурая свинья, схватившая жалобу данного дворянина.

Нельзя не отметить сцену возлежания обнаженного Ивана Никифоровича на ковре в комнате и ведение им диалога с соседом в таком вот состоянии. Это не нагое тело, если вспомнить различие нагого и обнаженного тела у П. Флоренского. «Флоренский, – пишет В. Подорога, – с глубоким недоверием относится к обнаженному телу, осуждая его не только за метафизическую невнятность, но и отказ от духовно-символического покрова. Обнаженное – «прельщает», *нагое* же тело может быть одеждой, лучезарным покровом, одухотворяющим, не-прельщающим («тело Христа»). Обнаженное тело смертно, подвергается заразе, разложению, становится мертвым, трупом» [14, с. 163]. Симптоматично, что обращенное в плоть тело Ивана Никифоровича не обладает потенциями жизни: большое не значит сильное, жизненное. Неслучайно герой не был в браке и не имеет детей.

На фоне предшествующей изобразительной традиции с ее интересом к глазам, улыбке, слезам симптоматично появление у Гоголя удивительных телесных деталей: «брюхо» полковника П*** пехотного полка («трепля себя по брюху после каждого слова»), «живот» Афанасия Ивановича («как будто немного живот болит»), «брюхо» Ивана Никифоровича, «икры» «слазившего с козел жид». Появляются немыслимые телесные проявления вроде пота, храпа, высмаркивания, высасывания: «Тут Григорий Григорьевич еще вздохнул раза два и пустил страшный носовой свист по всей комнате, всхрапывая по временам так, что дремавшая на лежанке старуха, пробудившись, вдруг смотрела в оба глаза на все стороны, но, не видя ничего, успокаивалась и засыпала снова» [7, с. 173], «пот катился с него градом»; «громче всего слышалось высмактывание Григорием Григорьевичем мозгу из бараньей кости» [10, с. 180].

Доминанта телесности как плоти и умаление тела как формы духа, конечно, соотносится с другими особенностями изображения человека у Гоголя. Это разъятие тела на части и автономизация этих частей, что характерно уже для повести «Иван Федорович...»: явление «учителя латинского языка, которого один кашель в сенях, прежде нежели высовывалась в дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводил страх на весь класс» [10, с. 167]. Разделение на части учителя продолжится и далее: «страшная рука» протянется из фризовой шинели. Персонаж представлен через кашель, фризую шинель, лицо с оспинами, страшную руку. Так же выделены и наказанные учителем руки Шпоньки, взявшие взятку масляным блином, и губы Шпоньки в момент лобызания с Григорием Григорьевичем: «губы его приняли большие щеки незнакомца за мягкие подушки» [10, с. 171].

Гоголь и в области стиля уходит от привычной метафоричности, ведь части тела обретают самостоятельную жизнь. Часть, отделившись от целого, сама становится новым целым: «...а между тем глаза его отыскивали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем» [10, с. 360]. Самостоятелен нос у миргородского судьи Демьяна Демьяновича: «Судья сам подал стул Ивану Ивановичу, нос его потянул с верхней губы весь табак, что всегда было у него знаком большого удовольствия» [10, с. 374]; «нос его невольно понюхал верхнюю губу, что обыкновенно он делал прежде только от большого удовольствия. Такое самоуправство носа причинило судье еще более досады. Он вынул платок и смел с верхней губы весь табак, чтобы наказать дерзость его» [10, с. 379]. Автономны лицо, осанка и ноздри у городничего: «Тут лицо городничего и осанка приняли то же самое озабоченное положение, с которым брал он приступом крыльцо» [10, с. 383], «Как вы себе хотите, – отвечал городничий, угощая обе ноздри табаком» [10, с. 385]. Части тела стремятся к субъектности, даже части костюма отличаются своими индивидуальными характеристиками: «у Антона Прокофьевича были, между прочим, одни панталоны такого странного свойства, что когда он надевал их, то всегда собаки кусали его за икры» [10, с. 391]. Возможно даже превращение части тела в вещь: «кривой Иван Иванович требовал, чтобы тот <городничий> поставил в заклад подстреленную свою ногу, а он кривое око» [10, с. 393].

Разъятие человека на части в искусстве слова опередило аналогичный процесс в русской живописи. Если в последней это появилось на рубеже XIX–XX вв. и позже, то в литературе мы имеем опыт Гоголя в 30–40-е годы XIX в. В любом случае подобная манера свидетельствует о глубоком кризисе человечности в обществе и указывает на отдаленные последствия изменения русской в широком смысле, включая и мало-русский, и великорусский материал, ментальной парадигмы. И прежде всего это кризис забвения внутреннего, божественного человека, связанный во многом с вестернизацией русской жизни. «Пафос обличений Гоголя на протяжении всего его творчества, – пишет И. А. Виноградов, – был направлен не против политического устройства общества, но против «адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни» [1, с. 58].

Разъятие тела есть знак его умерщвления, превращения в плоть, в маску и, конечно же, знак исчезновения внутреннего человека, а значит человека. Системность художественного мира, являющаяся важной особенностью художественного мышления, неизбежно проявляет себя в своеобразном балансе. Так, смерть внутреннего человека, равнозначная смерти человека, заведомо предрасполагает к реализации противоположного процесса – к оживлению материального, вещного мира: «...старый мундир с изношенными обшлагами протянул на воздух рукава и обнимал парчовую кофту, за ним высунулся дворянский, с гербовыми пуговицами, с отъеденным воротником» [10, с. 360]; «перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах...» [10, с. 362]. Данный или аналогичные фрагменты можно воспринимать как метафору или метонимию, но для нас важнее, что это проявление системного художественного баланса.

Забвение внутреннего, божественного человека в героях Гоголя можно пояснить, обратившись к идеям отца П. Флоренского о разнице трех понятий: иконы – лица – личины. Лицо для Флоренского «есть то, что видим мы при дневном опыте, то, чем являются нам реальности здешнего мира <...>, но граница субъективного в лице и объективного не дана нашему сознанию отчетливо...» [15]. Философ поясняет: «Лицо «случайно» – «сырая натура», оно еще не определено в своей колеблющейся игре между светом и тенью, так как лицо – это свет, смешанный с тьмой» [14, с. 174].

Лицо при определенных обстоятельствах доления ночного и злого способно превратиться в личину: «...Смысл его делается отрицательным, когда оно, вместо того чтобы открывать нам образ Божий, не только ничего не дает в этом направлении, но и обманывает нас, лживо указывая на несуществующее. Тогда оно есть «личина», маска,

larva» [15]. Гоголь – тот писатель, который показал сложность существования лица и победу личности в своем современнике. Человек в приватном мире Гоголя склоняется к масковости, он становится механистичным, разорванным, в пределе превращается в марионетку.

Марионеточность персонажей Гоголя, разъятость внутреннего и внешнего, намерений и результатов хорошо видна по образу городничего, у которого левая и правая ноги не способны к слаженному действию: «Левая нога была у него прострелена в последней кампании, и потому он, прихрамывая, закидывал ею так далеко в сторону, что разрушал этим почти весь труд правой ноги. Чем быстрее действовал городничий своею пехотою, тем менее она подвигалась вперед» [10, с. 382]. Он, как и Иван Иванович, стремится скрыть самое важное для него, что в принципе невозможно скрыть, – неподчинение тела его намерениям. И в ответ на сочувствие по поводу ранения он начинает вспоминать баснословно далекие времена, когда еще тело подчинялось ему, когда сохранялась некая человеческая целостность и он мог перелезть через забор к хорошеньким немочкам.

Великолепна ранняя находка Гоголя, когда он абсурдную ситуацию разъятости человеческого тела, лишённого человеческой сути, поместил в сон возможного жениха, в котором женщина видится Ивану Федоровичу в бесконечных образах жен с гусиными лицами. А дальше следует уничтожение человеческой телесности, когда женой называется модная шерстяная материя, годящаяся, по словам купца, на шитье сюртуков. Совмещение телесности человеческой с птичьей, звериной, вещной станет фирменным знаком писателя.

Особую роль играет у Гоголя одежда. Собственно, портрет персонажа состоит из описания одежды и некоторых телесных особенностей, нередко физиологического типа. Гапка и Агафия Федосеевна характеризуются так: «ходит в запаске, с свежими икрами и щеками» [10, с. 357], «Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами» [10, с. 370]. Одежда в случае с центральными персонажами может становиться заменой человека, может не выражать, а подменять его индивидуальные особенности. Так, знаменитая бекеша со смушками Ивана Ивановича надевается им как знак более высокого социального статуса, которым он гордится и потому в теплом краю надевает зимнюю бекешу для выхода в церковь, хотя имеет и летнюю бекешу. Неизменность бекеша Ивана Ивановича показывает, что одежда у Гоголя может быть мало связана с категорией времени. Это постоянная, неизменная характерологическая особенность героя, подобная постоянству тела. Одежда, становящаяся телесной, превращающаяся в часть тела, в бытовой покров, в кожу. «Иерархия людей в показе писателя равняется иерархии вещей, а иногда и уступает ей первенство по важности. Одежда как будто самостоятельно существует и устанавливает свои правила, а удел людей – лишь подчиняться этому» [16, с. 6].

Особенно актуализируется упоминание одежды при изображении второстепенных и третьестепенных действующих лиц. При этом говорить про описание у Гоголя-сатирика нельзя. Последовательность, системность, иерархичность, единство внешнего и внутреннего человека, присущие описанию, отсутствуют. Следует говорить о представлении героя, когда автор вольно презентует его, обнаруживая – даже с подковыркой – интересные внешние детали. Можно классифицировать представление героя в виде двух групп: представление-вообще и представление-в-моменте.

В представлении-вообще показаны наиболее важные для автора особенности личности, что-то вроде гротескной характеристики, показанной через внешность и манеры. Вот портрет приказного, называемого «небольшое подобие человека»: «Нашла где-то человечка средних лет, черномазого, с пятнами по всему лицу, в темно-синем, с заплатами на локтях, сюртуке – совершенную приказную чернильницу! Сапоги он смазывал дегтем, носил по три пера за ухом и привязанный к пуговице на шнурочке стеклянный пузырек вместо чернильницы; съедал за одним разом девять пирогов, а десятый клал в карман, и в один гербовый лист столько уписывал всякой ябеды, что никакой чтец не мог за одним разом прочесть, не перемежая этого кашлем и чиханьем» [10, с. 386]. Это герой без лица,

так как внутренняя жизнь у персонажа отсутствует. Отсюда даются общие контуры возраста («средних лет»), цвета (черномазый), лица («с пятнами»), более детально одежды, а дальше акцентируются – нередко в гиперболизированной форме – манеры персонажа, как наблюдаемые, так и знаемые. Более того, в свойственной писателю манере в представление может вторгнуться новый персонаж, который к тому же кашляет и чихает.

В представлении-в-моменте встречаемся с псевдоописанием: «...Вошла старушка, низенькая, совершенный кофейник в чепчике <...> Старушка смотрела пристально на Ивана Федоровича, или, может быть, только казалась смотревшею. Впрочем, это была совершенная доброта. Казалось, она так и хотела спросить Ивана Федоровича: сколько вы на зиму насоливаете огурцов?» [10, с. 178].

Или портрет Ивана Ивановича: «...в долгополом сюртуке с огромным стоячим воротником, закрывавшим весь его затылок, так что голова его сидела в воротнике, как будто в бричке. Иван Иванович подошел к водке, потер руки, рассмотрел хорошенько рюмку, налил, поднес к свету, вылил разом из рюмки всю водку в рот, но, не проглотив, пополоскал ею хорошенько во рту, после чего уже проглотил» [10, с. 179].

Персонаж на ассамблее у городничего: «...высокий, худощавый человек, в байковом сюртуке, с пластырем на носу, который до того сидел в углу и ни разу не переменял движения на своем лице, даже когда залетела к нему в нос муха» [10, с. 389].

Практически в каждом портрете-представлении существует эмоциональный центр, ядро портрета. Оно может быть выражено метафорой («совершенная приказная чернильница», «совершенный кофейник в чепчике», воротник-бричка) или запоминающейся деталью – в нос залетела муха. В любом случае эти портретные характеристики субъективированы, эмоциональны до гиперболичности, до гротеска. Телесный человек представлен в них не как плоть, что было в случае с центральными персонажами, но как форма, отсылающая к самым разным аллюзиям: социальным, бытовым, визуальным, физиологическим.

В этом смысле при отсутствии лица у персонажа живой жизни лица также не может быть. Мимика у Гоголя заменена на гримасы, которые писатель называет «минами»: «Иван Иванович вздыхал после каждого слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственных, то высовывал голову из своей брички и делал такие мины, глядя на которые, кажется, можно было прочесть, как нужно делать грушевый квас, как велики те дыни, о которых он говорил, и как жирны те гуси, которые бегают у него по двору» [10, с. 181]. Ни разу герои не охарактеризованы у Гоголя с помощью изображения глаз, с помощью взгляда, психологизация отсутствует. Герои поэтому ограничены визуальностью, сведены к внешности, в том числе мимической.

Доминанта телесности – вне зависимости от показа человека как плоти или как формы – соотносится с доминантой личины над ликом, разъятием тела на части, автономизацией этих частей, приданием чрезмерно большого значения костюму персонажа.

Заключение

Таким образом, приватный мир и создается, и воспринимается особым типом рассказчика, не обладающего в полной мере человечностью и целостностью. Следствием последнего является то, что в приватном мире действуют особые законы и тенденции деиерархизации, доминанты массовидного, актуализирующие физиологичность, внешность, разъятость человека, представленного скорее как тело, нежели как личность, состоящего из стремящихся к автономизации частей. Недостаточность внутреннего начала ведет к избыточности акцента на одежде. В конечном итоге представитель приватного мира лишен божественной сути, сведен к существованию тела во всех его сложных комбинациях с не-человеческим.

Л и т е р а т у р а

1. Виноградов, И. А. Психологизм Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов // Два века русской классики. – 2020. – Том 2. – № 4. – С. 6–73.
2. Карандашова, О. С. Художественное пространство «украинских» сборников Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») : учебное пособие по спецкурсу / О. С. Карандашова. – Тверь : Научная книга, 2005. – 116 с.
3. Домашнева, В. С. Пространственная организация «провинциального текста» (повести «Коляска» и «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») / В. С. Домашнева // Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. – С. 199–207.
4. Бочаров, С. Г. Филологические сюжеты / С. Г. Бочаров. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – С. 174–198.
5. Давыденко, Л. А. Костюм в художественном мире Н. В. Гоголя : повествовательные циклы, письма : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Давыденко Лариса Александровна. – Саратов, 2008. – 22 с.
6. Кауфман, С. Н. Визуальность в поэтике Н. В. Гоголя : повествовательный аспект : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кауфман Светлана Николаевна. – Новосибирск, 2013. – 15 с.
7. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bahtin-hronotop.htm> (дата обращения: 30.11.2022).
8. Утехин, И. О. Понятии «приватность» и слове «приватность» в русском языке / И. О. Бахтин – URL: https://kommunalka.colgate.edu/cfm/essays.cfm?ClipID=359&KommLang uage =Russian__/ (дата обращения: 30.11.2022).
9. Иваницкий, А. И. Гоголь. Морфология земли и власти / А. И. Иваницкий. – Москва : Издательство РГГУ, 2000. – 188 с.
10. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений. В 9 т. / Составители и комментарии В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. Т.1–2. – Москва : Русская книга. 1994. – 496 с.
11. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 578 с.
12. Башкеева, В. В. От живописного портрета к литературному : Русская поэзия и проза конца XVIII–первой трети XIX века / В. В. Башкеева. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 1999. – 260 с.
13. Гиппиус, В. В. От Пушкина до Блока / В. В. Гиппиус. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – С. 61–70.
14. Подорога, В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию : материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. / В. Подорога. – Москва : Ad Marginem, 1995. – 344 с.
15. Флоренский, П. А. Иконостас / П. А. Флоренский. – URL: <https://predanie.ru/book/75672-ikonostas/> (дата обращения: 05.08.2022).
16. Мякина, Е. С. Вещный мир в творчестве Н. В. Гоголя : на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и «Петербургских повестей» : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мякина Елена Сергеевна. – Москва, 2006. – 17 с.

References

1. Vinogradov, I.A. (2020). Psychologism of Gogol. *Dva veka russkoi klassiki*, 2(4), pp. 6-73. (In Russ.)
2. Karandashova, O.S. (2005). *Artistic Space of Gogol's 'ukranian' collection ('Evenings on a Farm near Dikanka' and 'Mirgorod')*. Tver: Nauchnaya kniga. (In Russ.)
3. Domashneva, V.S. (2009). *Space organisation of 'provincial text' (novels 'The Wheelchair' and 'Ivan Fyodorovich Shponka and His Antie', in Zyryanov, O.V. (ed.), Gogol as hermenevtic problem*. Ekaterinburg: Ural University, pp. 199-207. (In Russ.)
4. Bocharov, S.G. (2007). *Philological Plots*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)

5. Davudenko, L.A. (2008). *'Dress in artistic world of N.V.Gogol: narrative cycles, letters'*, Abstract of candidate dissertation, Russian Literature, Saratov: Saratov State University. (In Russ.)
6. Kaufman, S.N. (2013). *Visuality in Gogol's poetics: narrative aspect*, Abstract of Candidate dissertation, Russian Literature. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.)
7. Bakhtin, M.M. (1975). *Forms of Time and Chronotope in the Novel, Essays on Historical Poetics*, [online], available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bahtin-hronotop.htm> (Accessed 30 November 2022).
8. Utekhin, I. (2003). *About concept "privacy" and word "privacy" in Russian Language*, [online], available at: <https://kommunalka.colgate.edu/~cfm/essays.cfm?ClipID=359&KommLanguage=Russian> (Accessed 30 November 2022).
9. Ivanitskiy, A.I. (2000). *Gogol. Morfology of Power and Earth*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
10. Gogol, N.V. (1994). *Collected Works: in 9 toms*, in. Voropaev V.A. and Vinogradov I.A. (ed), 1-2, Moscow: Russkaya kniga. (In Russ.)
11. Tynyanov, Yu.N. (1977). *Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Bashkeeva, V.V. (1999). *From a Painted Portrait to Literary Portrait: Russian Poetry and Prose in the late 18th - the first third of 19th century*. Ulan-Ude: Buryat State University. (In Russ.)
13. Gippius, V.V. (1966). *From Pushkin to Blok*. Moscow-Leningrad: Nauka. (In Russ.)
14. Podoroga, V. (1995). *The Fenomenology of Body. Introduction to Filosofic Antropology*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
15. Florenskiy, P.A. (1922). *Ikonostasis* [online], available at: <https://predanie.ru/book/75672-ikonostas> (Accessed 5 aug 2022).
16. Myakinina, E.S. (2006). *The material world in creative activity of Gogol: on material of 'Evenings on a Farm near Dikanka', 'Mirgorod' and 'Petersburg novels'*. Abstract of Candidate dissertation, Russian Literature, Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russ.)

БАШКЕЕВА Вера Викторовна – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.

E-mail: oaelun@mail.ru

BASHKEEVA Vera Viktorovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Dorji Banzarov Buryat State University.

УДК 811.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-51-63

Лингвистический ландшафт Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): анализ двуязычных вывесок образовательных учреждений

А. А. Васильева ✉, *М. А. Андросова*

Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ vaaperevod@mail.ru

Аннотация. Согласно ст. 35 Закона о языках в Республике Саха (Якутия), государственные и муниципальные учреждения должны иметь официальные вывески на обоих государственных языках республики – русском и якутском, а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – на их языках, которые в законе определены как официальные языки республики. Целью данной работы является анализ ошибок, допущенных при переводе на язык саха официальных вывесок учреждений образования Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Для достижения поставленной цели выполнены следующие задачи: 1) сбор и сортировка фотографий вывесок учреждений образования; 2) анализ исходного текста на русском языке, т. е. выделение схем представления информации об учреждении; 3) анализ текста перевода, т. е. оценка точности перевода и выявление переводческих ошибок; 4) классификация переводческих ошибок по 5 группам: графические ошибки, орфографические ошибки, ошибки при переводе сокращений, ошибки в порядке слов, грамматические ошибки; 5) лингвистический анализ выявленных ошибок; 6) выработка корректного варианта перевода вывесок. В работе применены статистические методы подсчета и сравнения для выделения схем представления информации об учреждениях на вывесках; методы наблюдения и сравнения текстов вывесок для выработки наиболее оптимального варианта перевода при наличии нескольких вариантов перевода одной и той же информации; методы анализа и синтеза при описании переводческих ошибок и при обосновании корректного варианта перевода. Практические рекомендации в виде схем и словника, выработанные в ходе данного исследования, имеют универсальный характер и могут быть применены для других организаций Республики Саха (Якутия), этим обусловлена актуальность исследования. Результаты анализа применимы для использования в обучении переводчиков в СВФУ им. М.К. Аммосова. В этом заключаются научно-практическая ценность и лингводидактический потенциал данной работы.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, двуязычие, государственные языки, русский язык, якутский язык, перевод, орфография, грамматика, синтаксис, переводческие соответствия, термины.

Для цитирования: Васильева А. А., Андросова М. А. Лингвистический ландшафт Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия): анализ двуязычных вывесок образовательных учреждений. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 51–63. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-51-63

The linguistic landscape of the Neryungrinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia): an analysis of bilingual signs of educational institutions

A. A. Vasilieva ✉, M. A. Androsova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ vaaperevod@mail.ru

Abstract. According to Article 35 of the Law on Languages of the Republic of Sakha (Yakutia), state and municipal institutions are required to have official signs for both official languages of the Republic, Yakut and Russian, and for districts densely populated by indigenous northern minorities, for their languages, which are defined by the law as official languages. The aim of this research is to analyse the errors made in translating the official signs of educational institutions in the Neryungrinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia). To accomplish this objective, the following tasks were carried out: 1. Collecting and sorting photographs of signs of educational institutions; 2. Analysing the source text in Russian, i.e. highlighting the order of presentation of information about the institution; 3. Analysing the translated text, i.e. evaluating the accuracy of the translation and identifying translation errors; 4. Categorising translation errors into five groups: graphic errors, spelling errors, errors in translating abbreviations, word order errors and grammatical errors; 5. Linguistic analysis of the identified errors; 6. Development of the correct version of the translation of the signs. The research uses statistical counting and comparison methods to identify the schemes of presentation of information about institutions on signboards, methods of observation and comparison of signboard texts to develop the most optimal translation option in the presence of several translation options for the same information, and methods of analysis and synthesis to describe translation errors and justify the correct translation option. Practical recommendations in the form of schemes and vocabulary developed in the course of this study are universal and can be applied to other organisations of the Republic of Sakha (Yakutia); this is the reason for the relevance of the study. The analysis outputs are applicable for training translators at M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, citing the scientific, practical, and linguodidactic potential of this work.

Keywords: linguistic landscape, bilingualism, official languages, Russian language, Yakut language, translation, orthography, grammar, syntax, translation equivalents, nomenclature.

For citation: Vasilieva A. A., Androsova M. A. The linguistic landscape of the Neryungrinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia): an analysis of bilingual signs of educational institutions. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 51–63. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-51-63

Введение

Согласно ст. 35 Закона о языках в Республике Саха (Якутия), официальные вывески государственных и муниципальных учреждений должны быть выполнены на обоих государственных языках республики, а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера также и на одном из официальных языков республики [1]. Государственными языками в Республике Саха (Якутия) являются русский и

якутский (саха) языки. В Нерюнгринском районе есть село Иенгра, в котором компактно проживают эвенки – коренной малочисленный народ Севера. Языком межнационального общения во всем Нерюнгринском районе является русский язык, что подтверждается данными таблицы «Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию по муниципальным районам и городским округам» Итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. [2] и социологическими, социолингвистическими исследованиями [3, с. 68–69; 4, с. 156–159]. Стационарное наблюдение, проведенное нами с 30 июля по 18 августа 2023 г. в г. Нерюнгри и с. Иенгра, позволяет утверждать, что в лингвистическом ландшафте вышеназванных населенных пунктов превалирует русский язык, однако ст. 35 Закона о языках в Республике Саха (Якутия), регламентирующая язык официальных вывесок государственных и муниципальных учреждений, в основном соблюдается. Так, все муниципальные образовательные учреждения района, многие учреждения органов власти, некоторые учреждения культуры и спорта г. Нерюнгри имеют двуязычные вывески, а в с. Иенгра – трехязычные.

Актуальность лингвистического исследования двуязычных вывесок связана с тем, что запросы на правильный перевод названий учреждений поступают регулярно. Практические рекомендации в виде схем и словника, выработанные в ходе данного исследования, имеют универсальный характер и могут применяться для перевода вывесок других организаций Республики Саха (Якутия). Кроме того, результаты анализа можно использовать в процессе обучения переводчиков в ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова. В этом заключаются научно-практическая ценность и лингводидактический потенциал данной работы.

Целью данного исследования является анализ ошибок, допущенных при переводе на язык саха 41 официальной вывески всех учреждений образования Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Для достижения поставленной цели выполнены следующие задачи: 1) сбор фактического материала – фотографирование вывесок учреждений образования г. Нерюнгри, с. Иенгра; фото вывесок организаций других населенных пунктов предоставлено Управлением образования Нерюнгринского района (рук. Д. К. Дьячковский); 2) анализ исходного текста на русском языке, т. е. выделение схем представления информации об учреждении; 3) анализ текста перевода, т. е. оценка точности перевода и выявление переводческих ошибок; 4) классификация переводческих ошибок по 5 группам: графические ошибки, орфографические ошибки, ошибки при переводе сокращений, ошибки в порядке слов, грамматические ошибки; 5) рассуждение о причинах допущенных ошибок и обоснование путей их исправления; 6) выработка корректного варианта перевода вывесок на язык саха.

В работе были применены статистические методы подсчета и сравнения для выделения схем представления информации об учреждениях на вывесках; методы наблюдения и сравнения текстов вывесок для выработки наиболее оптимального варианта перевода при наличии нескольких вариантов перевода одной и той же информации; методы анализа и синтеза при описании переводческих ошибок и при обосновании корректного варианта перевода.

Анализ исходного текста

Официальные вывески образовательных учреждений Нерюнгринского района не унифицированы, т. е. в них нет единообразия в содержании, порядке следования информационных блоков, цвете фона, размере шрифтов. Тем не менее тексты вывесок можно условно разделить на 4 части или информационных блока: а) «шапка», где указывается территориальная и/или ведомственная принадлежность учреждения; б) название учреждения и его вид (тип); в) адрес и др. контактная информация; г) режим работы.

А) Территориальная принадлежность на вывесках на русском языке указывается разнообразно. В подавляющем большинстве указывается название государства, субъекта

государства, муниципальный район, муниципальное образование, иногда – администрация муниципального образования. В 17 вывесках информация о территориальной принадлежности сокращена до населенного пункта и района. На двух вывесках указывается министерство, в чьем ведомстве находится учреждение.

Б) Название учреждения и его вид (тип) составлены на вывесках по восьми схемам.

Дошкольные учреждения: 1) тип – номер – название; 2) тип – номер – название – территориальная принадлежность; 3) тип – номер – название – территориальная принадлежность – дубль крупными буквами (сокращенное название вид – номер – название); 4) тип – номер – название – территориальная принадлежность – дубль крупными буквами (название); 5) тип – название – территориальная принадлежность.

Общеобразовательные учреждения: 6) тип – название с номером – территориальная принадлежность; 7) тип – название с номером; 8) тип – название с номером – территориальная принадлежность – присвоенное имя.

В) Адрес и другая контактная информация в основном даются на русском языке, в общем поле вывески. Вывесок с переведенным адресом оказалось всего 9 из 16, в которых данная информация присутствует. Схема 1: название улицы – номер здания; схема 2: название улицы – номер дома – название населенного пункта – название региона – почтовый индекс; схема 3: название региона, название населенного пункта – номер здания – номер телефона; схема 4: название страны – название региона – название населенного пункта – название улицы – номер здания – адрес сайта – номер телефона; схема 5: почтовый индекс – название страны – название региона – название населенного пункта – номер здания; схема 6: почтовый индекс – название населенного пункта – название улицы – номер здания – номер телефона; схема 7: название улицы – номер здания – название города – название региона – почтовый индекс – номер телефона – электронный адрес; схема 8: почтовый индекс – название региона – название населенного пункта – название улицы – номер здания – номер телефона; схема 9: почтовый индекс – название региона – название населенного пункта – название улицы – номер здания.

Г) Режим работы приведен в 14 вывесках из 41. Он в основном дается на русском языке в общем поле. Переведенных на якутский язык графиков работы учреждения оказалось всего три. Словосочетание «Часы работы» используется в 3 вывесках, словосочетание «Режим работы» – в 8 вывесках, словосочетания «Время работы» – на одной, «График работы» – на одной вывеске. Режим работы без специального заглавия представлен на одной вывеске. Сокращенное название дней недели используется в 2 вывесках, полностью приводится в 11 вывесках. Слово «Выходной» присутствует в 11 вывесках, слово «Выходные» – в 2. В качестве выходных дней указаны еще и «Праздничные дни» в 2 вывесках, а в одной из них использовано словосочетание «Праздничные дни, установленные законом». Слово «Перерыв» присутствует на одной вывеске. Словосочетание «с 07-00 часов до 18-00 часов» встречается на одной вывеске.

Как видно из этого обзора, вариантов – множество, и нет единообразия. Однако при редактировании перевода мы стали придерживаться единообразия.

Анализ текста перевода

Ошибки в якутских переводах вывесок образовательных учреждений Нерюнгринского района мы разделили на 5 групп: графические ошибки, орфографические ошибки, ошибки при переводе сокращений, ошибки в порядке слов, грамматические ошибки.

Графические ошибки. Из пяти специфических букв якутского алфавита ү, ө, h, н, ь в вывесках Нерюнгринского района систематически неправильно представлены ү, ө, үө, ь.

Отображение буквы Y: У вместо Y (ДОУ «Снежинка», ДОУ №23 «Лесная сказка», СОШ №9, СОШ №10); ү вместо у (на вывеске ДОУ №10 «Солнышко», ДОУ №55 «Полянка», ДОУ «Цветик-семицветик», гимназии №1).

Отображение дифтонга YӨ: уо вместо үө (ДОУ №57 «Одуванчик», ДОУ №58 «Красная Шапочка», СОШ №9, СКНШ-ДС №2).

Отображение буквы Ө: э вместо ө (Центр ПППД).

Отображение буквы Ъ: б вместо ъ (ДОУ №57 «Одуванчик», ЦРТДЮ); цифра 5 вместо ҕ (ДОУ «Аленький цветочек», ДОУ «Цветик-семицветик», гимназия №2, СКНШ-ДС №2, «Эрэл»); з вместо ҕ (ДОУ «Рябинушка»).

Многочисленные опечатки можно объяснить невнимательностью при печати незнакомых слов. Например: *тэриллин*, *тэрилэ* вместо *тэриллии*, *үөрэхтээнии* вм. *үөрэхтээһин*, *оболоргот* вм. *оболорго*; *оскуола-ҕо* вм. *оскуолаҕа*; *бүөһөлэгэ* вм. *бөһүөлэгэ*. Некоторые опечатки объясняются влиянием родного русского языка: во-первых, пропуск вставной узкой у между двумя согласными при якутской транслитерации заимствованного слова – *Өрөспүүбүлүкэ* (ДОУ «Аленький цветочек»). Во-вторых, игнорирование грамматических законов языка перевода: а) употребление прилагательных с родовыми окончаниями – *бюджетная* (СОШ №15), *муниципальный* (СОШ №16); б) употребление падежных окончаний русского языка, в результате чего возникает искажение информации: *Михеева аатынан* вместо *Михеев аатынан* (СОШ №18).

Орфографические ошибки. Актуальным на сегодня орфографическим словарем якутского языка является «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта» 2015 г., содержащий ок. 32000 слов [5]. В связи с активным проникновением русских и иностранных слов составители этого словаря подчеркивают, что основным фонетическим принципом освоения иноязычных слов является принцип «сахатыты», т. е. подчинение произносительным и орфографическим нормам якутского языка, или «транскрипция» в терминологии переводоведения. Подчинение заимствуемых слов исконным произносительным нормам принимающего языка является защитным механизмом, выработанным для сохранения уникальности всех языков, в т. ч. и русского – ведь латинские, древнегреческие, французские, немецкие, английские и т. п. слова (термины) функционируют в современном русском языке в совсем другом произношении и написании, нежели в своей исконной среде происхождения.

Итак, в якутской части двуязычных вывесок образовательных учреждений Нерюнгринского района обнаружены следующие орфографические ошибки:

а) русское написание транскрибируемых слов, не соответствующее новым правилам орфографии: *Республика* вместо *Өрөспүүбүлүкэ*, *Россия Федерацията* вместо *Арасыйыа Бэдэрээссийэтэ*, *министерство* вместо *министиэристибэ*;

б) использование заглавной и строчной букв: *республика* в названии субъекта государства со строчной буквы (ИТЛ);

в) использование нелитературных произносительных вариантов: *Һокуонунан* вместо *сокуонунан*; *тэрильтэ*, *терилтэтэ* вместо *тэрилтэ*; *өрөбүл* вместо *өрбүл*;

г) использование неправильной формы основы заимствованного слова: *учрежденията* вместо *учреждениета*;

д) ошибки в написании заимствованных слов в форме имени прилагательного. В связи с тем, что в якутском языке, в отличие от русского, нет грамматической категории рода, язык естественным путем выработал компромисс, который в языкознании называется механизмом компенсации. Так, слова, заимствуемые в форме имени прилагательного с родовыми окончаниями, в якутском языке приобретают вид с аффиксом (окончанием) *-ай* или *-эй* в зависимости от того, какие гласные присутствуют в предыдущих слогах (закон гармонии гласных). Данным правилом № 45 [5, с. 461] регламентируется написание на вывесках на якутском языке следующих имен прилагательных, названий улиц, населенных пунктов, фамилий известных людей, именем которых названы образовательные учреждения: *муниципальной*, *Пионернай*, *Сосновой*, *Серебрянай Бор*, *Кобеляцкай*, *Новолодскай* и т. п. Написание заимствованных парных прилагательных подчиняется правилу № 61.4 [5, с. 465] – через дефис и с полной формой первого прилагательного: *информационнай-технологическай* [лиссиэй], а также *Южной-Якутскай* [уулусса].

Перевод топонимов и названий учреждений. В анализируемом материале имеются топонимы (ойконимы, урбанонимы) *Серебряный Бор, улица Южно-Якутская, улица Сосновая, проспект Дружбы Народов* и т. п. На первый взгляд, данные топонимы легко поддаются переводу, так как состоят из слов с ясной семантикой – Серебряный Бор можно было бы перевести как *Үрүн Көмүс Бэс Чагда*, улица Южно-Якутская – *Собуруу Саха сирин уулуссата*, улица Сосновая – *Бэстээх уулусса*, проспект Дружбы Народов – *Норуоттар Доҕордоһууларын бэрэспизгэ*. Однако в связи с тем, что Нерюнгри – молодой город с русскоязычным населением, все урбанонимы изначально были на русском языке, в данное время не сложилось практики использования их якутских дублетов. Если в двуязычной среде вполне органично сосуществуют два варианта одного топонима, например: *п. Нижний Бестях и Аллараа Бэстээх бөһ.*; *Сергеляхское шоссе* (в Якутске) и *Сэргэлээх шоссе* и т. д., то в русскоязычном Нерюнгринском районе оптимально будет использование транскрипции/транслитерации в официальном переводе урбанонимов: *Серебрянай Бор бөһүөлэк, Южнай-Якутскай уулусса, Сосновой уулусса* и т.п. Согласно этой логике, проспект Дружбы Народов в якутском варианте урбанонима должен быть представлен как *Дружбы Народов бэрэспизгэ*. Однако это звучит слишком неестественно на якутском языке. Поэтому можно в виде исключения предложить вариант *Норуоттар Доҕордоһууларын бэрэспизгэ*.

На двух вывесках мы заметили написание названия города как Нүөрүнгрү, а села как Иенгрэ. Однако в новейшем справочнике наименований населенных пунктов Республики Саха (Якутия) в качестве якутских вариантов зафиксировано написание Нерюнгри [6, с. 109] и Иенгра [6, с. 66]. Там же приводятся сведения и о других населенных пунктах Нерюнгринского района с указанием якутского варианта написания: Улахан Хатыми [6, с. 31], Беркэкиит [6, с. 28], Серебряный Бор [6, с. 136], Хани [6, с. 175] и Чуулман [6, с. 190]. Обратим внимание на написание якутских вариантов топонимов *Беркэкиит* и *Серебряный Бор*. В самом толковании топонима Беркакит составители пишут, цитируя известнейшего топонимиста М. С. Иванова–Багдарына Сүлбэ: «...образовано от эвенк. Бэркэн ‘самострел’. Аффикс *-киит* в эвенк. языке обозначает место, где происходит действие, выраженное в основе. Таким образом, бэркэкиит – место, где охотятся на животных с помощью самострелов» [6, с. 28]. При написании транслитерированного прилагательного в составе топонима Серебряный Бор, как мы отмечали выше, следует придать родовому окончанию форму «общего» рода *-ай*. Считаем, что в словаре допущена досадная опечатка, т. к. в других названиях такое же освоение русских топонимов: Белая Гора – *Белай Гора* на [6, с. 26], Русское Устье – *Рускай Устье* [6, с. 130].

В анализируемом материале много названий учреждений, которые могут иметь якутские переводы – детские сады «Снежинка», «Солнышко», «Аленький цветочек» и др. Некоторые из них уже переведены в вывесках – «Хаарчаан», «Кунчээн», «Тэтэгэркээн сибэккичээн», «Мичээр» и т. д. Необходимо отметить, что равнозначность русского и якутского названий организации устанавливается не только сложившейся языковой практикой, но и какими-либо нормативно-правовыми актами, например, уставом организации и/или утвержденным перечнем наименований организаций и т. п.

В процессе сбора анализируемого материала сотрудник ДОУ выразил желание заменить в новой вывеске имеющийся перевод названия детского сада «Одуванчик» «Ньэмньэм» (к тому же написанное неправильно) на «Алтан сибэкки». В словарях зафиксированы следующие соответствия слову «одуванчик»: *ньээм, алтан төбө* [7, с. 148]; *алтан төбө* [8, с. 360]; *алтан бас* [9, с. 434]; *ньээм от* [10, с. 188]. Если сделать обратный перевод названия «Алтан сибэкки», то оно меняется – «Золотой цветок» (если иметь в виду архаическое, высокопарное значение слова «алтан») или «Медный цветок» (если воспринимать буквально, с точки зрения современного человека). Поэтому учредителям

необходимо не только проявлять внимательность к переводу названия, но и, по возможности, консультироваться со специалистами по якутскому языку.

Ошибки при переводе сокращений. Сокращения встречаются в данном материале в двух основных группах: а) при указании адреса образовательной организации; б) при переводе официального сокращенного названия учреждения.

В первой группе встречаются такие ошибки: русская аббревиатура РФ вместо якутской АБ (от *Арасыйыа Бэдэрээссийэтэ*); калька СӨ (Дь) вместо СӨ (от *Саха Өрөспүүбүлүкэтэ*). Второе название нашего региона «Якутия», которое дается в скобках после официального названия республики, является излишним, так как никто не говорит «Дьокутия». Также есть пример использования русского сокращения «ул.» в якутской части вывески вместо «уул.» (от *уулусса*). Кроме того, отмечен допустимый, но не рекомендуемый вариант сокращения «нүөм» (от транскрипции *нүөмэр, нүөмэрэ*) вместо №-дээх (от *нүөмэрдээх*) (ДОУ №23, №24).

Во второй группе в имеющихся вывесках отмечена аббревиатура МОИУТ (от *муниципальной оскуола иннинээҕи үөрэх тэрилтэтэ*) вместо ОИҮӨМТ (от *оскуола иннинээҕи үөрэх муниципальной тэрилтэтэ*). Так как буква Ү и дифтонг Үө – разные графемы, второй элемент дифтонга пишется строчной буквой, так как написание заглавной буквой (крупным шрифтом) подразумевает отдельную букву Ө, т. е. отдельное слово в сокращении. Проф. Д. И. Ермолович отмечает, что «если сокращение входит в состав названия, его следует транслитерировать (NK Siboil, АКВ Prombank), если не входит – можно передать его частично с учетом требований благозвучности (Siboil Company) или вообще опустить (Siboil, Prombank)» [11, с. 125]. Согласно этому правилу, при переводе сокращенного названия образовательных учреждений можно просто переносить аббревиатуры ДОУ, СОШ, МБОУ и т. п. в якутский текст. Однако такое решение неэффективно с точки зрения развития двуязычия и сохранения языка саха. Поэтому нами предлагается вариант с использованием привычных слов «орто оскуола» (средняя школа), «уһуһаан» (детсад) и т. д. для замены вышеупомянутых аббревиатур, например: «Тэтэҕэркээн сибэкичээн» уһуһаан, 30 №-дээх «Буратино» уһуһаан вместо труднопроизносимой аббревиатуры ОИСОИМТ (от *оскуола иннинээҕи саастаах оҕону иитэр муниципальной тэрилтэ*). К слову, такой развернутый перевод слова «дошкольное» является слишком громоздким (досл.: *муниципальное учреждение воспитания детей дошкольного возраста*), поэтому в качестве альтернативы предлагаем вариант «оскуола иннинээҕи үөрэх (муниципальной) тэрилтэтэ» (досл.: *(муниципальное) учреждение дошкольного образования*).

Нарушение порядка слов. Словосочетание «оскуола иннинээҕи үөрэх (муниципальной) тэрилтэтэ» делится на следующие синтагмы: «оскуола иннинээҕи үөрэх» (дошкольное образование) и «үөрэх тэрилтэтэ» (образовательное учреждение/организация, точнее, учреждение/организация образования), а также «муниципальной тэрилтэ» (муниципальное учреждение/организация). Подобное сплетение атрибутивных конструкций с примыкающим определением и изафетным определением провоцирует неустойчивость порядка слов в конструкции. Поэтому в анализируемом материале неизбежно было встретить такие примеры ошибок, как «оскуола иннинээҕи муниципальной үөрэх тэрилтэтэ» (ДОУ №23, №24, СОШ №2), где словосочетание «үөрэх тэрилтэтэ» ошибочно представляется как устойчивое сочетание. В итоге получилось, что муниципальным является образование/обучение – *муниципальной үөрэх*.

Другие случаи нарушения порядка слов произошли под влиянием языка оригинала. В примере «Сосновой 6/1 ул.» сокращение ул. стоит после номера дома, а не после названия улицы. В примере «Оҕо уһуһаана №38» номер учреждения также располагается согласно схеме конструкции в языке-источнике. В словосочетаниях на якутском языке номер всегда располагается перед носителем номера: «38 №-дээх уһуһаан».

В якутском языке недопустимо словосочетание «Нерюнгри куорат Нерюнгритаабы оройуон», как написано на вывеске ДОУ №10 «Солнышко». Обычно в таких словосочетаниях более широкое понятие предшествует более узкому, локальному – *Нерюнгри оройуонун Нерюнгри куората*. Если название района и название города/села/поселка на вывеске располагаются на разных строчках, т. е. не образуют друг с другом синтаксических связей, то они стоят в основном падеже простого склонения, т. е. без падежных аффиксов (окончаний) – *Нерюнгри оройуона. Нерюнгри куорат*.

На двух вывесках обнаружено нарушение порядка следования определения типа организации и ее наименования. Название в кавычках должно предшествовать определению образовательного учреждения: «С.С. Каримова аатынан Нерюнгри к. 1 №-дээх гимназията» орто уопсай үөрэхтээһин муниципальной тэрилтэтэ; «Г.М. Василевич аатынан уопсай үөрэхтээһин орто интэринээт-оскуолата» уопсай үөрэхтээһин муниципальной тэрилтэтэ. В наименовании Иенгринской школы есть парное слово *школа-интернат*. Согласно орфографическому словарю, это слово пишется *интэринээт-оскуола*, как и соответствия *врач-кардиолог, студент-филолог* (русс.) и *кардиолог-быраас, филолог устудьуон* (як.) и др. Как видно из примеров, при переводе приложений происходит замена места определения и определяемого, и это – закономерное соответствие русского и якутского языков [12, с. 40].

Грамматические ошибки. Грамматические ошибки в материале обусловлены недостаточной языковой компетентностью лиц, переведивших их. Так, встречаются ошибки в использовании *изафетных конструкций*, т. е. словосочетаний с аффиксами принадлежности. Функционально такие конструкции соответствуют конструкциям с родительным падежом в русском языке и представляют собой закономерное соответствие в паре «русский и якутский языки», то есть их взаимозамена при переводе происходит регулярно [13, с. 97–98]. Так как вывески информируют об учреждении, то с точки зрения синтаксиса они оформляются преимущественно назывными предложениями. Поэтому при названии города аффикс принадлежности не используется (ошибка на вывеске ДОУ №17, ЦРР «Классика»). Поэтому следует писать *Нерюнгри куорат*, а не *Нерюнгри куората*. Данная форма возможна в сочетании с указанием района, т. к. в этом случае подразумевается, что город «принадлежит» району, является частью Нерюнгринского района – сложный *изафет* «*Нерюнгри оройуонун Нерюнгри куората*», где первый член *изафета* имеет форму притяжательного родительного падежа с аффиксом *-н – оройуон+а+н*. То же самое – в вывеске «Оҕону сайыннарар киинин – «Күөрэгэй» 45 №-дээх оҕо саада». В этом примере не должно быть притяжательного род. п. в слове *киин* – *центр*. В примере «Г. М. Василевич аатынан орто оскуолата-интерната» аффикс принадлежности 3-го лица *-та (-а)* должен присоединяться только к последнему члену парного слова *интэринээт-оскуола*.

В примере «Спортивной оскуолата “Эрэл”», ошибка может быть спровоцирована еще и синонимичной *изафетной конструкцией* *успуорт оскуолата* (досл. *школа спорта*). Эта конструкция соответствует узуальным и литературным нормам якутского языка, но вытесняется заимствованной определительной конструкцией на основе примыкания *спортивной оскуола* (досл. *спортивная школа*), в которой определение дается заимствованным именем прилагательным, подчинившимся грамматике якутского языка и принявшем окончание «общего» рода *-ай*. Другими словами, словосочетание «*Эрэл*» *спортивной оскуолата* будет правильным только в составе следующих назывных предложений: «Нерюнгри куорат «Эрэл» спортивной оскуолата», «Нерюнгри оройуонун Нерюнгри куоратын «Эрэл» спортивной оскуолата», в которых подразумевается, что школа «принадлежит» городу, т. е. является городской.

Падежное склонение в названиях улиц. Падежное склонение в названиях улиц также относится к закономерному соответствию «родительный падеж русского языка – *изафет* якутского языка». Однако здесь характер ошибок несколько иной – скорее всего, это

билингвальная интерференция. Например, *Гагарина уул.* на вывеске МДОУ «Буратино» – такую ошибку часто допускают и сами носители якутского языка, т. е. они просто переносят готовую конструкцию русского языка в свою речь на якутском языке. Если таких переносов много, то речь становится макаронической, что характерно для билингвизма низкого уровня. В русском языке конструкция типа «улица Гагарина» является усеченной от полной формы «улица имени Ю. А. Гагарина». Но усеченная форма стала официальным названием, как и *проспект Ленина, улица Аммосова* и т. д. В якутском языке также существуют синонимичные конструкции типа «Гагарин уулуссата / Ю. А. Гагарин аатынан уулусса». Как можно заметить, усеченная форма названия улицы в русском языке является конструкцией с родительным падежом, а в якутском языке – изафетной конструкцией. В изафетной конструкции первый член не имеет падежных окончаний, поэтому фамилия человека, именем которого названа улица, школа, гимназия и т. п., стоит в основном падеже и не имеет аффиксов: *Гагарин уулуссата, М. А. Михеев аатынан оскуола* и др.

В анализируемом материале обнаружено *ошибочное употребление категории числа* в якутском варианте вывески: *оҕолорго үөрэх тэрилтэтэ* (ДОУ с. Иенгра «Золотиночка»), *оҕолору үөрэтэр тэрилтэ* (ДОУ «Снежинка», СОШ №17). В этих примерах слово *оҕо* (ребенок) стоит в форме множественного числа с аффиксом *-лар* – *оҕолор*. Общеизвестно, что собирательная множественность в якутском языке выражается грамматической формой единственного числа, например, «оҕо» в значении «детвора, дети», поэтому использование формы множественного числа в данном случае является избыточным. Такое грамматическое соответствие в якутском и русском языках является закономерным, а взаимозамена грамматического числа при переводе – регулярной [14, с. 99-100].

Результаты

Кроме анализа ошибок в существующих вывесках на якутском языке, в рамках исследования также сделан корректный перевод официальных названий 41 учреждения образования Нерюнгринского района. Ниже даются унифицированные русско-якутские соответствия лексики и клише, выработанные авторами статьи, которые можно рекомендовать для изготовления двуязычных вывесок учреждений и организаций Республики Саха (Якутия), как того требует республиканский Закон о языках в Республике Саха (Якутия).

Слова и словосочетания, использующиеся в части вывески, определяющей территориальную, ведомственную принадлежность учреждения, организации: Российская Федерация – Арасыйыа Бэдэрээсийэтэ; РФ – АБ; Республика Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтэ; РС (Я) – СӨ; Муниципальное образование «Нерюнгринский район» – «Нерюнгри оройуона» муниципальный тэриллии; МО «Нерюнгринский район» – «Нерюнгри оройуона» МТ; Администрация муниципального образования «Нерюнгринский район» – «Нерюнгри оройуона» муниципальной тэриллии дыһаһалтата; Министерство образования Республики Саха (Якутия) (актуальное наименование – Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия)) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үөрэххэ уонна наукаҥа министиэристибэтэ; город Нерюнгри – Нерюнгри куорат; г. Нерюнгри – Нерюнгри к.; поселок Чульман – Чуулман бөһүөлэгэ; пос. Чульман – Чуулман бөһ.; поселок Серебряный Бор – Серебрянай Бор бөһүөлэгэ; пос. Серебряный Бор – Серебрянай Бор бөһ.; поселок Беркаит – Бэркэкиит бөһүөлэгэ; пос. Беркаит – Бэркэкиит бөһ.; поселок Хани – Хани бөһүөлэгэ; пос. Хани – Хани бөһ.; поселок Золотинка – Золотинка бөһүөлэгэ; пос. Золотинка – Золотинка бөһ.; село Иенгра – Иенгра сэлиэнньэтэ; с. Иенгра – Иенгра сэл.; Село Большой Хатымы – Улахан Хатымы сэлиэнньэтэ; с. Б. Хатымы – У. Хатымы сэл.

Слова и словосочетания, использующиеся в наименованиях и типах дошкольных учреждений: муниципальное бюджетное дошкольное учреждение – оскуола иннинээҕи үөрэх бүддьүөттэн үбүлэнэр муниципальной тэрилтэтэ; дошкольное образовательное

учреждение – оскуола иннинээҕи үөрэх тэрилтэтэ; дошкольное – оскуола иннинээҕи; образовательное учреждение – үөрэх тэрилтэтэ; бюджетное – бүддьүөттэн үбүлэнэр; учреждение, организация – тэрилтэ; Центр развития ребенка – Оҕону сайыннаар киин; ЦРР-д/с – ОСК-уһуаан; детский сад – уһуаан; специальная (коррекционная) начальная школа-детский сад – анал (коррекционной) алын сүһүөх оскуола-уһуаан; дошкольное образовательное учреждение № 1, 10, 20... «[название садика]» – 1, 10, 20... №-дээх «[название садика]» оскуола иннинээҕи үөрэх тэрилтэтэ; детский сад № 1, 10, 20... «[название садика]» – 1, 10, 20... №-дээх «[название садика]» уһуаан; ДОУ – уһуаан, ДОУ, ОИҮӨТ; МДОУ – муниципальной уһуаан, МДОУ, ОИМҮӨТ.

Слова и словосочетания, использующиеся в наименованиях школ: муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение – бүддьүөттэн үбүлэнэр үөрэх муниципальной тэрилтэтэ; общеобразовательное, общеобразовательная – уопсай үөрэхтээһин; бюджетное – бүддьүөттэн үбүлэнэр; учреждение, организация – тэрилтэ; средняя школа – орто оскуола; начальная школа – алын сүһүөх оскуола; основная школа – сүрүн оскуола; школа-интернат – интэринээт-оскуола; специальная (коррекционная) школа-интернат – анал (коррекционной) интэринээт-оскуола; начальная школа-детский сад – алын сүһүөх оскуола-уһуаан; гимназия – гимназия; № 1, 10, 20... – 1, 10, 20... №-дээх; школа/гимназия имени [инициалы, фамилия в родительном падеже] – [инициалы, фамилия в основном/именительном падеже] аатынан оскуола/гимназия; учреждение дополнительного образования – эбии үөрэхтээһин тэрилтэтэ; дополнительное образование – эбии үөрэхтээһин; филиал – билийээл; группа, группы – бөлөх, бөлөхтөр; МБОУ – муниципальной оскуола, МБОУ, УоҮӨБҮМТ; СОШ – орто оскуола, СОШ, ОУоҮӨО.

Слова и словосочетания, использующиеся в обозначении адреса и другой контактной информации образовательных учреждений Нерюнгринского района: Российская Федерация – Арасыйыа Бэдэрээссийэтэ; РФ – АБ; Республика Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтэ; РС(Я) – СӨ; Нерюнгринский район – Нерюнгри оройуона; город Нерюнгри – Нерюнгри куорат; г. Нерюнгри – Нерюнгри к.; улица – уулусса; ул. – уул.; проспект – бэрэспизк; пр. – бэр.; дом – дьиэ; д. – дь.; № – №-рэ (нүөмэрэ, т.е. его (дома) номер); корпус – куорпус; к. – к.; телефон – төлөпүүн; тел. – төл.; сайт – саайт; адрес – аадырыс, аадырыспыт (наш адрес), аадырыһа ((учреждения) адрес).

Слова и словосочетания, использующиеся в обозначении режима работы: режим работы / часы работы / время работы – үлэлиир кэмэ; понедельник – бэнидиэнньик; пн – бн; вторник – оптуорунньук; вт – оп; среда – сэрэдэ; ср – ср; четверг – чэппиэр; чт – чп; пятница – бээтинсэ; пт – бт; суббота – субуота; сб – сб; воскресенье – баскыһыанньа; вс – бс; выходной / выходные дни / выходные – өрөбүл; без выходных – өрөбүл суох; перерыв / перерыв на обед – тохтобул; обед / перерыв на обед – эбиэт; праздничные дни – бырааһынньык күннэрэ; с 07-00 часов до 18-00 часов – 07-00 чаастан 18-00 чааска диэри / 07-00-тэн 18-00-ка диэри.

Резюмируя проделанный анализ ошибок, схематично обозначим основные переводческие преобразования:

1. При переводе на якутский язык происходит перестановка определения и определяемого, и конструкция с согласованным определением «образовательное учреждение» и определительные конструкции с падежным управлением «учреждение/школа города Нерюнгри», «г. Нерюнгри Нерюнгринского района» трансформируются в одинаковые изафетные конструкции «үөрэх тэрилтэтэ», «Нерюнгри куорат тэрилтэтэ», «Нерюнгри оройуонун Нерюнгри куората», далее – сложный изафет «Нерюнгри оройуонун Нерюнгри куоратын ... тэрилтэтэ». Схему переводного назывного предложения можно описать следующим образом: «топонимы и имена существительные, обозначающие РАЙОН, НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ с аффиксом принадлежности в генитиве -ын (-ун) – «...» (название учреждения в кавычках) или – инициалы, фамилия лица, имя которого присвоено

учреждению в основном падеже без окончаний – связка ААТЫНАН – цифра и знак №-дээх – УҢУЙААН или ОСКУОЛА/ГИМНАЗИЯ или (МУНИЦИПАЛЬНАЯ) ТЭРИЛТЭ».

2. Порядок определения и определяемого в русском и якутском языках – обратный, поэтому при переводе всех конструкций с несогласованными определениями происходит перестановка слов: город Нерюнгри – Нерюнгри куорат, детский сад «Буратино» – «Буратино» уһууаан, школа №1 – 1 №-дээх оскуола, улица Карла Маркса – Карл Маркс уулуссата, Республика Саха – Саха Өрөспүүбүлүкэтэ и т. д. Согласованные определения при переводе на якутский язык перестановке не подвергаются, а их родовые окончания заменяются на аффиксы *-ай* или *-эй* в зависимости от состава гласных в предыдущих слогах слова, а также согласно некоторым специальным, конвенциональным правилам написания заимствованных слов, например: *спортивная школа – спортивной оскуола*. Если согласованное определение в своей глубинной структуре содержит значение грамматической принадлежности, то это значение эксплицируется в виде изафета, например: *Российская Федерация – Арасыйыа Бэдэрээссийэтэ, спортивная школа – успуорт оскуолата*.

Заключение

На примере анализа конкретной совокупности официальных вывесок мы выделили русско-якутские соответствия терминов и номенклатуры, которые можно рекомендовать для унификации вывесок и в других районах Республики Саха (Якутия). Анализ ошибок и недочетов при переводе официальных вывесок демонстрирует, с одной стороны, существующую ситуацию в якутской терминологии – стадию стабилизации терминов, когда одновременно используется несколько вариантов, а далее должна последовать стадия закрепления, характеризуемая унификацией и стандартизацией, согласно процессам терминологизации [14, с. 147]. С другой стороны, причины допущенных ошибок при переводе на язык саха официальных вывесок Нерюнгринского района заключаются в том, что носители якутского языка, к которым руководители учреждений обращались за помощью, не обладали переводческими компетенциями. Наличие двуязычных и трехязычных вывесок официальных учреждений говорит о том, что ст. 35 республиканского закона о языках соблюдается. Положительно может быть оценено также наличие контроля со стороны руководства района, проявлением которого является их живая заинтересованность в исправлении обнаруженных переводческих ошибок.

В дальнейшем результаты проведенного анализа могут быть использованы при переводе или при корректировке двуязычных вывесок других государственных и муниципальных учреждений и организаций Республики Саха (Якутия).

Л и т е р а т у р а

1. Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года N 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)». – URL: // <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7>.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). – URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476>.
3. Этносоциальные процессы в Якутии : современный ракурс и перспективы развития / В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска [и др.]. – [2-е изд. доп.]. – Новосибирск : Наука, 2022. – 296 с.
4. Дьяконова, М. П. Проблемы сохранения и развития эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) // Языки в полиэтническом государстве : развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция (Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019 г.) : доклады и сообщения / Отв. Г. А. Дырхеева, А. Н. Биткеева и др. – Улан-Удэ ; Горячинск, 2019. – 262 с. – DOI 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-156-159. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41406359&selid=41406404>
5. Сахалыы таба суруйуу тылдьыта = Орфографический словарь якутского языка / Главный редактор : А. Г. Нелунов. – Якутск : Бичик, 2015. – 480 с.
6. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия) : населенные пункты / Т. М. Никаева, А. С. Старицина, М. В. Тарабукина [и др.]. – Новосибирск : Архимед, 2022. – 224 с.

7. Русско-якутский словарь биологических терминов / Под редакцией Г. С. Угарова. – Якутск : Министерство образования РС (Я), 1993. – 173 с.
8. Русско-якутский словарь / Под редакцией П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонов. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.
9. Толковый словарь якутского языка : Т. 1 / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылыах улахан тылдьыта : Т. 7 / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 519 с.
11. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – Москва : Р.Валент, 2001. – 200 с.
12. Васильева, А. А. Сахалы-нууччалы тылбаас. Лиэкстикэ, кырамаатыка (Якутско-русский перевод. Лексика, грамматика) : Учебное пособие для студентов / А. А. Васильева. – Якутск : Алаас, 2018. – 94 с.
13. Русско-якутский перевод : вопросы теории и практики : коллективная монография / А. А. Васильева, Л. Е. Манчурина, Е. С. Герасимова [и др.]. – Якутск : ИЦ НБ РС(Я), 2021. – 1 файл (228 с. ; 2 Мб) : ил. – (Серия «Электронные издания Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)»).
14. Оконешиников, Е. И. Язык саха : проблемы лексикографии и терминологии : Сборник научных статей / Е. И. Оконешиников. – Якутск : ИГИИПМНС, 2015. – 210 с.

References

1. On the languages of the Republic of Sakha (Yakutia) (1992). *Law of the Republic of Sakha (Yakutia) N 1170-XII*. [online] Consortium “Codex”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7>
2. Russian national census results. (2020) [online] *Regional office of the Russian Federal State Statistics Service in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Available at: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (in Russ.)
3. Ignatyeva, V.B., Maklashova, E.G., Tomaska, A.G. et al. (2022). *Ethno-social processes in Yakutia: modern perspective and development prospects*. 2-nd ed. Novosibirsk: Nauka Publishers. (in Russ.)
4. Diakonova, M.P. (2019) Problems of preservation and development of the Evenki language in the Republic of Sakha (Yakutia). In: Dyrkheeva, G.A., Bitkeeva, A.N., Kirilenko, S.V., Tserenov, B.D. (ed.) *Languages in a polyethnic state: development, planning and prospects: International Conference (Ulan-Ude–Goryachinsk, 1–4 July 2019): Reports and communications*, Ulan-Ude, pp. 156-159. (in Russ.)
5. Nelunov, A.G. (chief editor) (2015). *Spelling dictionary of the Yakut language*. Yakutsk: Bichik. (in Yakut)
6. Nikaeva, T.M., Starostina, A.S., Tarabukina, M.V., et al. (2022). *Dictionary of Toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): Settlements*. Novosibirsk: Archimedes. (in Russ.)
7. Ugarov, G.S. (ed.) (1993). *Russian-Yakut dictionary of biological terms*. Yakutsk: Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia).
8. Afanasiev, P.S. and Haritonov, L.N. (ed.) (1968). *Russian-Yakut Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 720 p. (in Russ.)
9. Sleptsov, P.A. (2004). *The Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanitarian Research. Novosibirsk: Nauka, 1, 680 p.
10. Sleptsov, P.A. (2010). *The Explanatory Dictionary of the Yakut Language*. Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanitarian Research. Novosibirsk: Nauka, 7, 519 p.
11. Ermolovich, D.I. (2001). *Proper nouns across languages and cultures*. Moscow: R.Valent. (in Russ.)
12. Vasilieva, A.A. (2018). *Yakut-Russian translation: vocabulary, grammar*. Yakutsk: Alaas. (in Yakut)

13. Vasilieva, A.A., Manchurina, L.E., Gerasimova, E.S. et al. (2021). *Russian-Yakut translation: issues of theory and practice*. Yakutsk: PCNL RS. (in Russ.)

14. Okoneshnikov, E.I. (2015). *The Sakha language: issues of lexicography and terminography*. Yakutsk: IHRNIPP SB RAS. (in Russ.)

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: vaaperevod@mail.ru

VASILIEVA Akulina Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АНДРОСОВА Мария Александровна – студент гр. БА-ЯРЯ-20 Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: androsmash59@gmail.com

ANDROSOVA Maria Aleksandrovna – Student of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

Мотив возвращения на родину в лирике Николая Рубцова и Леонида Завальнюка

В. Д. Гавриленко

Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия

✉ gin_kitsune@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из центральных для отечественной литературы мотивов – мотива возвращения на родину – в поэзии Николая Рубцова и Леонида Завальнюка. Биографический метод исследования позволяет выявить причины, делающие мотив возвращения на родину одним из ключевых в лирике Рубцова и Завальнюка: детство поэтов, рано потерявших мать, выпало на военные годы, оба оказались сиротами при живых отцах, на долгие годы были вынуждены покинуть родные места. Сравнительно-типологический анализ позволяет выявить общность в раскрытии данного мотива: возвращение на родину как возвращение в идиллический мир утраченного детства. При этом в стихотворениях обоих поэтов образ малой родины представлен в двух временных измерениях: прошлом и настоящем. Используя прием контраста, авторы показывают радикальные изменения родного пространства, невозможность принять произошедшие перемены. Сопоставление мотива возвращения на родину позволяет выявить не только сходство, но различие в мироощущении двух поэтов. Обращаясь к образу малой родины, Рубцов продолжает есенинские традиции, его внимание направлено на русскую деревню, сельскую природу, мотив гибели традиционного уклада жизни. Для Завальнюка мотив возвращения на родину обретает новый смысл: возвращение к себе подлинному, восстановление собственной целостности, принятие себя. Анализ поэтических текстов основан на трудах А. Н. Веселовского, Б. М. Гаспарова, М. Л. Гаспарова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы. Результаты исследования могут быть применены при изучении истории русской литературы и литературного краеведения в вузе и школе.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, Николай Рубцов, лирика, тихая лирика, мотив, образ, мотив возвращения, образ родины, образ деревни.

Для цитирования: Гавриленко В. Д. Мотив возвращения на родину в лирике Николая Рубцова и Леонида Завальнюка. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, № 4. С. 64–75. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

The motif of returning home in the lyric poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk

V. D. Gavrilenko

Blagoveshchensk state pedagogical university, Blagoveshchensk, Russia

✉ gin_kitsune@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the motif of returning to one's homeland in the poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk. The biographical research method makes it possible to identify the reasons that make the motif of returning to one's homeland one of the key motifs in the poetry of Rubtsov and Zavalnyuk. The childhood of the poets, the early lost of mothers, the war years, both being orphans with living fathers, and being forced to leave their homes for many years. A comparative typological analysis allows us to identify the commonality in the revelation of this motif: the return to the homeland as a return to the idyllic world of lost childhood. Moreover, in the poems of both poets the image of their small homeland is presented in two time dimensions: past and present. Using the technique of contrast, the authors show the radical changes in the native space, the inability to accept the changes that have occurred. A comparison of the motif of returning to home reveals not only the similarities, but also the differences in the worldview of the two poets. Turning to the image of a small homeland, Rubtsov

© Гавриленко В. Д., 2023

continues Yesenin's traditions, his attention is directed to the Russian village, rural nature, the motif of the death of the traditional way of life. For Zavalnyuk, the motif of returning to his homeland takes on a new meaning: returning to his true self, restoring his own integrity, accepting himself. The analysis of poetic texts is based on the works of A. N. Veselovsky, B. M. Gasparov, M. L. Gasparov, N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa. The results of the study can be applied when studying the history of Russian literature and literary local history at universities and schools.

Keywords: Leonid Zavalnyuk, Nikolay Rubtsov, lyrics, quiet lyrics, motif, image, motif of return, image of the homeland, image of a village.

For citation: Gavrilenko V. D. The motif of returning home in the lyric poetry of Nikolay Rubtsov and Leonid Zavalnyuk. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 64–75. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-64-75

Введение

Николай Рубцов (1936–1971) – поэт, чье имя ассоциируется с одним из ключевых направлений в советской литературе 1960-х гг. – «тихой лирикой». Первая публикация его произведений состоялась в 1957 г. во время армейской службы в газете «На страже Заполярья» [1]. Поэзия Рубцова отличается лиричностью и элегичностью, а тема родины, образы русской природы и деревни являются ведущими [2].

Почти в одно время с Рубцовым путь в литературу начал другой поэт – Леонид Завальнюк (1930–2010). Также, как и в случае с Рубцовым, первые стихотворения Завальнюка были напечатаны во время его службы в армии – в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» [3]. Они оба учились в Литературном институте им. М. Горького. Одновременно с Завальнюком, но на курс старше учились представители «эстрадной поэзии». Однако к знаменитым товарищам он не примкнул. Как отмечал исследователь творчества Завальнюка А. А. Белый, картина мира и эстетика Леонида Завальнюка не совпадали с мировоззрением его современников [4]. Действительно, творчеству Завальнюка были чужды политическая направленность стихов, эстрадный пафос, когда нередко в угоду звучанию ущемлялась содержательная сторона поэзии. Как указывает С. И. Красовская, много в мироощущении Завальнюка идет от связи с родной землей, что роднит его с представителями «тихой лирики» [3, с. 151]. И тем не менее ни к одному литературному течению Завальнюк так и не примкнул, он всегда был сам по себе, погруженным внутрь себя.

Завальнюк посвятил жизнь поиску своего пути, своей особой манеры. В ранний период творчества поэт находился под влиянием господствующего в 1950-е гг. соцреализма, от которого быстро отошел [5]. Завальнюк экспериментировал с жанрами, обращался как к лирике, так и к прозе. Его поэзия отличается разнообразием затрагиваемых тем и мотивов. Но при этом широкой публике он более всего известен как поэт-песенник, на чьи стихи исполняли песни многие советские и российские музыканты. И если имя Николая Рубцова уже вписано в историю русской литературы, его творчество продолжает быть предметом исследования [6–8], то Леонид Завальнюк только приходит к своему читателю, лишь сейчас начинает обретать свое место в отечественном литературном ландшафте.

В настоящее время существует небольшое количество работ, посвященных изучению творчества Завальнюка. Однако стоит отметить, что критика, преимущественно дальневосточная, обратила внимание на поэта еще в начале его творческого пути. Это были газетные статьи, журнальные публикации, представляющие собой рецензии на издаваемые сборники. Одним из первых критиков стал А. В. Лосев – основатель школы литературного краеведения Приамурья. Лосев не только отозвался на выход первого сборника, но и включил произведения Завальнюка в издание, с которого началось системное изучения литературы Приамурья [9]. На сегодняшний день творческое наследие Завальнюка активно изучается исследователями центра литературного краеведения Благовещенского

государственного педагогического университета. Так, в 2013 г. была издана «Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков», призванная воссоздать достоверную картину литературной жизни данного региона. В этом издании доктором филологических наук С. И. Красовской опубликована статья о Завальнюке, освещающая основные вехи в биографии и творчестве поэта [3]. А в 2016 г. в Амурской области, откуда начинался путь Завальнюка в литературу, была учреждена литературная премия его имени.

Цель нашего исследования проанализировать особенности мотива возвращения на родину в творчестве Рубцова и Завальнюка. Как было отмечено В. Е. Хализевым, для русской литературы мотив возвращения домой является константой [10]. Этот мотив неразрывно связан с проблемой нравственных исканий человека [10]. О значимости образа дома для русской литературы и его трансформации в XX в. пишет Т. И. Радомская, она указывает, что важной особенностью изображения русской жизни становится «отсутствие Дома» [11, с. 41]. Мотивы бездомности и сиротства в лирике Рубцова и Завальнюка тесно переплетены с мотивом возвращения домой. Два поэта рассматривают данный мотив в близком диапазоне, используют сходные образы. При этом среди исследователей существует мнение о том, что поэзия Завальнюка, как и Рубцова, относится к «тихой лирике», потому задача нашей статьи ответить на вопрос о том, действительно ли можно считать Завальнюка представителем «тихой лирики».

Материалы и методы исследования

Работа опирается на совмещение методов: биографического [10–12], описательного, сравнительно-типологического, мотивного анализа. Материалом исследования стали лирические произведения Леонида Завальнюка: «Будь готов!» (1953), «Один знакомый в Смеле побывал...» (1959), «Вот какие дела» (1959), «Тост» (1959), «Память» (1966), «Беглец» (1975), «Возвращение» (2002); Николая Рубцова: «Родная деревня» (1964), «Тихая моя родина» (1965), «Грани» (1966), «Детство» (1967), «Прощальная песня» (1967), «В полях сверкало. Близилась гроза» (1967), «Ночь на родине» (1967), «Привет, Россия...» (1969), экспромт «Я улпыву на пароходе» (1986).

Теоретическую базу научного исследования составляют труды отечественных ученых, таких как А. Н. Веселовский [15], Н. Д. Тмарченко [16], В. И. Тюпа [17], Б. М. Гаспаров [18], М. Л. Гаспаров [19].

Причины обращения к мотиву возвращения на малую родину

Прежде всего необходимо понять причины, побудившие и Рубцова, и Завальнюка, обращаться к мотиву возвращения на родину. Удивляет сходство судеб двух поэтов, родившихся в разных частях большой страны: Рубцов – в селе Емецк Северного края (ныне Архангельская область), а Завальнюк – в городе Умань Украинской ССР.

Детство Завальнюк провел в небольшом городке Смела. И хотя он был единственным ребенком в семье, но ребенком, недополучившим материнской и отцовской любви. Воспоминания о родителях ему давались нелегко, а самым близким человеком в детские годы была бабушка, как написал поэт в автобиографии: «Я рос так, как будто у меня – ни отца, ни матери, а только она. Иногда мне казалось, что оба мы с ней – сироты...» [20, с. 16].

1941-ый стал для маленького Лени годом испытаний. Весной умерла мать, а уже летом в доме появилась незнакомая женщина – мачеха. Новость о начавшейся войне вызвала чувство растерянности у многих, и семья Завальнюка не была исключением. Спасением стали деловитость и собранность мачехи Елены Климовны Федченко: она устроилась работать поваром в эвакогоспиталь, благодаря чему семье удалось покинуть город, который на два с половиной года оказался в оккупации. Отца вскоре после начала войны призвали на фронт, а для еще недавно незнакомых людей – мачехи и пасынка – началась эвакуационная жизнь. О годах, проведенных в скитаниях по стране, Завальнюк напишет в стихотворении «Память», где признается в самом сокровенном желании ребенка – иметь дом, а значит иметь родину, которой поэт лишился. Дом становится символом мирной

жизни – счастливой жизни, наполненной такими простыми бытовыми заботами, как посадка огорода. Память об этой детской мечте Завальнюк сохранит на всю жизнь:

Меня возили долго по стране,
И так по дому я истосковался,
Что в каждой чуждальной стороне
Я всякий раз навеки оставался.
Я думал: вот земля, а вот река.
Мы с мачехой сажали бы картошку.
В чужом дому пожили бы пока,
А там и свой бы вырос понемножку [21, с. 16–17].

Лишь зимой 1943 г. Леня с мачехой вернулись на Украину и стали жить в селе Крымки. Здесь Завальнюк начал посещать литературное объединение, на занятиях в котором обсуждались прочитанные стихи. Безмятежная жизнь продлилась недолго, с войны вернулся отец, и уже устоявшийся быт вновь рухнул: отец расстался с мачехой и, забрав сына, уехал в Винницкую область в родное село Мервин. Урожая там почти не было, с трудом удавалось найти пропитание, а семья была большая: помимо отца и Лени, бабушка Мария, сестра отца и три ее дочери. В поисках работы отец Андрей Дорофеевич уехал, пообещав сыну вскоре забрать его к себе, но обещание не сдержал, даже писем от него почти не приходило. Так, при живом отце Леонид стал сиротой. Обида на отца, мысль, что он лишь обуза – только обостряли чувство одиночества. Не в силах ждать отца, фактически бросившего сына, Леонид решил сам строить свою судьбу. И в 1946 г. он уехал в Донбасс, где в г. Никитовке поступил в фабрично-заводское училище.

Принятым решением Завальнюк словно провел черту: позади остались детство, война, родина, а впереди – манящая неизвестность, надежда обрести утерянный дом, семью и покой. Об этом периоде в своей жизни Завальнюк напишет в стихотворении «Беглец» с подзаголовком «Зима 1946 года». Данное стихотворение примечательно тем, что существует три его варианта, опубликованные в 1975 [22, с. 43–44], 1977 [23, с. 106–107] и 1987 [24, с. 43] гг. Главное и самое важное отличие мы можем наблюдать между первой и последней редакцией. Завальнюк не раз, переиздавая свои произведения, вносил в них правки: будь то название или изменение порядка слов, синонимичные замены. Но порой изменения были куда более значительными, влияющими на понимание мировоззрения поэта. Если первоначально он создает некоего героя, о чьей нелегкой судьбе повествует и за маской которого прячется он сам, то впоследствии отказывается от такого подхода. Поэт, используя местоимение «Я», по сути, подтверждает, что готов говорить от своего лица, обнажая перед читателями душу и рассказывая о самых болезненных воспоминаниях. Как признавался Завальнюк в одном из интервью, если в стихотворении он говорит «я», то это и есть он сам, а не какой-то лирический субъект [25, с. 451]:

Я был добытчик хлеба и тепла, –
Глава семьи в свои пятнадцать с малым.
<...>
И все ж зимой, скормив корове крышу,
Потом дорезав стельную ее,
Я бросил дом и в лютый холод вышел,
И в мир чужой пошел через жнивье [24, с. 43].

Реально случившееся событие в жизни поэта в стихотворении обретает метафорическое значение – поиск себя, своего места в этом мире. Символом беспросветной, лишенной всяческой надежды жизни становится убой коровы. Потерявшего веру больше ничего не держит в родных краях, и он уходит в неизвестность – в холодный чужой мир:

Я понял вдруг, что не могу спасти
Огромный нищий край,
Попавший в недороды.
И долго брел я поперек свободы,
Живую душу унося в горсти [24, с. 43].

Стихотворение в последней редакции оканчивается именно этими словами, но более ранние издания имеют продолжение, самая длинная версия датируется 1977 г. Завершающие стихотворение строки представлены в табл.

Таблица

Варианты окончаний стихотворения «Беглец» в публикациях 1975 и 1976 гг.

Table

Options of the endings of the poem “The Fugitive” in the publications of 1975 and 1976

Публикация 1975 г.	Публикация 1977 г.
...Что с ним сейчас? Он жив... Но жив ли? Сам реши. Вглядишься в него, и ты увидишь вскоре Ту мертвую тоску в его спокойном взоре, Что носят, как клеймо, Все, кто сбежал от горя С душой в горсти Иль вовсе без души [22, с. 43–44].	Скажи ему, что я его люблю, Что я, как он, судьбу свою леплю Из тех обломков, что война мне возвратила. Не очень преуспел пока. Но жизнь не тороплю. И если есть порой в душе надежды, радость, сила, Я на всех нас Их поровну делю [23, с. 107].

В этих строках видна трансформация мировоззрения Завальнюка, изменение его отношения к самому себе и прошлому. Если первоначально поэт через лирического героя клеймит себя за решение все бросить и начать сначала, то позже проявляет к себе сочувствие и понимание, находит силы любить себя таким, какой есть: слабым, искалеченным, одиноким, отчаявшимся. И в итоге принимает себя, перестает осуждать, понимая, что это был для него единственный выход.

Как и Леонид Завальнюк, Николай Рубцов принадлежит к поколению «детей войны». Из-за службы отца-военного семья Рубцовых была вынуждена часто переезжать. Поэтому еще до начала войны будущий поэт успел пожить в городке Няндомы Вологодской области, а затем в Вологде, где семью и застала война. Отец практически сразу ушел на фронт, а мать и старшие сестры вскоре заболели и умерли в 1941 г. Так пятилетний мальчик Коля стал сиротой при живом отце, с которым встретился лишь в 1955 г. [26]. А затем в жизни Рубцова появился детский дом в селе Никольское Тотемского района Вологодской области, в котором он провел семь лет.

Позже случились работа на рыболовецком судне, служба на Северном флоте, поступление в Литинститут в Москве и возвращение в Вологду. Но именно Никольское стало для поэта родиной, на которую он возвращался, где много писал [27, с. 5]. В стихотворении «Родная деревня» поэт признается в любви родному краю. Стихотворение построено на противопоставлении двух мировоззрений: ребенка, мечтающего уехать жить в столицу, пренебрежительно относящегося к провинции, и взрослого, на собственном опыте познавшего ценность малой родины, с которой не сравнится ни одно место на земле:

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу... [28].

Таким образом, причина обращения обоих поэтов к мотиву возвращения на малую родину – в их биографии. Родина для них – это то место, которое они вынуждены были оставить, и куда возвращаются лирические герои их стихотворений в поисках утраченного дома, семьи.

Образ малой родины

В своем известном стихотворении «Тихая моя родина» Рубцов, как заметил исследователь творчества поэта В. С. Белков, соединил два святых для него места: Никольское и Вологду. Описание топонимов в стихотворении указывает на село, но могила матери находится в Вологде на Введенском кладбище [29]. В этом произведении и в стихотворении «Ночь на родине» пространство родины существует в двух временных измерениях: прошлом, что живет в детских воспоминаниях, и настоящем, в котором находится лирический герой. Родные места теперь с трудом узнаются им, даже могилу матери оказывается невозможно отыскать без помощи местных жителей:

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил... [28].

Места, что были так дороги лирическому герою, кардинально изменились: купол церкви зарос травой, а река измельчала, теперь это болото, покрытое тиной.

В лирике Завальнюка, где присутствует мотив возвращения в родные края, также наблюдается двойственность образа родины. Детство поэта прошло в Смеле и оборвалось оно внезапно с началом войны. Потому для Завальнюка именно Смела будет ассоциироваться с мирной довоенной жизнью, семьей и домом. Этим обусловлено существование двух образов: Смелы-родины, что живет в памяти поэта, и новой незнакомой Смелы из настоящего времени.

Столкновение, наслаивание этих двух образов происходит на страницах сборника «На дорогу времени» (1959) в стихотворениях «Вот какие дела...», «Тост», а особенно очевидным их различие становится в тексте стихотворения «Один знакомый в Смеле побывал...».

Об изменениях, произошедших на родине за время своего отсутствия, лирический герой, максимально приближенный к поэту, узнает из рассказа знакомого:

– Идешь, как будто по лесу, –
Все зеленью пестрит,
Война, видать, на пользу, –
Знакомый говорит.
– Простора изобилие,
По правде говоря.
Какой там сквер разбили
На месте пустыря!
И, подавив зевоту,
Он продолжает врать –
Мол, не узнать заводов,
И улиц не узнать... [30, с. 15].

Главной достопримечательностью возродившегося города становится сквер, на месте которого раньше был пустырь. И это изменение лирический герой как выразитель авторской позиции не приемлет. В его восприятии пустырь – это напоминание о разрушенной мирной жизни, напоминание о том, что когда-то давно на этом месте стояли дома,

жили люди. Кошунственно звучат слова собеседника: «Война, видать, на пользу». Теперь это место изменилось, словно позабыв о своем прошлом:

На этом самом месте
Стоял когда-то дом.
Под этим старым кленом,
Могуч, как древний грек,
Сидел механик Кленер –
Хороший человек.
Отсюда, где деревьев
Пролег зеленый шов,
Безродный Митька Древич
В подпольщики ушел.
<...>

Мне б ножик перочинный
<...>
Я б вырезал с трудом,
Что здесь разбито детство,
А сквер – уже потом.
Здесь Кленера замучили
И всех его ребят... [30, с. 16–17].

В этой обновленной Смеле Завальнюк не узнает своей родины, не находит в ней места для себя, оттого возникает чувство потери и обездоленности. Это место является родиной для ребенка, но для выросшего героя оно воспринимается бесконечно далеким и чужим.

Как и у Рубцова родная земля ассоциируется в стихотворении Завальнюка с могилой матери:

Вот какие дела –
Мать у меня умерла.

На смелянском кладбище ее
Положили,
Белый камень поставили
На могиле.
Вишни,
Вишни окрест
Да смородина...
Та земля и есть
Моя родина [30, с. 18].

Стихотворение стилистически приближено к бытовому разговору, что создает иллюзию простоты содержания. Важно отметить, что в лирике Завальнюк стремится к сюжетности, данная особенность нашла выражение в выборе жанров, в композиции и даже в номинации произведений («Рассказ радиста», «Рассказ холостяка», «Рассказ живописца», «Случай в химчистке», «Весенняя история» и др.). Кроме того, для лирики Завальнюка зачастую характерен отказ от традиционных стихотворных размеров. По нашему мнению, это усиливает сюжетную составляющую его поэзии.

На самом деле в этом стихотворении поэт осмысливает значение родины, пытается понять свое место. Важными для понимания являются слова «Та земля и есть / Моя родина». С одной стороны, используется притяжательное местоимение «моя», но с другой, указательное местоимение «та», а не «эта». Тем самым подчеркивается отдаленность земли от поэта, его отчужденность от нее. Лирический герой признается в желании обрести новую родину, коей стали для него Амурская область и город Благовещенск:

Отпусти ж ты меня,
Моя давняя родина.

На дорогах страны
Горек лист облетающий.
Где вы, дети войны,
Обретете пристанище?
На востоке ль на западе –
Тропки дальние узкие.
Где-то зейские заводы,
Где-то степи амурские... [30, с. 19].

Завальнюк не принял произошедшие в родном городе изменения. Повзрослев, он побывал в родных местах, но в отличие от Рубцова не остался, предпочтя ностальгическим воспоминаниям о прошлом настоящее, возможность наконец-то обрести любящую семью, дом и близких по духу людей – то, чего он был лишен еще в детстве.

Заключение

Обращаясь к мотиву возвращения на родину, Завальнюк и Рубцов, несмотря на то, что жили в разных географических координатах, создают схожие образы. Это тихая местность, обладающая скромной неяркой красотой, с протекающей рядом рекой. Важным ее элементом является кладбище – место, где похоронена мать.

Но какое будущее у этих мест? Если у Завальнюка Смела продолжает жить дальше, меняться и развиваться, то Рубцов предчувствует скорую гибель деревни, что передается через образы разрухи (скрипящие двери, грязные дворы) и состояние природы (застывающая река, тучи над деревней):

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока [31].

Вон то село, над коим вьются тучи,
Оно село родимое и есть... [31].

В одном из писем Рубцов писал, что в Никольском ему находиться тяжело именно потому, что видит он распад традиционного уклада жизни, отсутствие духовности в людях: «Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желанья коротать здесь всю зиму у меня нет <...> нет и здесь у меня уединения и покоя <...> Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью» [28].

И тем не менее Никольское в восприятии поэта – родина, место вдохновения. Как признавался Рубцов в одном из писем А. Я. Яшину: «А еще потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле» [28].

Для Завальнюка Смела – это родина детства, с которой он безусловно ощущает неразрывную связь. Ведь именно это место – исток поэта, из которого он вышел в большой внешний мир:

О древняя приверженность к земле,
Слезам прокипевшая и кровью!
Где бы ни жил, –
Живу я в том селе,
Всем существом своим,
Всей болью
И любовью! [21, с. 18].

Но Смела – утраченная родина. И возвращаясь туда, поэт лишь острее осознает свое одиночество. Таким образом, авторы используют прием контраста, чтобы показать изменения родных мест и невозможность принять произошедшие перемены. Потому и появляется потребность у Завальнюка обрести новый дом. Таким домом – новой родиной – становится Благовещенск, место, где поэт начал свой путь в литературу. Именно о далеком провинциальном городе на Дальнем Востоке Завальнюк скажет в одном из последних интервью: «Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много писал, там так хорошо писалось...» [3, с. 150]. Эти слова созвучны идее Рубцова о том, что родина является источником вдохновения.

Важно отметить разное мироощущение двух поэтов. У Рубцова в центре внимания образ русской деревни, сельской природы, мотив гибели традиционного уклада – то, о чем писал еще С. А. Есенин [32, 33]. Он продолжает традицию новокрестьянских поэтов, взгляд его направлен во внешний мир. Следование традициям прослеживается и в стихосложении. Рубцов использует традиционные стихотворные размеры, такие как дактиль («Тихая моя родина»), амфибрахий («Родная деревня»), анапест («Прощальная песня»). Тексты делятся на привычные четверостишия с перекрестной рифмовкой.

Завальнюк не только уходит от устоявшихся в литературе размеров, но и зачастую отказывается от членения текстов на строфы, а в тех случаях, когда деление имеет место быть, это крайне редко – четверостишие, количество строк в строфе различное и определяется логикой произведения. У Завальнюка в центре – чувства, самоощущение поэта. Он пытается осмыслить не мир вокруг, а себя в этом мире. Но при этом не отделяет себя от мира, наоборот, чувствует связь со всем окружающим его пространством, со всеми временами [34]. Его поэзия оказывается шире рамок «тихой лирики». И хотя мы можем отметить схожие черты, но причислить Завальнюка к данному течению было бы ошибкой. Безусловно, он испытывал влияние разных течений и направлений, но оставался самобытным поэтом.

Результаты осуществленного нами исследования могут использоваться при изучении в вузе и школе истории русской литературы и литературного краеведения.

Л и т е р а т у р а

1. Вересов, Л. Н. Рубцов и Северный флот / Л. Н. Вересов // Жизнь и поэзия Николая Рубцова: [сайт]. – Вологда, 2000. – URL: https://web.archive.org/web/20140404002416/http://rubtsov.id.ru/others_2/veresov_7.htm (дата обращения: 15.09.2023).
2. Чернова, А. Е. Образ Родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова) / А. Е. Чернова // Культурологический журнал. – 2017. – № 3(29). – С. 3.
3. Красовская, С. И. Завальнюк Леонид Андреевич / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2013. – С. 149–153.
4. Белый, А. А. «А без корней я – древесина...» / А. А. Белый // Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш». Избранное. – Санкт-Петербург : Алетей, 2019. – С. 5–43.
5. Гавриленко, В. Д. Тема войны в стихотворении Леонида Завальнюка «Будь Готов!» / В. Д. Гавриленко // Лосевские чтения–2020 : Материалы региональной научно-практической конференции, Благовещенск, 27 марта 2020 года. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2020. – С. 94–103.
6. Дзаурова, Л. А. Тема, композиция и строфика стихотворения «Старая дорога» Н. М. Рубцова / Л. А. Дзаурова // Вестник науки. – 2021. – Т. 4. № 4(37). – С. 24–28.
7. Крайнова, В. А. Образ родины в лирике Н. Рубцова / В. А. Крайнова // Слово и текст : теория и практика коммуникации : Сборник научно-методических трудов, Армавир, 18 января 2021 года. Том 13. – Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 96–98.

8. Чернова, А. Е. Лирика Николая Рубцова : принципы формирования идеального пространства в поэтических текстах / А. Е. Чернова // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве : Сборник научных статей, Москва, 23 марта 2021 года / Отв. редактор В.В. Никульцева. – Москва : Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2021. – С. 352–376.
9. Лосев, А. В. Приамурье в художественной литературе : Аннотированный указатель / А. В. Лосев. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1963. – 104 с.
10. Хализев, В. Е. Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. – Москва : Гнозис, 2005. – 432 с.
11. Радомская, Т. И. В поисках утраченного : судьбы дома и их художественное воплощение в русской литературе XIX–XX вв. / Т. И. Радомская // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2018. – № 1 (14). – С. 41.
12. Палиевский, П. В. Биографический метод / П. В. Палиевский // Краткая литературная энциклопедия / Главный редактор А. А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1962–1978. – Т. 1: Аарне – Гаврилов. – 1962. – Стб. 619–620.
13. Нефедов, Н. Т. Возникновение биографического метода // Н. Т. Нефедов. История зарубежной критики и литературоведения. – Москва : Высшая школа, 1988. – С.116–118.
14. Ласица, Е. В. Биографический метод в литературоведении / Е. В. Ласица // Познание стран мира : история, культура, достижения. – 2014. – № 4. – С. 55–61.
15. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.
16. Тамарченко, Н. Д. Мотив / Н. Д. Тамарченко, Л. Е. Стрельцова // Литература путешествий и приключений. Путешествие в «чужую» страну. – Москва : Аспект Пресс, 1994. – С. 229–231.
17. Тюпа, В. И. Словарь мотивов как научная проблема / В. И. Тюпа, Е. К. Ромодановская // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Вып. 1: От сюжета к мотиву / Под редакцией В.И. Тюпы. – Новосибирск : Институт филологии СО РАН, 1996. – С. 3–15.
18. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы : Очерки по русской литературе XX века / Б. М. Гаспаров. – Москва : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 304 с.
19. Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна Лимитед, 2000. – 351 с.
20. Завальнюк, Л. А. Планета Зет / Л. А. Завальнюк. – Москва : Зебра Е, 2006. – 416 с.
21. Завальнюк, Л. А. Мой дом / Л. А. Завальнюк. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1966. – 70 с.
22. Завальнюк, Л. А. Вторые травы. Стихи / Л. А. Завальнюк. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 63 с.
23. Завальнюк, Л. А. Книга встреч. Стихи / Л. А. Завальнюк. – Москва : Советский писатель, 1977. – 110 с.
24. Завальнюк, Л. А. Дальняя дорога / Л. А. Завальнюк. – Хабаровск : Книжное издательство, 1987. – 290 с.
25. Эфендиева, Г. В. «Я ответил как мог, от души» : заочное интервью с поэтом Леонидом Завальнюком / Г. В. Эфендиева // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : АмГУ, 2020. – Вып. 13. – С. 440–455.
26. Кириенко-Малюгин, Ю. И. Об отце Николая Рубцова / Ю. И. Кириенко-Малюгин // Звезда полей: [сайт]. – URL: <http://www.rubcow.ru/index.php/biografiya-i-izdaniya/ob-ottse-nikolaya-rubtsova> (дата обращения: 15.09.2023).
27. Михалкина, М. В. «Малая Родина» в жизни и творчестве поэта Николая Рубцова / М. В. Михалкина // Инновационные результаты социально-гуманитарных и экономико-правовых исследований : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 28 августа 2023 года / Под общей редакцией Е. П. Ткачевой. – Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2023. – С. 4–10.
28. Рубцов, Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Составитель и автор вступительной статьи В. Зинченко. – Москва : Терра, 2000. – Т. 3. – 430 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index3.htm> (дата обращения: 10.09.2023).

29. Белков, В. С. Тихая родина Рубцова / В. С. Белков // Тотьма : историко-литературный альманах. – Вологда, 1995. – Вып. 1. – С. 412–417.
30. Завальнюк, Л. А. На дорогу времени / Л. А. Завальнюк. – Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1959. – 78 с.
31. Рубцов, Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Составитель и автор вступительной статьи В. Зинченко. – Москва : Терра, 2000. – Т. 1. – 349 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index1.htm> (дата обращения: 11.09.2023).
32. Зайцев, В. А. Есенинская традиция в поэзии Александра Твардовского и Николая Рубцова / В. А. Зайцев // Современное есениноведение. – 2006. – № 5. – С. 100–106.
33. Савченко, Т. К. «Здесь для души моей родина» : Есенин в творчестве Николая Рубцова / Т. К. Савченко // Современное есениноведение. – 2015. – № 1(32). – С. 66–84.
34. Гавриленко В. Д. «Моя прописка» Леонида Завальнюка : история одного стихотворения / В. Д. Гавриленко // Лосевские чтения–2018 : Материалы XI региональной научно-практической конференции, Благовещенск, 30 марта 2018 года / Под редакцией А. В. Урманова. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – С. 122–130.

References

1. Veresov, L.N. (2000). *Rubtsov and the Northern Fleet. Life and poetry of Nikolay Rubtsov*. [online]. Available at: https://web.archive.org/web/20140404002416/http://rubtsov.id.ru/others_2/veresov_7.htm [Accessed 15 September 2023]. (in Russ.)
2. Chernova, A.E. (2017). The image of the Motherland in Russian literature (on the example of the poetry of Nikolay Rubtsov). *Culturology Journal*, 3(29), pp. 3. (in Russ.)
3. Krasovskaya, S.I. (2013). *Zavalnyuk Leonid Andreevich. Encyclopedia of literary life of the Amur region of the 19th–21st centuries*. Ed. A. V. Uрманова, Blagoveshchensk: Publishing House BGPU, pp. 149–153. (in Russ.)
4. Belyi, A.A. (2019). “And without roots I am wood...”. Zavalnyuk L.A. “Everything is with you, but not yours.” Favorites. St. Petersburg: Aleteia, pp. 5–43. (in Russ.)
5. Gavrilenko, V.D. (2020). The theme of war in Leonid Zavalnyuk’s poem “Be Prepared!”. In: *Losev readings – 2020: Regional scientific and practical conference*, Blagoveshchensk, 2020. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, pp. 94–103. (in Russ.)
6. Dzaurova, L.A. (2021). *Theme, composition and stanza of the poem “Old Road” by N.M. Rubtsova*. Vestnik nauki, 4(37), pp. 24–28. (in Russ.)
7. Krainova, V.A. (2021). *The image of the homeland in the lyrics of N. Rubtsova. Word and text: theory and practice of communication: Collection of scientific and methodological works*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 13, pp. 96–98. (in Russ.)
8. Chernova, A.E. (2021). *Lyrics of Nikolay Rubtsov: principles of formation of ideal space in poetic texts. Text in cultural, linguistic, social space: Collection of scientific articles*. Ed. V. V. Nikultseva. Armavir State Pedagogical University, pp. 352–376. (in Russ.)
9. Losev, A.V. (1963). *The Amur region in fiction: Annotated index*. Amur publishing house, Blagoveshchensk, 104 p. (in Russ.)
10. Khalizev, V.E. (2005). *Value Orientations of Russian Classics*. Gnozis, Moscow, 432 p. (in Russ.)
11. Radomskaya, T.I. (2018). Search of the lost: fate of home and its creative execution in the Russian literature 19th–20th centuries. *Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture*. 1(14), pp. 41. (in Russ.)
12. Palievskiy, P.V. (1962). *Biographical method. Brief literary encyclopedia*. Ed. A. A. Surkov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1: Aarne – Gavrillov, pp. 619–620. (in Russ.)
13. Nefedov, N.T. (1988). *The emergence of the biographical method. History of foreign criticism and literary criticism*. Moscow: Higher School, pp. 116–118. (in Russ.)
14. Lasitsa, E.V. (2014). *Biographical method in literary criticism. Learning countries of the world: history, culture, achievements*. 4, pp. 55–61. (in Russ.)
15. Veselovsky, A.N. (1940). *Historical poetics*. Leningrad: Art literature, 648 p. (in Russian)

16. Tamarchenko, N.D. (1994). *Motif. Literature of travel and adventure. Traveling to a "foreign" country*. Moscow: Aspect Press, pp. 229–231. (in Russ.)
17. Tyupa, V.I. (1996). *Dictionary of motives as a scientific problem. Materials for the Dictionary of Plots and Motives of Russian Literature. No. 1: From plot to motif*. Philology Institute SO RAN, Novosibirsk, pp. 3–15. (in Russ.)
18. Gasparov, B.M. (1993). *Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century*. Moscow: Oriental literature, 304 p. (in Russ.)
19. Gasparov, M.L. (2000). *Essay on the history of Russian verse. Metrics. Rhythm. Rhyme. Strophic*. Moscow: Fortuna Limited, 351 p.
20. Zavalnyuk, L.A. (2006). *Planet Z*. Moscow: Zebra E, 416 p. (in Russ.)
21. Zavalnyuk, L.A. (1966). *My home*. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House, 70 p. (in Russ.)
22. Zavalnyuk, L.A. (1975). *Second herbs. Poetry*. Moscow: Young Guards, 63 p. (in Russ.)
23. Zavalnyuk, L.A. (1977). *Book of meetings. Poetry*. Moscow: Soviet Writer, 110 p. (in Russ.)
24. Zavalnyuk, L.A. (1987). *Long road*. Khabarovsk: Book Publishing House, 290 p. (in Russ.)
25. Efendieva, G.V. (2020). "I answered as best I could, from the heart": an extramural interview with poet Leonid Zavalnyuk. *Russia and China on the Far Eastern borders*. Blagoveshchensk: AmSU, 13, pp. 440–455. (in Russ.)
26. Kirienko-Malyugin, Yu.I. *About Nikolay Rubtsov's father. Star of the Fields* [online]. Available at: <http://www.rubcow.ru/index.php/biografiya-i-izdaniya/ob-ottse-nikolaya-rubtsova> [Accessed 15 September 2023]. (in Russ.)
27. Mikhalkina, M. V. (2023) "Small Motherland" in the life and work of the poet Nikolay Rubtsov. *Innovative results of social, humanitarian and economic-legal research: Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod*, pp. 4–10. (in Russ.)
28. Rubtsov, N. (2000). *Collected works: in 3 volumes*. Compiler and author of the introductory article V. Zinchenko. Moscow: Terra, 3, 430 p. [online], Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index3.htm> [Accessed 10 September 2023]. (in Russ.)
29. Belkov, V.S. (1995). *Quiet homeland of Rubtsov. Totma: historical-literature almanac*. Vologda, 1, pp. 412–417. (in Russ.)
30. Zavalnyuk, L.A. (1959). *On the road of time*. Blagoveshchensk: Amur Book Publishing House, 78 p. (in Russ.)
31. Rubtsov, N. (2000). *Collected works: in 3 volumes*. Compiler and author of the introductory article V. Zinchenko. Moscow: Terra, 1, 349 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/index1.htm> [Accessed 10 September 2023]. (in Russ.)
32. Zaitsev, V.A. (2006). *Yesenin tradition in the poetry of Alexander Tvardovsky and Nikolay Rubtsov*. *Sovremennoe eseninovedenie*. 5. pp. 100–106. (in Russ.)
33. Savchenko, T.K. (2015). "Here is the homeland for my soul": Yesenin in the works of Nikolay Rubtsov. *Sovremennoe eseninovedenie*. 1(32), pp. 66–84. (in Russ.)
34. Gavrilenko, V.D. (2018). "My registration" by Leonid Zavalnyuk: the story of one poem. *Losev Readings – 2018: Materials of the XI regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk state pedagogical university, pp. 122–130. (in Russ.)

ГАВРИЛЕНКО Виктория Дмитриевна – ст. преп. кафедры русского языка как иностранного Благовещенский государственный педагогический университет.

E-mail: gin_kitsune@list.ru

GAVRILENKO Victoria Dmitrievna – Senior lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, Blagoveshchensk State Pedagogical University.

УДК 811.512.31

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-76-83

Коммуникативное акцентирование в бурятских эмотивных конструкциях

Н. Б. Даржаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

✉ dnadezhda@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются бурятские эмотивные конструкции с точки зрения коммуникативного выделения участников эмотивной ситуации. Актуальность исследования обусловлена общим интересом лингвистов в настоящее время к проблеме вербализации эмоций. Новизна работы заключается в применении дополнительного, коммуникативного аспекта при изучении средств вербализации эмотивности в бурятском языке. Цель исследования заключается в выявлении связи между синтаксической и коммуникативной структурами предложения, а точнее – между синтаксической позицией и коммуникативной выделенностью. Применялись методы лингвистического наблюдения, интроспекции, описания, методы дифференциального и компонентного анализов. Доказано, что сдвиг фокуса внимания говорящего с одного участника на другого или на саму эмоцию, находит отражение в синтаксической структуре предложения. Коммуникативно выделенной и значимой в структуре предложения является позиция подлежащего. Коммуникативная выделенность подлежащего в бурятском языке обуславливается также жестким порядком слов в предложении (подлежащее всегда тема/топик). В ходе исследования бурятских эмотивных конструкций как речевых актов автор выявил три типа конструкций с коммуникативным акцентированием участников эмотивной ситуации в позиции подлежащего. Это конструкции с коммуникативным акцентом: 1) на Экспериенцере, 2) на Стимуле, 3) на самой Эмоции. При этом отмечено, что Сtimул может быть представлен как в развернутом виде (придаточными подлежащими), так и в свернутом виде (именными группами). Материалом исследования послужили современные тексты художественных произведений бурятских авторов, размещенные в электронном Бурятском корпусе. Также проводился опрос носителей языка с целью подтверждения либо опровержения сомнительных случаев коммуникативной выделенности.

Ключевые слова: монгольские языки, бурятский язык, коммуникативный синтаксис, акцентирование, фокус внимания, речевые акты, эмотивные конструкции, морфология, члены предложения, подлежащее.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности, № 121031000258-9).

Для цитирования: Даржаева Н. Б. Коммуникативное акцентирование в бурятских эмотивных конструкциях. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 76–83. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-76-83

Communicative accentuation in Buryat emotive constructions

N. B. Darzhaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

✉ dnadezhda@mail.ru

Abstract. The article examines Buryat emotive constructions from the point of view of the communicative identification of participants in an emotive situation. The relevance of the study lies in the current general interest of linguists currently in the problem of the verbalisation of emotions. The novelty of the work lies in the application of an additional, communicative aspect to the study of the means of verbalising emotiveness in the Buryat language. The aim of the study is to identify the connection

© Даржаева Н. Б., 2023

between the syntactic and communicative structure of a sentence, or more precisely, between the syntactic position and the communicative emphasis. Methods of linguistic observation, introspection, description, methods of differential and component analysis have been used. It has been shown that a shift in the speaker's focus from one participant to another, or to the emotion itself, is reflected in the syntactic structure of the sentence. The position of the subject is communicatively highlighted and significant in the structure of the sentence. The communicative emphasis of the subject in the Buryat language is also determined by the strict order of words in the sentence (the subject is always the topic). In the course of studying Buryat emotive constructions as speech acts, the author identified three types of constructions with communicative emphasis of the participants in an emotive situation in the subject position. These are constructions with a communicative emphasis: 1) on the Experiencer, 2) on the Stimulus, 3) on the Emotion itself. It is noted that the Stimulus can be presented both in expanded form (subordinate clauses) and in collapsed form (nominal groups). The research material was modern texts of literary works by Buryat authors, published in the electronic Buryat corpus. A survey of native speakers was also conducted in order to confirm or refute doubtful cases of communicative emphasis.

Keywords: Mongolian languages, Buryat language, communicative syntax, accentuation, focus of attention, speech acts, emotive constructions, morphology, members of a sentence, subject

The article was written within the framework of the state assignment (The Human World in Mongolian Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotivity, No. 121031000258-9).

For citation: Darzhaeva N. B. Communicative accentuation in Buryat emotive constructions. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 76–83. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-76-83

Введение

Интерес исследователей к коммуникативным стратегиям речи не угасает, а продолжает расти [1–4], приводя лингвистов к открытию все новых возможностей для более глубокого изучения и понимания семантики и прагматики предложения.

В этой статье мы впервые рассмотрим бурятские эмотивные конструкции в рамках речевого акта, «т. е. предложение, которое понимается как выражение определенного коммуникативного намерения говорящего» [1, с. 13]. Продуктивность этого подхода подтверждается предложением Е. В. Падучевой [3] включить в анализ эмотивных конструкций еще один уровень дополнительно к семантическому и морфосинтаксическому, а именно коммуникативный. С этой точки зрения множественность эмотивных конструкций может объясняться и разным коммуникативным рангом отдельных его компонентов. «Понятие ранга отражает тот факт, что противопоставление субъекта и объекта прочим членам предложения коммуникативно значимо – оно выполняет определенную прагматическую функцию» [3, с. 59].

В теоретической части исследования мы опирались на работы С. Н. Цейтлин [5], И. Э. Романовской [6], Т. Е. Янко [1], Е. В. Падучевой [3–4], Л. Талми Л. [2], О. К. Ирисхановой [7], Tomlin [8].

Итак, речевой акт рассматривается как способ достижения адресантом определенной коммуникативной интенции, которая, в свою очередь, влияет на выбор языковых средств. Одной из таких интенций является привлечение внимания, фокусирование внимания говорящим на одном из участников эмотивной ситуации. Как пишет О. К. Ирисханова, процессы фокусирования и дефокусирования представляют собой «целостный многофункциональный когнитивный процесс, который имеет весьма широкий диапазон языковых воплощений» [7, с. 14]. Таким образом, фокусирование внимания является сложным переплетением когнитивных процессов и коммуникативных намерений говорящего.

Цель нашего исследования заключается в выявлении связи между синтаксической и коммуникативной структурой предложения и определения, какая синтаксическая позиция является коммуникативно выделенной. Мы разделяем точку зрения Л. Талми: «Градация выделенности находится в прямом соответствии с тем, каким членом предложения является именная конструкция, что может быть отражено в следующей шкале: подлежащее > прямое дополнение > косвенное дополнение» [2, с. 31]. Ранее Расселл Томлин [8] экспериментально доказал обусловленность позиции подлежащего тем, что именно находится в фокусе внимания говорящего.

В нашей работе принято во внимание, что в позиции подлежащего всегда стоит коммуникативно значимый компонент предложения. Коммуникативная выделенность подлежащего в бурятском языке обуславливается также жестким порядком слов в предложении (подлежащее всегда тема / топик).

В зависимости от акцентирования того или иного участника эмотивной ситуации (Экспериенцер / Стимул эмоции / Эмоция) мы выделили три группы бурятских конструкций. Отметим также, что разные эмоции имеют свой набор конфигураций коммуникативных компонентов в речевых актах.

Материалом исследования послужили современные тексты художественных произведений бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка.

Коммуникативные стратегии бурятских эмотивных конструкций

В ходе исследования бурятских эмотивных конструкций как речевых актов мы выявили три типа конструкций с коммуникативным акцентированием участников эмотивной ситуации в позиции подлежащего. Это конструкции с коммуникативным акцентом: 1) на Экспериенцере, 2) на Стимуле, 3) на самой Эмоции. Рассмотрим их в предложенном порядке.

Конструкции с коммуникативным акцентом на Экспериенцере

К этой группе относятся конструкции с субъектом – названием лица – в позиции подлежащего, являющимся Экспериенцером эмотивной ситуации. В фокусе внимания говорящего находится субъект эмотивной ситуации или эмоционального состояния. Здесь мы выделяем три подтипа конструкций: а) с активным Экспериенцером, б) с пассивным Экспериенцером, в) с отождествлением Экспериенцера с частями тела:

а) конструкция с активным Экспериенцером

В этой конструкции в фокусной позиции подлежащего представлен субъект (Экспериенцер) активного эмотивного действия. Подлежащее может стоять в начале (1) и в середине (2) предложения:

(1) <i>Дондог</i>	<i>эдээн-дэ</i>	<i>наадал-уул-ха-д-аа</i>	<i>сухал-аа</i>
Д.	эти-dat	шутить-caus-pc.fut-dat-refl	гнев-refl
<i>хүрэ-нэ,</i>	<i>хор-оо</i>	<i>бусал-на</i>	
достигать-prs[3sg/pl]	яд-refl	кипеть-prs[3sg/pl]	

‘Когда Дондог подвергается их шуткам, сердится, злится.’ (БК)

(2) ... <i>хуби_заяан-ай-нгаа</i>	<i>хайнаар</i>	<i>эрье-һэн-дэ</i>	<i>Залма</i>
судьба-gen-refl	хорошо	крутиться-pc.pst-dat	3.
<i>баяр</i>	<i>түрэ-нэ</i>		
радость	рождать-prs[3sg/pl]		

‘Залма радуется тому, что ее судьба меняется в лучшую сторону.’ (БК);

б) конструкция с пассивным Экспериенцером

Хотя в этой специальной каузативной конструкции субъект, испытывающий эмоцию, стоит в позиции подлежащего, семантически он имеет объектное значение, он не активен и подвергается воздействию со стороны негативно оцениваемой эмоции (примеры с положительными эмоциями не обнаружены). Существительное – название эмоции – стоит в дательном-местном падеже, а предикат выражается глаголами определенной семантики в каузативном залоге (*диилдэ* ‘быть побежденным, поддаваться’, *эзэлэгдэ* ‘быть охваченным’, *абта* ‘быть взятым, схваченным’ и т. п.). Примеры:

(3) Ошорхай	<i>эсэслэн</i>	<i>сухал-д-аа</i>	<i>диил-дэ-бэ</i>
О.	наконец	гнев-dat-refl	побеждать-caus-pst[3sg/pl]
<i>хэбэртэй</i>			
pcl			

‘Кажется, Ошорхай поддался все-таки своему гневу.’ (БК)

(4) Тархай	<i>уур_сухал-д-аа</i>	<i>эзэлэ-гдэ-жэ,</i>	<i>хаишар-ба...</i>
Т.	гнев-dat-refl	овладевать-caus-cvb	кричать-pst[3sg/pl]

‘Тархай, подчинившись своему гневу, закричал...’ (БК).

(5) Новиков	<i>уур_сухал-да</i>	<i>эди-гдэ-н,...</i>	<i>харгы</i>
Н.	гнев-dat	кушать-caus-cvb	дорога
<i>дээрэ</i>	<i>үлэ-шэ-бэ</i>		
pstp	оставаться-intens-pst[3sg/pl]		

‘Новиков, съедаемый гневом, остался на дороге.’ (БК)

(6) Хабартаа	хүн	<i>бүхэн</i>	<i>таагдашагүй</i>	<i>гуниг-та</i>
весной	человек	всякий	необъяснимый	грусть-dat
<i>аб-та-даг</i>				
братъ-caus-rc.hab[3sg/pl]				

‘Весной каждого человека охватывает необъяснимая грусть (букв. взятый грустью).’ (БК)

Как видим, глаголы передают динамичность, активность эмоции, испытываемой субъектом. Про такие глаголы И. Э. Романовская пишет: «Они вносят в семантику ЭК данной подсистемы новые смысловые оттенки: “эмоция, целиком владеющая субъектом”, “нравственные или физические мучения субъекта, причиняемые эмоцией”» [6, с. 15];

в) конструкция с отождествлением Экспериенцера с частями тела

В этой конструкции субъект-Экспериенцер отождествляется с частями его тела (например, глазами, лицом, сердцем) или душой, находящимися в фокусе внимания говорящего:

(7) Мария	<i>Яковлевна-гай</i>	нюдэ-д	<i>уур_сухал-аар</i>	<i>сасара-н</i>
М.	Я.-gen	глаз-pl	злость-ins	брызгать-cvb
<i>ялалз-аадхи-ба</i>				
сверкать-intens-pst[3sg/pl]				

‘Глаза Марии Яковлевны гневно сверкнули (букв. разбрызгивая злостью).’ (БК)

(8) Доржо	гайх-аад	бай-ша-ба.	Зүрхэн-шинь
Д.	удивляться-cvb	aux-intens-pst[3sg/pl]	сердце-poss3
сохило-н	лугша-на		
биться-cvb	пульсировать-prs[3sg/pl]		

‘Доржо, удивившись, встал на месте. Его сердце сильно забилося.’ (БК)

Активность самого субъекта в такой конструкции, разумеется, сомнительна, но тем не менее присутствует его коммуникативная выделенность через органы тела или духовное составляющее.

Конструкции с коммуникативным акцентом на Стимуле или Каузаторе эмоции

Коммуникативный акцент на Стимуле эмоции передается каузативной конструкцией, в которой Стимул или Каузатор стоит в позиции подлежащего, а Экспериенцер в позиции прямого дополнения. Предикат выражается глагольной формой с каузативным суффиксом.

Надо отметить, что Стимул в бурятском языке может быть выражен как в развернутом виде – придаточными подлежащими (9), так и в свернутом виде – именными группами разной семантики (10, 11, 12).

(9) ...	гэнтэ эрэ_тахяа	шэнгээр	хорхой-хо-нь
(вдруг)	петух	словно	наохлиться-pc.fut-poss3
хүн-үүд-ые	энеэ-лгэ-нэ		
человек-pl-acc	смеяться-caus-prs[3sg/pl]		

‘То, что он почему-то (букв. вдруг, неожиданно) так петушится, смешит людей.’ (БК)

Свернутый Стимул представлен тремя семантическими группами: это в первую очередь названия коммуникативных и когнитивных актов (10), имена событийного значения (11), а также небольшая группа примеров с именами конкретного предметного значения (12). Примеры:

(10) Эдэ	үгэ-нүүд-ынь	Дагб-ые	сахилгаан	мэтээр
эти	слово-pl-poss3	Д.-acc	молния	pstp
сош-оо-бо				
бояться-caus-pst[3sg/pl]				

‘Эти его слова, словно молния, напугали Дагбу.’ (БК)

(11) Минжур-тан-ай	удааралга	эсэгэ	эхэ	хоёр-ые-нь
М.-pl-gen	промедление	отец	мать	два-acc-poss3
гомдох-оо-хон	бай-гаа			
обижаться-caus-pc.pst	aux-pc.prs3			

‘Промедление семьи Минжура оскорбило мать и отца.’ (БК)

(12) Шала	дээрэ	хэбтэ-һэн	саархан
пол	pstp	лежать-pc.pst	бумага
инспектор-ые	бүри	ехээр	сухалд-уул-ба
инспектор-acc	pstp	сильно	сердиться-caus-pst[3sg/pl]

‘Еще сильнее рассердило инспектора, что бумага лежит на полу (букв. Лежащая на полу бумага еще сильнее рассердила).’

Имеющийся корпусный материал дает основание сделать предварительный вывод о том, что у говорящего имеется несколько вариантов компактного представления ситуации-Стимула, когда в фокусе внимания находится значимый неодушевленный участник ситуации.

Далее проиллюстрируем коммуникативный акцент на Каузаторе эмоции:

- (13) *Аламжа* *улам* *бүри* *Дорж-ые* *сухалд-уул-на*
А. много pstp Д.-асс сердиться-caus-rs[3sg/pl]

‘Аламжа все больше гневит Доржо.’ (БК)

В ходе исследования выяснилось, что Каузатор чаще всего выражается антропони-мами, реже зоонимами:

- (14) *Нээрээ-шье,* *тэнүүл* *баабгай-нууд* *малиша-д-ые*
вправду-pl бродячий медведь-pl скотник-pl-асс
ехээр *айлга-жа* *бай-на*
много пугать-cvb aux-prs [3sg/pl]

‘И вправду, бродячие медведи сейчас сильно пугают скотников.’ (БК)

Таким образом, в центре внимания говорящего могут быть представлены два типа Стимулов: развернутое событие в виде придаточного подлежащего и свернутое, компактное в виде именных групп.

Конструкция с коммуникативным акцентом на самой Эмоции

В конструкции с коммуникативным акцентом на самой Эмоции в позиции подлежащего стоит имя с названием эмоции. В таких конструкциях обычно устраняется Стимул, Экспериментер же кодируется не отдельной именной группой, а посессивными показателями на названии эмоции. Таким образом, здесь в центре внимания оказывается сама Эмоция. В качестве предикатов представлена глагольная лексика во вторичных, метафорических значениях:

- (15) *Уур* *сухалы-нь* *орьёл-жо* *бай-на-л!*
гнев злость-poss3 кипеть-cvb aux-prs-pl[3sg/pl]

‘Гнев его кипит!’ (БК)

- (16) *Теэд* *зосоо-нь* *орьёл-һон* *энэ* *ехэ*
но внутри-poss3 кипеть-рс.pst этот большой
баяр-ынь *багта-шагуй-гөөр* *билтар-ба*
радость-poss3 помещаться-рс-ins переливаться-pst[3sg/pl]

‘Но эта большая его радость переполняет его (букв. забурлившая внутри него радость, не помещаясь, переливается через край).’ (БК)

Посессивный показатель может располагаться на соседнем имени:

- (17) *Урда* *үдэр-нүүд-эй-нь* *гомдол* *үглөөнэй* *һэбхихэн*
перед день-pl-gen-poss3 обида утренний легкий
манан *шэнги* *дэгдэ-шэ-бэ*
туман pstp подниматься-intens-pst[3sg/pl]

‘Обида предыдущих дней испарилась, словно утренний легкий туман.’ (БК)

В следующем предложении говорится о смене одной эмоции другой:

(18) Гэбэшьэ энэ гайхалы-нь хорон сухал боло-жо
однако этот удивление-poss3 яд злость становится-cvb
хубил-ба
меняться-pst[3sg/pl]

‘Однако это его удивление сменилось злостью’ (БК).

Таким образом, говорящий с помощью этой конструкции акцентирует внимание на самой Эмоции, характере и фазах ее протекания.

Заключение

Итак, сдвиг фокуса внимания говорящего с одного участника эмотивной ситуации на другого или на саму эмоцию, находит отражение в синтаксической структуре предложения. В бурятском языке мы выделили три типа конструкций в зависимости от акцентирования внимания говорящего на участниках эмотивной ситуации или на самой эмоции. Нами продемонстрировано, каким образом, с помощью каких конструкций говорящий расставляет акценты в зависимости от коммуникативных установок. Позиция подлежащего в этом отношении является коммуникативно выделенной, что подтверждается многочисленными исследованиями и в других языках. В бурятском языке позицию подлежащего могут занимать как развернутые Стимулы (клаузы), так и свернутые (именные группы).

Принятые сокращения

БК – Бурятский электронный корпус http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

V – глагол, глагольная основа	INTENS – интенсивное действие
PST – прошедшее время	PRS – настоящее время
AUX – вспомогательный глагол	CAUS – каузатив
FUT – будущее время	ADJ – прилагательное
GEN- родительный падеж	PCL – частица
ACC – винительный падеж	PSTP – послелог
DAT – дательно-местный падеж	REFL – притяжание
ABL – исходный падеж	POSS – личн. притяжание
INS – орудный падеж	CVB – деепричастие
COM – совместный падеж	PC – причастие
SG – ед. число	PL – мн. число
DIM – уменьшительный суффикс	PROP – проприатив (обладание чем-л.)
SOC – совместный залог	

Л и т е р а т у р а

1. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. – Москва : Языки славянской культуры. 2001. – 384 с.
2. Талми, Л. Феномены внимания / Л. Талми ; перевод с англ. В. Г. Куликова // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 2(008). – 2006. – С. 23–43.
3. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
4. Падучева, Е. В. Коммуникативная структура предложения : Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. – М, 2015.
5. Цейтлин, С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика / С. Н. Цейтлин // Синтаксис и стилистика : Сборник статей АН СССР. Институт русского языка. – Москва : Наука, 1976. – С. 161–181.

6. Романовская, И. Э. Эмотивные конструкции русского языка специальность 10.02.01 «Филология» : автореферат диссертации по на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Романовская Ирина Эмильевна. – Ленинград, 1991.

7. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 321 с.

8. Tomlin, R.S. (1995). Focal Attention, Voice, and Word Order. In P. Downing & M. Noonan (eds.), *Word Order in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins: 517-552.

References

1. Yanko, T.E. (2001). *Communicative strategies of Russian speech*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ.)

2. Talmi, L. (2006). Phenomena of attention. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki* (translated by V.G. Kulikova), 2(008), pp. 23-43. (in Russ.)

3. Paducheva, E.V. (2004). *Dinamic models in lexical semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ.)

4. Paducheva, E.V. (2015). *Communicative structure of sentence*. Materialy` dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki. [ebook]. Moscow. Available from: <http://rusgram.ru>. [Accessed 02 September 2023]. (in Russ.)

5. Ceytlin, S.N. (1976). Syntactic models with the meaning of mental state and their synonymy. In: *Sintaksis i stilistika*. Collection of articles AN SSSR. Moscow: Institute of Russian languages, pp. 161-181. (in Russ.)

6. Romanovskaya, I.E. (1991). *Emotive constructions of Russian language*. Summary of Ph.D. dissertation (Linguistics). Leningrad. (in Russ.)

7. Iriskhanova, O.K. (2014). *Games of focus in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (in Russ.)

8. Tomlin, R.S. (1995). Focal Attention, Voice, and Word Order. In P. Downing & M. Noonan (eds.), *Word Order in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins: pp. 517-552.

ДАРЖАЕВА Надежда Баировна – д. филол. н., с. н. с. отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

E-mail: dnadezhda@mail.ru

DARZHAIEVA Nadezhda Bairovna – Doctor of Philological Science, Senior Research Associate of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК 811.512

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93

Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы)

В. В. Иванов ✉, Н. В. Малышева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ alonsooy@gmail.com

Аннотация. Современное функционирование якутского языка и языков коренных народов Севера на территории Республики Саха (Якутия) является объектом пристального изучения многих исследователей. Это связано с тем, что многие языки северных и арктических территорий находятся на грани исчезновения в силу влияния различных антропогенных факторов. Настоящая статья направлена на выявление лингвистических особенностей живой речи жителей Юрюнг-Хаинского наслега Анабарского района, зафиксированных в рамках полевой работы в 2021 г. по проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики РФ» (Соглашение №075-15-2021-616 от 07.06.2021). Анализу подвергается спонтанная речь пяти респондентов, жителей исследуемого района. При обработке эмпирического материала исследования был использован комплекс методов: социолингвистический и описательный методы, структурный, количественный и статистический анализы. В ходе анализа лингвистического материала было установлено, что язык анабарских долган представлен языком, основу словарного состава которого составляют слова якутского происхождения, вместе с тем в речи респондентов встречаются долганская лексика и слова иноязычного происхождения (русизмы и эвенкизмы). Несмотря на влияние разных языков, многие слова в речи анабарских долган сохранили свое семантическое значение и идентичны значению в якутском языке. Тем не менее широкое распространение русского языка в образовательной, административной и производственной сферах обусловило довольно высокий уровень функционирования русизмов без адаптации под нормы якутского и долганского языков в речи респондентов. Язык анабарских долган, являясь ярким примером языкового синтеза и культурного обмена северных народов, является несомненной ценностью с точки зрения лингвистики и культуры. Различные языковые процессы, протекающие в настоящее время в Юрюнг-Хаинском наслеге, создают уникальную ситуацию, требуют более подробного изучения языка на теоретическом и эмпирическом уровнях.

Ключевые слова: язык анабарских долган, долганский язык, якутский язык, Юрюнг-Хаинский наслег Анабарского района, спонтанная речь, живая речь, количественный анализ, статистический анализ, структурный анализ, русизмы, эвенкизмы, трансформация языка в условиях глобальных изменений, языковые контакты, диалектная лексика.

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение №075-15-2021-616).

Для цитирования: Иванов В. В., Малышева Н. В. Лингвистические особенности живой речи анабарских долган (на материале экспедиционной работы). Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 84–93.

DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93

Linguistic features of spontaneous speech of the Anabar Dolgans (On the material of the expedition work)

V. V. Ivanov ✉, N. V. Malysheva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ alonsooy@gmail.com

Abstract. The current functioning of the Yakut language and the languages spoken by the indigenous peoples in the North of the Republic of Sakha (Yakutia) is under extensive scrutiny from various researchers. This interest stems from the fact that numerous languages of the northern and arctic territories are on the verge of becoming extinct owing to the impact of several anthropogenic factors. The article aims to identify linguistic characteristics of live speech amongst residents of the Yuryung-Khainsky Rural Okrug of the Anabarsky District. These speech patterns were recorded during the 2021 fieldwork conducted as part of the “Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation” project (Agreement № 075-15-2021-616 from 07.06.2021). The spontaneous speech of five respondents, residents of the study area, was analysed. When analysing the empirical data, a range of methodologies was employed, including sociolinguistic and descriptive methods, as well as structural, quantitative and statistical analysis. Upon analysing the linguistic material, it has been determined that the language of the Anabar Dolgans is comprised mainly of words of Yakut origin. Additionally, the respondents also utilise Dolgan vocabulary and words of foreign origin, such as Russisms and Evenkisms. Despite the influence of various languages, several words used by Anabar Dolgan speakers have retained their original semantic meaning, identical to those in the Yakut language. However, the extensive usage of Russian in educational, administrative, and industrial domains has resulted in a high level of incorporation of Russisms in respondents' speech, without proper adaptation to Yakut and Dolgan language norms. The Anabar Dolgan language presents an excellent illustration of linguistic synthesis and cultural convergence among northern peoples and holds significant linguistic and cultural value. Ongoing linguistic transformations occurring within the Yuryung-Khainsky Rural Okrug pose a distinctive situation that calls for in-depth examination of the language through theoretical and empirical approaches.

Keywords: Language of Anabar Dolgans, Dolgan language, Yakut language, Yuryung-Khainsky Rural Okrug of Anabarsky District, spontaneous speech, live speech, quantitative-statistical analysis, structural analysis, Russisms, Evenkisms, language transformation in the conditions of global changes, language contacts, dialectal vocabulary.

This research was supported by grant No. 075-15-2021-616 awarded by the Government of the Russian Federation for the project on ‘Preserving Linguistic and Cultural Diversity and Ensuring Sustainable Development in the Arctic and Subarctic Regions of the Russian Federation’.

For citation: Ivanov V. V., Malysheva N. V. Linguistic features of spontaneous speech of the Anabar Dolgans (On the material of the expedition work). Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 84–93. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-84-93

Введение

Живая речь северных народов является отражением индивидуальных и социальных особенностей, которые являются ядром языка и общества. Исследование спонтанной речи носителей живой культуры, проживающих компактно на отдаленной территории, представляется актуальным для современной лингвистики и соответствует задачам национальной политики.

Целью научного исследования являются выявление и описание лингвистических особенностей живой речи анабарских долган путем изучения и анализа спонтанной речи респондентов, проживающих на территории Юрюнг-Хаинского наслега Анабарского района, имеющего статус «национальный (долганский) наслег» и являющегося местом компактного проживания долган в Республике Саха (Якутия).

Научная новизна исследования заключается в том, что проводится зафиксированное в рамках полевой работы в 2021 г. изучение спонтанной речи, которая фактически не становилась объектом комплексного исследования, что обуславливает актуальность данной статьи. В научный оборот вводятся новые материалы, не исследованные ранее в социолингвистическом аспекте.

Материал исследования: записанные на диктофон аудиозаписи спонтанной речи жителей Юрюнг-Хаинского наслега Анабарского района Республики Саха (Якутия). Анализируемый в рамках статьи материал был собран во время экспедиции, организованной международной научно-исследовательской лабораторией «Лингвистическая экология Арктики» в Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район). Экспедиция проходила в период с 25 по 30 августа 2021 г. в рамках проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики РФ» по гранту Правительства России (Соглашение №075-15-2021-616 от 07.06.2021).

Метод сбора данных: материал был получен путем проведения опроса согласно методике исследований языковой ситуации в поселках северной Якутии «Лингвистическая биография», разработанной Н. Б. Вахтиным (2021) [1], состоящей из 5 частей и 15 вопросов. Вопросы, задаваемые респондентам согласно этой методике, характеризуются получением личной информации о респонденте, его биографии и сведений о том, когда, где и как человек освоил или утратил тот или иной язык (табл.).

Таблица

Данные о респондентах

Table

Data about respondents

№	ФИО	Пол	Место рождения	Дата рождения (возраст)	Язык коммуникации	Уровень образования	Национальность (самоидентификация)
1	Кыртасова Степанида Ивановна	Жен.	Юрюнг-Хая, Анабарский район	21.10.1937 (83 года)	Якутский	1. Без образования	Долганка
2	Кылтасов Артур Альбертович	Муж.	Юрюнг-Хая, Анабарский район	19.08.1996 (25 лет)	Якутский, русский	1. Сельская школа 2. Среднее образование (тракторист-машинист)	Долган
3	Спиридонов Дмитрий Михайлович	Муж.	Юрюнг-Хая, Анабарский район	21.03.1963 (58 лет)	Якутский, русский	1. Сельская школа 2. Среднее образование (сварщик, оленевод)	Долган
4	Туприна Светлана Андреевна	Жен.	Сындасско, Красноярский край	14.01.1984 (37 лет)	Русский, якутский, долганский	1. Сельская школа 2. Неоконченное высшее образование	Долганка
5	Попов Николай Арсентьевич	Муж.	Юрюнг-Хая, Анабарский район	12.05.1962 (59 лет)	Якутский, русский	1. Сельская школа 2. Среднее образование (водитель)	Долган

Местом рождения большинства респондентов является поселок Юрюнг-Хая. Возраст респондентов варьируется от 25 до 83 лет (на момент сбора материала в 2021 г.). Уровень образования участников разнообразен: от отсутствия образования до высшего. Национальный состав респондентов однороден и представлен долганским этносом (по самоидентификации самих респондентов). Во время проведения опроса производилась видео- и аудиофиксация спонтанной речи респондентов.

Обзор литературы

Живая речь коренных народов Севера и Арктики является одним из наиболее интересных объектов для проведения социолингвистического исследования в целях оценки современного состояния функционирования миноритарных языков.

Живая речь выступает объектом исследования многих зарубежных и российских ученых [2–9] и др.

Живая речь может быть как подготовленной, так и неподготовленной [3]. Близкой к живой, но все же имеющей небольшие отличия является спонтанная речь, которая считается наиболее естественным проявлением разговорной речи и характеризуется неподготовленностью, непринужденностью и непосредственностью общения [7]. Изучив труды исследователей в данной области, а также сравнив основные особенности живой и спонтанной речи, можно заметить их большое сходство, что позволяет нам в рамках настоящей работы использовать эти два понятия в едином значении.

Особенно важным является изучение живой речи в отношении языка анабарских долган, которые проживают на периферии и одновременно на пересечении контактных зон сразу нескольких этносов: русского, якутского и эвенкийского. Это создает уникальную ситуацию, когда народ, проживающий на этой территории, «впитывает» в себя лингвистический, исторический и культурный опыт других этносов, синтезируя на его основе свой собственный образ жизни и коммуникации.

Долганский язык относится к числу наименее исследованных языков в России. Тем не менее существует ряд работ, посвященных данному языку, которые позволяют описывать его отдельные характеристики: этнография и происхождение долган [10–11], долганская лексика и грамматика [12–13]. Язык анабарских долган также исследован с точки зрения фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики [14], когнитивной лингвистики [15–16], лексикологии [17], социолингвистики [18] по материалам различных лексикографических источников.

Исследования, проведенные учеными ранее на территории Юрюнг-Хаинского наслега, выявили, что население района является якутоязычным и поликультурным, имеющим больше общего в сознании с якутской и долганской культурой, нежели с эвенкийской или русской [15].

Этническая характеристика района, согласно исследованиям различных авторов [19], характеризуется высоким удельным весом жителей, идентифицирующих себя как долганы (74,2%), а также якуты (19,7%) и эвены, эвенки (2,5%).

В наслеге по состоянию на 01.01.2021, согласно данным последней Всероссийской переписи населения, проживают 1179 человек [20]. Основными языками общения в селе являются якутский и русский языки.

Село Юрюнг-Хая расположено на правом берегу реки Анабар, имеет пристань. Среди местных жителей широко развито оленеводство, пушной промысел, рыболовство. Важнейшим условием роста благосостояния населения является развитие горнодобывающей промышленности. Сегодня на территории улуса ведет промышленную деятельность ОАО «Алмазы Анабара» [21].

Необходимо учитывать при изучении лингвистических особенностей языка анабарских долган влияние хозяйственной деятельности и промышленности на функционирование языков на рассматриваемой территории. Так, большинство сотрудников промышленных предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории Юрюнг-Хаинского

наслега, являются носителями как русского, так и якутского языков. Но в то же время практически вся административная работа ведется на русском языке (оформление документов, формирование отчетов и т. д.), а коммуникация между сотрудниками происходит на якутском и русском языках, что в разной степени влияет на софункционирование языков.

Изучение и анализ лингвистических особенностей живой речи анабарских долган

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что лингвистические особенности языка анабарских долган проявляются по-разному. Опираясь на эти данные и на исследования А. А. Петрова [14], установили, что основу словарного состава языка общения анабарских долган составляют слова якутского происхождения. Вместе с тем в речи респондентов наблюдаются долганские слова и слова иноязычного происхождения.

Общее количество материала, подвергнутого обработке, составило 4 433 слова, произнесенных респондентами во время проведения опросов. По итогам подсчета зафиксировано 177 слов, в которых наблюдается влияние долганского языка: *истэк* (букв. детеныши (рыб)), *хабыдаай* (букв. сырая; в сыром виде), *элдэн* (северное сияние), *кэриэрдэ* (букв. сковородка), *тээт* (отец) и т. д. Слова этой группы с различной частотностью зафиксированы в речи всех респондентов 476 раз.

Основные изменения, которые были зафиксированы в живой речи респондентов, можно описать следующими пунктами:

Переход начального тюркского *с* в *h*, утрата увулярных *х*, *б*. Як. «х», *б* > долг. *к*, *г* соответственно. Начальный *с*- > *h*:- як. *сах* – долг. *һака* (самоназвание якутов), як. *суох* – долг. *һуох* и т. д. (нет, отрицание) [12]. В речи некоторых респондентов наблюдается озвончение начального *к*- в некоторых словах, например, як. *кэни* – долг. *гэни* (он, она, оно), як. *элбэх* – долг. *элбэк*.

Итак, наиболее частотным изменением в языке является замена *с* на *h*, что подтверждается количественным анализом спонтанной речи респондентов: *һуох* (букв. нет, отрицание) в различных его вариациях – 46 повторений; *һахалы* (букв. якутский; по-якутски) – 41 повторение; *һин* (довольно; достаточно; изрядно) – 36 повторений; *һорох* (букв. некоторый, иной) в различных его вариациях – 14 повторений; *һылда* (бывая, находясь) в различных его вариациях – 11 повторений; *һаха* (букв. саха) – 10 повторений. Семантическое значение большинства слов осталось прежним и тождественно их значениям в якутском языке. В то же время наблюдаются изменения на фонетическом уровне, которые можно объяснить сильным влиянием долганской лексики и фонетики.

Фиксируются нарушения норм якутского языка, это происходит по объективным и субъективным причинам. Например, в речи одного из респондентов в предложении *Бииддэ эмэ туттабыт* (букв. иногда используем / применяем) зафиксировано сокращение в произношении фразы *бииддэ эмэ*, тогда как правильной формой будет *биирдэ эмэ* (букв. однажды). У четверых респондентов зафиксировано нарушение произношения слова *үчүгэй* (букв. Хорошо, хороший) – *үчүөйө, үчүөйдүк, үчүөй, үчүөйдэр*. Можно предположить, что зафиксированные нарушения идентичны процессам, происходящим в настоящее время в якутском языке, который претерпевает серьезные изменения под влиянием глобализации и развития цифровых технологий (сети интернет, социальных сетей, мессенджеров и т. д.), что приводит к появлению большого количества сокращений и нарушению норм якутского языка: *щей байы* – *үчүгэй бабайы* (букв. очень хорошо), *инд – игин диэн* (шутка), *тохрэ – туох эрэ* (букв. что-то, что-то такое) и т. д.

В общем количестве обработанного материала зафиксировано 230 слов, подвергнутых влиянию русского языка (применялись либо адаптированные под правила якутского языка слова, либо русские слова без адаптации) и используемых в языке анабарских долган. Слова этой группы с различной частотностью зафиксированы в речи всех респондентов 437 раз. Например: *уонна семьяттан тутулуктаах* (букв. и зависит от семьи), *постуук* (букв. пастух), *моруоска* (букв. морошка), *кружкабар* (букв. в кружку (мою)), *репетисия*

быт киэнин (букв. нашей репетиции), *эбэээт* (букв. обязательно), *манна бу администрациябыт баар ди, казаах* (букв. в нашей администрации, казах), *музыканы истэбин* (букв. музыку слушаю), *һээм ити олорор ди, туга, нааматнига итиннэ турар ити* (букв. дед мой вот сидит, его, памятник там стоит) и т. д.

В современном мире многие жители отдаленных арктических районов используют русский язык в работе, общении в социальных сетях, при просмотре телепередач и в прочих сферах жизни. В таких случаях они могут перенимать русские слова и использовать их без адаптации в якутском языке. Например, в речи жителей встречались следующие конструкции: «*лауреат первой степени*», «*пандемия*», «*бытовой*», «*начального класса*» и так далее. Большинство названий месяцев, дней недели также произносятся на русском языке.

Многие из применяемых в речи респондентов русизмов связаны с их профессиональной деятельностью или полученным образованием, а также широким распространением русского языка в образовательной, административной и производственной сферах в наслеге.

Интересным представляется адаптация слов, заимствованных из русского языка. Так, слово *һопкуоска* (букв. в колхозе), *һылабаар* (букв. словарь) адаптируются в языке согласно нормам якутского языка, но также подверглись фонетическим изменениям, присущим долганской фонетике, где начальная тюркская *с* изменена на *һ* [12].

Отметим, что большинство русизмов используются в образовательной сфере (*оскуола* (школа), *детсакка* (в детском саду), *учуутал* (учитель) *конперенсия* (конференция) и т. д.), что может быть связано с обучением на русском языке, наличием учебников и пособий на русском, приезжими учителями и педагогами, которые получили образование в русскоязычных регионах, а также отсутствием или слабо развитой терминологической базой на якутском языке, которая была бы применима для обучения детей в школе.

Русизмы применяются также в административной сфере: *спесиалист* (специалист), *администрациябыт* (администрация (поселка) букв. наша администрация), *көмпуүтэр* (букв. компьютер), относящиеся к этой области деятельности.

Русизмы также могут применяться в производственной сфере. Как уже говорилось ранее, на территории наслега осуществляет свою деятельность большое промышленное предприятие ОАО «Алмазы Анабара», привлекающее в качестве рабочей силы как местное население, так и рабочих из других регионов страны, зачастую русскоязычных. Однако для подтверждения данного предположения необходимо дополнение эмпирического материала путем дополнительного опроса населения, преимущественно мужского и занятого в производственной сфере.

Развитие и широкое распространение цифровых технологий увеличивают степень и скорость проникновения русского языка во все сферы жизнедеятельности общества через телевидение, сеть интернет, мессенджеры, использование смартфонов. Так, в речи респондентов был зафиксирован ряд слов, относящихся к современным технологиям: «*инстаграм*» (Instagram (социальная сеть)) «*ватсап*» (WhatsApp (мессенджер)), «*интэрниэт*» (интернет), «*телекартаҕа*» (на телекарте) и др. Применение этих слов и активная деятельность в социальных сетях свидетельствуют о том, что цифровизация оказывает значительное влияние на повседневную жизнь людей и вносит в словарный фонд анабарских долган новые слова, которые они применяют в повседневном общении.

Применение русизмов также может быть связано с утратой многих разрядов старой якутской лексики различного назначения (сельскохозяйственной, бытовой и т. д.) и ее заменой на другие варианты, а также отсутствием современной политической и научной терминологии. Например: *Ол моторканан муораҕа бэйэтигэр илимнээн кэлэбит* (букв. На моторке в море ставим сети (на рыбу)), *Главабытын кытта* (букв. с главой (поселка)).

Оленеводство, столь широко распространенное среди народов Севера, является одним из основных источников получения ресурсов, необходимых для выживания в суровых условиях. Этот факт послужил началом формирования или заимствования из других

Рис. Количество (%) измененных слов в словарном фонде анабарских долган
Fig. The number (%) of changed words in the vocabulary of Anabar Dolgans

языков довольно большого количества новых слов, которые облегчают ведение оленеводческого хозяйства. Так, например, в других исследованиях об анабарских долганах фиксируется большое количество названий внешних частей тела оленя (рога, степень ожирения и т. д.) [17], а также слова, связанные с названиями оленей, половозрастными характеристиками, повадками, заболеваниями и т. д. [15].

Анализ зафиксированного материала также позволил выявить в речи жителей заимствования из эвенкийского языка (6 единиц). Все заимствования относятся к оленеводческой терминологии и повторились в речи респондентов 26 раз. Респонденты в своей речи используют такие слова, как *тугут* (детеныш оленя), *тарабай* (новорожденный олень-самка, чуть больше детеныша), *абалахаан* (самец оленя), *эктээнэ* (подросшие олени).

Таким образом, в процентном соотношении количество слов, подвергшихся влиянию долганской лексики, составило 10,7%; слов, которые являются заимствованиями из русского языка, – 9,8% и 0,6% эвенкизмов, что в сумме дает 21,1% слов, которые подверглись влиянию других языков (рис.).

На территории наслега распространена ситуация, которую можно охарактеризовать как софункционирование языков в разных сферах общения и взаимодействия на фоне определенного уровня социального давления. Последнее приводит к тому, что индивидом в каждой отдельно взятой коммуникативной ситуации будет применяться тот язык, который, по его мнению, будет более соответствующим. Касательно района исследования это проявляется в различных сферах жизни:

1) образование. Учебники, пособия выпускаются на русском языке. В то же время сам процесс преподавания может идти гибридно с применением русского и якутского языков;

2) трудовая деятельность. Промышленные предприятия, осуществляющие деятельность на территории наслега и являющиеся одним из основных работодателей для населения, используют русский язык в качестве основного в административной и производственной сферах, при этом привлекая к работе как местное якутоязычное население, так и рабочих из других регионов страны;

3) культура и СМИ. Большинство книг, учебников и периодических изданий издается на русском языке. Большая часть теле- и радиопередач ведутся на русском языке (за некоторым исключением). На русском языке выпускается больше газет, журналов, телевизионных программ и других медиаресурсов, чем на якутском и других языках. Это определяет основной язык получения и усвоения информации;

4) быт. Несмотря на широкое распространение русского языка в образовательной, производственной, административной и социальной сферах, при общении внутри семьи респонденты часто применяют в основном якутский язык.

Заключение

В результате проведенного исследования лингвистических особенностей и сравнения этнической характеристики рассмотренного района, а также анализа спонтанной речи анабарских долган мы можем на эмпирическом материале предположить, что язык анабарских долган представлен языком, имеющим в своей основе слова якутского происхождения, подвергшихся влиянию русского и эвенкийского языков. Наблюдается большое количество заимствованной лексики, связанной с профессиональной деятельностью респондентов: образовательной, производственной и административной сферами, а также лексики хозяйственного назначения (оленоводство).

Изменения в речи жителей наслега проявляются в изменениях на лексическом и фонетическом уровнях. Основные изменения связаны с переходом начального тюркского *с-* в *h-*, утратой увулярных *х*, *б*, озвончением начального *к-*. Несмотря на высокую степень фонетических изменений, многие слова сохранили свое семантическое значение и тождественны словам в якутском языке. В то же время наблюдается довольно высокий уровень заимствований из русского языка и их применения без адаптации под правила якутского языка.

Тем не менее открытым остается вопрос, считать ли язык анабарских долган отдельным языком или диалектом якутского языка. Наличие в речи респондентов, жителей Юрюнг-Хаинского наслега Анабарского района, слов, отсутствующих в якутском языке, влияние долганской лексики и формирование новых на основе синтеза якутского, эвенкийского и русского языков в конечном итоге может привести к увеличению степени отдаления языка анабарских долган от якутского и формированию собственного. Однако здесь необходимо учитывать языковые процессы, происходящие в настоящее время в Якутии. Цифровизация и глобализация при отсутствии поддержки языков малочисленных народов Севера и продолжающееся увеличение влияния русского и якутского языков в различных сферах жизнедеятельности общества на рассматриваемой территории могут привести к остановке процесса формирования языка или обособления его в качестве отдельного диалекта.

Язык анабарских долган, являясь ярким примером языкового синтеза и культурного обмена северных народов, выступает несомненной ценностью с точки зрения лингвистики и культуры. Различные языковые процессы, протекающие в настоящее время в Юрюнг-Хаинском наслеге, создают уникальную ситуацию и требуют более подробного изучения языка на теоретическом и эмпирическом уровнях.

Л и т е р а т у р а

1. Вахтин, Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка : Учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия ; Европейский университет, 2004. – 336 с.
2. Бодуэн де Куртене, И. А. Языкознание / И. А. Бодуэн де Куртене // Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – С. 96 – 117.
3. Земская, Е. А. Разновидности городской устной речи : сборник научных трудов / ответственные редакторы Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – Москва : Наука. – 1988. – 259 с.
4. Гальскова, Н. Д. Теория и практика обучения иностранным языкам. Начальная школа : методическое пособие / Н. Д. Гальскова, З. Н. Никитенко. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 240 с.
5. Хухрева, В. Е. Живая речь как исходный пункт изучения языка / В. Е. Хухрева, А. А. Гаврилова // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и лингводидактических исследований : Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 17–18 апреля 2019 года / Ответственный редактор О. И. Кабалина. Том 2. – Москва : Московский государственный областной университет, 2019. – С. 396–400.
6. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О. Б. Сиротинина. – Москва : Просвещение, 1974. – 144 с.

7. Вишневская, Г. М. Соотношение паузации и пунктуации в чтении поэтического текста (к проблеме иноязычного акцента) / Г. М. Вишневская // Фонетика устного текста. – Иваново : Издательство ИвГУ, 1987. – 159 с.
8. Кожевникова, К. О смысловом строении спонтанной устной речи / К. О. Кожевникова // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. Вып. 15 : Современная зарубежная русистика. – С. 512–523.
9. Харченко, В. К. Живая разговорная речь как феномен национальной культуры / В. К. Харченко // Вестник ТГГПУ. – 2015. – № 2 (40).
10. Рычков, К. М. Енисейские тунгусы / К. М. Рычков // Землеведение. Кн. 1–2. – Москва, 1917.
11. Долгих, Б. О. Происхождение долган / Б. О. Долгих // Сибирский этнографический сборник. – Москва, 1963. – Вып. 5.
12. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука, 1985. – 216 с.
13. Надеяев, В. М. Графика и орфография долганского языка / В. М. Надеяев // Экспериментальная фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 3–50.
14. Петров, А. А. Долганский язык / А. А. Петров // Journal of Endangered Languages (JofEL), 2018. – 14 с.
15. Филиппова, В. В. Картина мира анабарских долган : отражение в диалектах и топонимии / В. В. Филиппова, О. А. Лавренова // Этнопсихоллингвистика. – 2020. – № 3.
16. Захарова, Н. Е. Содержание концепта «родной язык» в языковой картине мира современных долган хатанго-анабарского региона (социопсихоллингвистический аспект) / Н. Е. Захарова, А. Е. Захарова // Филология : Научные исследования. – 2022. – № 12.
17. Малышева, Н. В. Мотивационные признаки номинации животных в языке анабарских долган (по материалам Юрюнг-Хайнского диалектного словаря долганского языка) / Н. В. Малышева, В. С. Платонова, А. В. Тимофеева // Вестник СВФУ. – 2022. – № 3(89). – С. 86–98.
18. Malysheva N.V., Kysylbaikova M.I., Timofeeva A.V. (2022). The Functioning of the Anabar Dolgan Language and the Dialect Vocabulary of the Sakha Language, Sibirica, Vol. 21, no. 3
19. Анабарский регион Якутии в XX–в начале XXI веков : особенности этнокультурного ландшафта / В. В. Филиппова, Л. И. Винокурова, Я. М. Санникова [и др.]. // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 495–508.
20. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MZmdFJyl/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2021.xlsx (дата обращения: 5.05.2023).
21. Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). Муниципальное образование «Юрюнг-Хайнский национальный (долганский) наслег». – URL: <https://urunhaya.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 5.05.2023).

References

1. Vahtin, N.B. and Golovko, E.V. (2004). *Sociolinguistics and sociology of language: a textbook*. Saint Petersburg: Humanitarian academy, European university, 336 p.
2. Baudouin de Courtenay, J.N.I. (1963). *Linguistics, Selected Works on General Linguistics*. Moscow : USSR Academy of Sciences Publishing House, pp. 96 – 117.
3. Zemskaya, E.A. (1988). *Varieties of urban oral speech: a collection of scientific papers*. Moscow : Nauka, 259 p.
4. Galskova, N.D. and Nikitenko, Z.N. (2004). *Theory and practice of foreign language teaching. Elementary school: methodical manual*. Moscow: Airis-press. (In Russ.)
5. Huhreva, V.E. (2019). *Live speech as a starting point of language learning, Actual problems of theory and practice of psychological, psychological-pedagogical and linguodidactic research: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Moscow State Regional University, 2, pp. 396–400.

6. Sirotinina, O.B. (1974). *Modern colloquial speech and its features*. Moscow: Prosveshcheniye, 144 p.
7. Vishnevskaya, G.M. (1987). *Correlation of pausing and punctuation in reading a poetic text (to the problem of a foreign-language text)*. Ivanovo: IvSU, 159 p.
8. Kozhevnikova, K. (1985). *On the semantic structure of spontaneous oral speech, Vol. 15: Modern Foreign Russian Studies*. Moscow: Progress.
9. Harchenko, V.K. (2015). Living colloquial speech as a phenomenon of national culture. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University*, 2(40)
10. Rychkov, K.M. (1917). *Yenisei Tungus*. Moscow: *Earth science*, 1-2 ed.
11. Dolgih, B.O. (1963). *Origin of the Dolgans*. 5th ed. Moscow: Siberian ethnographic collection.
12. Ubryatova, E.I. (1985). *Language of the Norilsk Dolgans*. Novosibirsk: Nauka, 216 p.
13. Nadelyaev, V.M. (1982). *Graphics and orthography of the Dolgan language*. Novosibirsk, pp. 3-50.
14. Petrov, A.A. (2018). Dolgan language. *Journal of Endangered Languages*.
15. Filippova, V.V. and Lavrenova, O.A. (2020). *The worldview of the Anabar Dolgans: reflection in dialects and toponymy*. *Ethnopsycholinguistics*, 3
16. Zakharova, N.E. (2022). *The content of the concept "native language" in the linguistic picture of the world of modern Dolgans of the Khatango-Anabar region (sociopsycholinguistic aspect)*. *Philology: Scientific Research*, 12.
17. Malysheva, N.V., Platonova, V.S. and Timofeeva, A.V. (2022). Motivational signs of animal nomination in the language of Anabar Dolgans (based on the materials of the Yuryung-Khainsky dialect dictionary of the Dolgan language). Yakutsk: *Vestnik NEFU*, 3(89), pp. 86–98.
18. Malysheva, N.V., Kysylbaikova, M.I. and Timofeeva, A.V. (2022). The Functioning of the Anabar Dolgan Language and the Dialect Vocabulary of the Sakha Language. *Sibirica*, 21(3).
19. Filippova, V.V., Vinokurova, L.I., Sannikova, Ja.M., Zaharova, N.E. and Mestnikova, A.E. (2020). *Anabar Region of Yakutia in the XX - early XXI Centuries: Characteristics of the Local Cultural Landscape*. *Nauchnyi dialog*, 11. pp. 495-508. (In Russ.)
20. Official site of the Federal State Statistics Service, (2021). *"Number of permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2021"*, Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MZmdFJyI/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2021.xlsx [Accessed 5 May 2023]
21. Official Information Portal of the Republic of Sakha (Yakutia), (2023). *"Municipal formation 'Yuryung-Khainsky National (Dolgan) Rural Okrug'"* Available at: <https://urunhaya.sakha.gov.ru> [Accessed 5 May 2023]

ИВАНОВ Виталий Витальевич – аспирант 1-го года обучения, м. н. с. международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: viv.ivanov@s-vfu.ru

IVANOV Vitaly Vitalyevich – 1st year Postgraduate Student, Junior Researcher of the International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., в. н. с. МНИЛ «Лингвистическая экология Арктики», СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Символика небесных светил в поэтическом тексте А. Ахматовой: лунарная символика

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова ✉, О. Н. Матвеева

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия
✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются основные функции символизма луны в поэзии А. Ахматовой при помощи комплексного описания прямых и вторичных (месяц, лунный луч) наименований небесных светил с позиций функционального своеобразия «космизма», существовавшего в эпоху Серебряного века. Выделяются главные семантические группы с учетом культурологической и индивидуально-авторской специфики, выявляется специфика прямых («луна», «месяц») и семантически связанных («ночное светило», «лунный луч») образов небесного тела, воспроизводится индивидуально-авторская концепция «психологического пейзажа», выступающего в качестве ретранслятора эмоций лирического героя. Обосновываются образы небесных светил как сугубо важной составляющей национальной картины мира, а также системы нравственных и поэтических установок. Номинация небесных тел трактуется как взаимосвязь традиционного и поэтического восприятия мироощущения, реализуемого в творчестве Анны Ахматовой, представителя акмеизма. Вводится гипотеза о том, что солярно-лунарные образы – это неотъемлемая часть поэзии А. Ахматовой, важный элемент «психологического пейзажа», метафорического осмысления исторического контекста. В то же время именно образ «луны» считается как смысловое и семантическое единство по нескольким тематическим группам и представленное широким спектром лексических единиц. Проводится сравнительный анализ сходных и противоположных аспектов, определяется влияние формы (полумесяц, диск) и цвета (зеленый, розовый, серебряный) ночного светила на интерпретацию мифопоэтических представлений, обосновываются индивидуально-авторские концепции в трактовке негативного лунного пространства, взаимосвязи реального и потустороннего мира, актуализируется представление о призрачности и иллюзорности происходящего в ночное время. Выделяются индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой как апокалиптического символа мистического, потустороннего начала. Приводится статистика упоминаний концепта «луна» в поэтическом тексте. Презентуются частные значения концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой, в том числе в качестве фонового пейзажа и символа творчества. Говорится о плодотворности дальнейших наблюдений за интерпретацией небесных светил и иных космических объектов в творчестве А. Ахматовой в аспекте построения художественной модели.

Ключевые слова: эмблема, луна, мифология, поэзия А. Ахматовой, символика, лексика, образные средства, картина мира, лунарные образы, психологический пейзаж.

Для цитирования: Папшева Г. О., Голубцова Н. В., Матвеева О. Н. Символика небесных светил в поэтическом тексте А. Ахматовой: лунарная символика. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 94–103. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Symbolism of celestial bodies in the poetic text of Anna Akhmatova: moon symbols

G. O. Papsheva, N. V. Golubtsova ✉, O. N. Matveeva

N.N. Burdenko Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia,

✉ nadia.golubtsova@yandex.ru

Abstract. The article reveals the main functions of the symbolism of the moon in the poetry of A. Akhmatova by means of a complex description of direct and secondary (month, moonbeam) names of celestial bodies from the standpoint of functional originality of "cosmism" that existed in the era of Silver Age. The main semantic groups are singled out taking into account cultural and individual-author specificity, the specificity of direct ("moon", "month") and semantically related ("night light", "moon ray") construct of the celestial body are revealed, the individual-author concept of "psychological landscape" acting as a relay of emotions of the lyrical hero is reproduced. The images of celestial luminaries as a purely important component of the national picture of the world, as well as the system of moral and poetic attitudes are substantiating. The nomination of celestial bodies interpret as an interrelation of traditional and poetic perception of the worldview, realised in the works of Anna Akhmatova, a representative of Acmeism. The hypothesis introduces that solar-lunar images are an integral part of Anna Akhmatova's poetry, an important element of "psychology". Akhmatova, an important element of "psychological landscape", metaphorical comprehension of the historical context. Meanwhile, the image of "moon" that is read as a conceptual and semantic unity in several thematic groups and represented by a wide range of lexical units. A comparative analysis of similar and opposite aspects is carried out, the influence of the shape (crescent, disk) and color (green, pink, silver) of the night luminary on the interpretation of mythopoetic representations is determined, individual author's concepts in the interpretation of the negative lunar space, the interrelation of the real and otherworld are substantiated, the idea of ghostliness and illusory nature of what happens at night is actualised. The poetry of Anna Akhmatova distinguishes individual mythopoetic interpretations of the "moon" as an apocalyptic symbol of the mystical otherworldly nature. The statistics of references to the concept "moon" in the poetic text is given. Akhmatova's poetry explores the personal meanings of the concept 'moon', which include it as a background landscape and a symbol of creativity. It says about the fruitfulness of further observations on the interpretation of celestial luminaries and other cosmic objects in Anna Akhmatova's work in the aspect of building an artistic model.

Keywords: emblem, moon, mythology, poetry of Anna Akhmatova, symbolism, vocabulary, figurative means, picture of the world, lunar constructs, psychological landscape.

For citation: Papsheva G. O., Golubtsova N. V., Matveeva O. N. Symbolism of celestial bodies in the poetic text of Anna Akhmatova: moon symbols. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 94–103. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-94-103

Введение

Образ неба становится важным в любой национальной картине мира, системе нравственных и поэтических установок. Номинация небесных тел как взаимосвязь традиционного и поэтического восприятия мироощущения [1, с. 62] пронизывает все творчество Анны Ахматовой, поэта-акмеиста, тонкого лирика и мастера поэтических метафор. Солярно-лунарные образы – это неотъемлемая часть поэзии А. Ахматовой, важный элемент «психологического пейзажа», метафора или способ ввести исторический контекст [2, с. 65].

Образ «луны» в творчестве А. Ахматовой представлен широким спектром единиц с единством семантического поля, структурных отношений и сравнительно легко образует тематические группы по значению. В этом заключается актуальность данного

исследования, ставящего целью проявить специфику изображения небесных светил в творчестве А. Ахматовой.

В качестве основной проблемы исследования в определении границ и параметров модели предлагается описание художественного пространства текста, существующего во временных и типологических аспектах символики солярного пейзажа.

Цель исследования состоит в анализе прямых и вторичных (месяц, лунный луч) наименований с позиций структуры, семантики и функциональности в поэтических текстах А. Ахматовой как часть концепции «космизма».

Цель анализа предполагает следующие задачи:

- 1) воссоздать тематические группы, интерпретирующие образ «луны» в текстах А. Ахматовой согласно культурологической и индивидуально-авторской специфике;
- 2) актуализировать прямые («луна», «месяц») и связанные по смыслу («ночное светило», «лунный луч») образы небесных светил;
- 3) реконструировать авторскую модель как часть значимой для творчества поэта концепции «психологического пейзажа», служащего ретранслятором эмоционального напряжения и эволюции внутреннего мира лирического героя;
- 4) выделить индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой как апокалиптического символа; как мистического, иллюзорного начала; уточнить особую значимость формы (серб, диск, осколок) и цвета (желтый, зеленый, бледный, розовый) ночного светила в поэтическом тексте;
- 5) актуализировать частные значения концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой, в том числе в качестве фонового пейзажа и символа творчества.

В работе используются следующие методы: описательно-классификационный метод, представленный такими приемами, как сбор и рассмотрение, сопоставление, обработка, систематизация и интерпретация материала; метод структурно-семантический; когнитивный, включающий концептуальный анализ для выявления признаков концептов, их классификации и интерпретации, классификацию языковых репрезентантов концептов, лингвокультурологический анализ лексических единиц языков, статистический анализ частотности употребления.

Материал исследования составляют лексические единицы со значением космических тел (68 наименований «луны»), представленные в поэзии А. Ахматовой.

Семантическая специфика солярного (солнечного) пейзажа

Предваряя собственно анализ, отметим, что лунарный (лунный) пейзаж обычно противопоставлен солярному (солнечному) пейзажу, то есть выявленная взаимосвязь существует в координатах «притяжения-отталкивания», что в свою очередь выразилось в представлении о семейных узах между солнцем и луной (например, Египет: близнецы Тефнут (луна) и ее сестра Шу (солнце); Рим: брат и сестра Гелиос (солнце) и Селена (луна) [3, с. 123].

В то же время фольклорные лунарные образы («месяц светлый», «месяц ясный», «луна-девица», «луна-печальница», «луна-купальница») могут вступать в полемику с индивидуально-авторскими особенностями мировосприятия поэта, в результате чего в текстах нельзя не отметить амбивалентность трактовки небесных светил в целом и в творчестве поэта в частности [4, с. 81].

В соответствии с общепринятым представлением луна играет в творчестве А. Ахматовой достаточно значимую роль, отчасти продолжая сходную интерпретацию символики «солнца» в творчестве Н. С. Гумилева [5, с. 99] («луна» как часть «психологического пейзажа», эволюции любовного чувства, мистического начала), вступая в спор с традиционной трактовкой дневного светила, выступающего как источник отраженного света для луны, что, в свою очередь, позволяет говорить о проекциях дневных «солнечных» событий в ночное время [6, с. 82]. В количественном плане упоминание луны в различных словоформах составляет более 40 % от анализируемого контента, при этом «солнце» на практике обладает более широким спектром синонимических понятий («заря», «восход»,

«рассвет», «закат»), в то время как «луна» дает редуцированный круг словоформ [7]. Собственно говоря, в поле исследования оказались два наиболее употребительных концепта: «луна» (и формально близкие «полнолуние», «новолуние», «лунный луч») – около 74 %, «месяц» – 26 %.

Однако, принимая во внимание всю полноту символики, традиционно приписываемую лунному пейзажу, нельзя не отметить его разнообразие. В мифологии луна играет очень неоднозначную роль, с одной стороны, ночное светило трактуется как владычица ночи, «солнце мертвых», покровительница колдовства и темных сил, а с другой стороны, как материнское начало, продолжение рода [8]. Эту двойственность можно увидеть в одно-временном сосуществовании различных ипостасей Луны: Селены (женственность), Артемиды (девственная природа, непорочность), Гекаты (тьма и призраки, иллюзия, обман) [5].

Дополним ряд образов связью Луны и мира грез, столь привлекательного для поэтов и писателей, а также астрономической способностью прибывать, убывать и исчезать, что в свою очередь вызвало цепочку рассуждений о рождении и смерти [2].

Апофатические функции «психологического пейзажа»

Наиболее востребованным среди функционала «психологического пейзажа» в лирике А. Ахматовой оказывается тема грядущего Апокалипсиса, тревожного предчувствия, иносказательное описание смерти. Подобные конструкции составляют около 34 % анализируемого материала.

В сопряжении традиций «психологического пейзажа» и роли «луны» как предвестницы бедствий находит отражение восприятие луны как ретранслятора негативных эмоций, «солнца мертвых» [9].

Диапазон эмоций варьируется от легкой меланхолии, обрамленной раздумьями о будущем, часом «горьких суток» [10, с. 211] до зловещих и вводящих в трепет картин. В неверном свете луны лирическая героиня чувствует смертный зов земли и готова стать ею [11], она пылливо вопрошает, что произошло в заброшенном доме: умер ли хозяин, утонул ребенок [11, с. 142]. Сходно по тону и настроению стихотворение «Ответ», где полутьму новолуния и психологического давления рассеивает скупой свет свечей [10, с. 155]. Этот меланхолический текст кажется милосердной паузой в высоком эмоциональном напряжении, царящем в полном тревоги мире.

Сугубую роль в данной группе играют форма и цвет обозначенного ночного светила. А. Ахматова достигает большой виртуозности в обыгрывании вещных характеристик «луны», это касается и собственно словоформы «луна», и слова-заменителя «месяц». Луна – «обломок перламутра» [12, с. 234], «месяц двурогий», «месяц-лезвие», «лунный лук» – подобные образы сопровождают картины уныния и упадка, унылые пейзажи, где никогда не наступит утро, где тревожно стучат по дороге копыта, вторя биению еще теплого сердца, где бродит загадочный одноногий старик – предвестник беды, пророк последних времен. В подобных конструкциях часто встречается олицетворение: месяц, то умирающий, то едва живой, скучающий, освещает стол с лишним прибором для усопшего, фонари похожи на виселицы, часовой провожает взглядом неверную жену, бредущую домой. Можно отметить, что «месяц» используется преимущественно как подчеркнуто мужское, карающее начало. Оппозиция «мужской-женский» в мифологической традиции присутствует в некоторых сказаниях азиатского востока, где божество луны трактуется как мужское [13]. Более того, серповидная фаза ночного светила в лирике А. Ахматовой подчеркнуто активна, субъектна, обрамлена глаголами: месяц «рассек грозную завесу», «бросил лезвие», «бросил тусклый взор», «входит в дом», в то время как луна «покоится», «остановилась», «плещется».

Этот сумрачный, лишенный надежды мир окрашен в белые (бледные), зеленые, желтые тона. Хоровод надмогильных кипарисов в зеленой мути луны, пугающий силуэт незнакомца в окне, город, застывший в ядовитом растворе – длинная вереница образов, символизирующих распад и увядание. Желтый цвет связан с болезнью – с желтым

рогатым месяцем в дом входит одиночество и тяжкий недуг, не физического, но духовного характера: «муж в могиле, сын в тюрьме» [11, с. 351]. Наконец, яркий цветовой контраст воссоздан в стихотворении «Белая ночь»: белое, страшное небо и гранитно-угольная земля освещены иссохшей блеклой луной [12, с. 249].

Отдельно следует упомянуть конструкции, где образ «луны» соотносится с рукотворными предметами, продолжая декларируемую акмеизмом концепцию «вещности», сугубой значимости вещи. Так, месяц дарит героине кольцо («сковал мне месяца луч золотой»), что защищает от беды [11, с. 280], подобно маятнику над Парижем ходит луна, в узком луче блестит топор палача.

В ряде примеров появляются и выразительные исторические образы то как упоминание («Россия Достоевского», «По той дороге, где Донской»), то как иллюстрация исторической картины («Стрелецкая луна. Замоскворечье»). Но и эти исторические параллели пропитаны духом тоски и отчаянья: героиня готовится встретить «судьбы своей девятый вал» [11, с. 231], но, как в страшном сне, никто не слышит, не приходит на помощь.

Выводы по разделу

Таким образом, можно выделить сугубый интерес к ночному светилу как к воплощению гнетущего, зловещего начала, смысловую дифференциацию разных фаз: «луна» и «месяц» существенно отличаются по принципу активности/пассивности действия, цветовым характеристикам, взаимодействию с рукотворными предметами. Присутствуют также исторические параллели и сравнительные конструкции.

Взаимопроникновение миров как функция «психологического пейзажа»

Вымороченному миру смерти созвучен призрачный мир, полный духов, отражений, зеркал. Эмоциональный фон здесь смягчен, отчаянье и зловещая тишина сменяются грустью, шепотом, мыслями о минувшем. Именно здесь появляется образ лунатика, медленно бредущего сквозь пространство. Ахматова употребляет практически идентичные формы «лунатически ступаю» – «лунатически ступая», хотя стихотворения позднего периода творчества разделяет почти пять лет. В первом случае лирическая героиня в духовной биографии аттестует саму себя как сон, бред, зеркальный силуэт. В двестишестидесятых г. атрибуции места или времени действия нет, есть ощущение призрачности, опасного баланса: «по самому краю ступаю» [12, с. 73].

Подвергнутые количественному анализу примеры составляют почти 25 % и подлежат дифференциации на несколько подгрупп в соответствии с нюансами смысла. Мистический элемент выражен в описании обрядов, примет, ритуала общения с потусторонним миром. Это достаточно логично для семантического поля «луны» – воплощать иллюзорность потустороннего мира, точно так же как мистицизму луны противопоставляется солярная символика божественного начала [5].

В отличие от предыдущей группы данные примеры не несут зловещей окраски, это поэтическое свидетельство истончения границ между мирами в ночную пору. Таинственно подмигивает лик на луне, шепчут колодцы-арыки, в новолуние является тень колдуньи, да и сама героиня не прочь «волховать под зеленой луной» [12, с. 182]. Черты сказочной ведьмы-чаровницы прослеживаются и в образе вполне реальной женщины, подруги А. Ахматовой – А. Глебовой-Судейкиной. Пытливый взгляд поэта замечает и светлые лунные глаза, и бледный лоб, и влекущую улыбку, и способности мифической сивиллы («пророчишь, горькая») [11, с. 162].

В целом обрядовая народная сторона верований в поэзии А. Ахматовой достаточно сильна: хороводы вокруг священного костра в свете луны [11, с. 258], месяц, увиденный через правое плечо, служит заменой счастливой подковы [11, с. 107], и «ингредиенты» для обряда: вода в чашке, восковая свеча, «луна ломтем чарджуйской дыни» – подобраны хотя и наивно, но искренне [11, с. 214].

Причина «интереса» к обрядовой поэтике очевидна: это попытка установить связь с потусторонним миром. А он проявляет себя достаточно активно. Вереница призраков

скользит в неверном лунном свете: друг Сандрильоны; мертвый муж, читающий старые письма; загадочный незнакомец, шепчущий из лесной темноты; прозрачный силуэт на пороге, сквозь который видны лунные лучи и пыльная дорога. Луна сравнивается с печатью ночи, закрывающей двери в иной мир [10, с. 339], и в фазы новолуния печать эта может быть сорвана, усопшие посещают мир живых, как умерший друг канатной плясуньи преодолевает границу миров именно в новолуние. Столь же важен и перелом времен, новогодняя ночь, именно тогда оживает, шепчет, плачет, причитает загадочный профиль на белой стене дома [11, с. 199].

Собственно, призраков людей сменяют призраки и тени минувших эпох, «дымные исчадия полнолуний»: Саломея, несущая на блюде голову Крестителя, богиня Афродита, танцующая под луной в лиловом тумане, маркизы и графы, скользящие меж деревьев парка в маскарадной кадрили. Среди образов является даже лермонтовский Демон, но уже побежденный стойкостью девы и униженно молящий о снисхождении [4, с. 70].

Выводы по разделу

Таким образом, данная группа семантически продолжает концепт «луны» как «солнца мира», но тонально и эмоционально отличается от нее. Тема призрачности бытия в лунном свете несет значительно меньше негативных эмоций, обитатели потустороннего мира не несут угрозы, они охотно переступают границы между миром живых, советуют, наставляют. Здесь появляется образ лунатика, бредущего сквозь пространство, колдуньи, преодолевшей границы миров, обрядовой поэзии и ритуальной стилистики (свечи, вода, камни-обелиски).

Эволюция любовного чувства в «психологическом пейзаже»

Следующая группа, также развивающая и распространяющая концепцию «психологического пейзажа», посвящена эволюции и развитию любовного чувства. Интонационно и эмоционально эта группа противопоставлена предыдущим, освещающим тему смерти, страдания, свидания с потусторонним миром [14]. Количественно данная группа практически равна предыдущим и составляет 22% от общего числа проанализированного материала, однако сравнительно с солярной символикой существенно беднее по количеству и наполнению. Отчасти это связано с второстепенной ролью луны как источника отраженного света [4].

Пробуждающееся чувство предстает как священное, очищенное от сиюминутных страстей, это свидание с вечностью, чистая песнь любви, неоцененный клад, вход в великое святилище. При этом сцены, наполненные описанием телесной, физической любви вполне органично соседствуют с невинным трепетом первого поцелуя. Ночь и ее светило снисходительны к человеческим слабостям, они прощают любой грех, особенно совершенный под влиянием любовного трепета в груди. Ночь приносит дары, недоступные дню: можно заснуть огорченной – и проснуться влюбленной [11]. В сущности, мотив физического единения эволюционирует от вполне невинных поцелуев – и преодоления внутренних и внешних запретов («я твоих <...> губ никогда ...не коснулся», «у вас заведено с кем попало целоваться под луной» [10, с. 57; 53] до вполне откровенных сцен, где героиня обещает ночью «одарить небывалыми дарами», пропускает сквозь пальцы «лен светлых волос» возлюбленного, радуется повторению то самой, первой «алмазной» ночи [11, с. 244; 13, 185].

В данной группе встречается несколько устойчивых образов: птица, вино, вода. Летящая в лунном луче птица символизирует тайную тоску и ожидание, само чувство сравнивается с верностью лебединой пары. В обоих случаях образ птицы с кинематографической изощренностью связан с водой: птица в лунном луче кружит над морским берегом, лебедь выступает и как символическая эмблема луны, и как скользящий над водой белый призрак. Тема воды (и вина) логически продолжает традиционную лунарную систему образов, однако данный концепт существенно осложнен дополнительными смыслами. Обещание пить из одного стакана воду и сладкое вино возводится к одному из важных моментов обряда венчания, когда жених и невеста разделяют на двоих символическую чашу. Возможны также аллюзии к религиозному обряду причастия. Характерно, что любовь

объединяет изначально полярные по существу характеры: мужчина «дышит солнцем», а лирическая героиня – «луной» [11, с. 41]. Чаша возникает и еще раз, но уже как символ разделенных страданий, пройденного пути, где за право «присниться друг другу» и «войти в круг лунного света» заплачено честью и кровью [11, с. 326], что, в свою очередь, отправляет к евангельскому отрывку, повествующему о событиях перед Распятием в Гефсиманском саду, о «Чаше страданий» и предательстве Иуды Искарриота. Наконец, вино может служить и символом невинного легкого флирта с «озорным мальчишкой» [11, с. 53].

Следует уделить внимание и столь значимым у А. Ахматовой цветовым и вещным характеристикам. В группе, посвященной эволюции любовного чувства, практически не встречается «месяц», ночь позиционируется как женственное, лирическое начало. Те немногие примеры, где появляется «месяц», привносят ощущение грядущей разлуки, месяц в соответствии с формой воспринимается как нож, серп, отсекающий лишнее. В одном случае, месяц выплывает подобно «алмазной фелукой над встречей-разлукой» [11, с. 249], в другом – месяц подобен финскому зазубренному ножу, символической судьбе, разделяющей влюбленных, которым остается только память о последней «невстрече» [11, с. 233].

К данной фазе луны относятся и нечасто встречающиеся примеры цветовой характеристики: месяц розовый, либо в окружении серых облаков. И в том, и в другом случае нарастание негатива в отношениях сохраняется: ожидание у окна кажется постылым, свидания томительными, в цветнике под клубящимися тучами отцветают последние осенние розы. Семантический ряд, связанный с месяцем как эмблемой грядущей разлуки, сохраняется и развивается и в данной группе.

Выводы по разделу

Таким образом, в группе, отслеживающей эволюцию любовного чувства на фоне лунного пейзажа, собственно «луне» «доверены» позитивные моменты возникновения и развития близости, иногда сугубо телесной, «месяцу» – негативные, навевающие мотивы разлуки и расставания. Тем самым подчеркивается гендерная принадлежность словоформ: пейзаж «луны» всегда женственен и лиричен, мир «месяца» жесток и безжалостен к возлюбленным. Возникают также устойчивые образы птицы, воды, вина. В двух последних прослеживается тенденция к воспроизведению религиозных обрядов венчания, причастия, библейский символизм Чаши страданий.

Частные случаи интерпретации лунного пейзажа

Значительно менее «популярным» следует признать использование лунного пейзажа в качестве фонового, без дополнительной психологической составляющей (около 15% об общего числа упоминаний). Отметим, что практически во всех примерах ночное светило выступает в тандеме с другими характерными деталями, оно не самоценно, а реализуется во взаимодействии с деталями ландшафта. Чаще всего это деревья, сельский пейзаж, реже – городская парковая зона: осенние сосны, цветущая черешня, трепещущая осина, еловые лапы в мирном спокойном свете луны или месяца. Иногда встречается вода или иная жидкость: осколок месяца в голубом канале, луна в чаше вина. Наиболее яркий образ создается в стихотворении «Отрывок», относящемся к позднему периоду творчества: «сожженный луной» тополек тянет к небу «распятые руки», и этот интересный графический набросок примечателен тем, что он выступает как составная часть вполне прозаического сельского пейзажа – пашни, лужи, гуси [12, с. 40]. Характерно, что астрономическая фаза луны и связанные с ней визуальные образы сугубой роли не играют, «месяц» и «луна» используются во вполне равнозначных конструкциях. Цветовые эпитеты не играют роли дополнительной характеристики, а служат для создания интересного колоративного эффекта: рыжий месяц на синем небе [11, с. 53], отражение серебряной луны в чашках кофе и черного вина [11, с. 212]. В одном из примеров можно наблюдать прием персонификации луны из «перламутра, стекла и агата», шествующей по небу под «Лунную сонату» [11, с. 212].

Предваряя общий анализ, упомянем частный случай использования лунного пейзажа, в количественном отношении не преодолевший десятипроцентного рубежа. Это тема творчества (6%), в которой наиболее ярко проявляются биографические черты

поэта, упоминаются реальные произведения искусства, фамилии современников. Это «вдохновенный Врубель», чертящий профиль лунным лучом [11, с. 219], утаенные строки Лермонтова, стихи собрата по «цеху» – Владимира Нарбута, прочитанные под «черниговской луной» [11, с. 197]. Наконец, в одной из конструкций с лунным пейзажем поэт выступает в роли пророка, повествующего о собственной посмертной судьбе: «и ахматовской звать не будут ни улицу, ни строку» [11, с. 310]. Характерно, что упоминаемый в данной конструкции месяц награжден эпитетом «лукавый», он становится молчаливым соглядатаем того, как лирическая героиня разменивает посмертную славу на сиюминутные интересы [15]. Подобная роль месяца, в свою очередь, продолжает традицию негативной трактовки этой фазы луны в целом.

Выводы по разделу

Таким образом, пейзаж как фоновый элемент для повествования или описания, не выполняя функции дополнительной психологической характеристики, тем не менее создает глубокий и яркий фон для взаимодействия лирического героя с окружающей обстановкой, отображения его чувств, мыслей, воспоминаний. Тема творчества применительно к лунарному пейзажу, хотя и не получает большого развития в лирике А. Ахматовой, помогает ввести в ткань поэтического текста биографический и исторический контекст, позволяет воссоздать ощущение духовного братства поэтов.

Заключение

Итак, образ луны по большей части способен передавать эмоциональный и созерцательный опыт лирического героя, что, в свою очередь, подчеркивает индивидуально-авторскую трактовку окружающего пространства, обусловленную мировоззренческими взглядами А. Ахматовой.

Согласно выделенным задачам, сформулируем ряд тезисов:

1. Среди наиболее востребованных тематических групп, обслуживающих функционал лунарного пейзажа в поэтических текстах А. Ахматовой с учетом частотности употребления следует выделить функцию негативного предзнаменования и скрытой угрозы (апофатическую), существование и взаимодействие двух параллельных миров – реального и потустороннего, эволюцию любовного чувства.

2. Среди двух основных словоформ, описывающих ночное светило («луна» и «месяц»), несомненно, следует дифференцировать функции и семантику двух фазовых разновидностей лунарного пейзажа. В концепте «луны» подразумевается женское начало, в «месяце» – мужское. «Месяц» чаще выступает носителем негативных коннотаций, его специфическая форма обыгрывается как нож, серп, зазубренный осколок, рассекающий ткань мироздания. «Лунный луч» по своему функционалу может выступать и в той, и в иной роли в зависимости от контекста, знаменательно, что именно «луч» благодаря своей форме связан с образом творчества, как метафорический инструмент рисования или письма.

3. Основным средством реализации функций лунарного пейзажа становится концепция «психологического пейзажа», опосредованно передающего чувства и эмоции лирических персонажей, философские размышления автора, служащего фоном для развития сюжета, реализуемого в рамках концепции «космизма», взаимосвязи окружающего мира и внутреннего «я» субъекта.

4. Характеризуя индивидуальные мифопоэтические трактовки «луны» в творчестве А. Ахматовой, нельзя не отметить преимущественно негативное, недружественное отношение подлунного мира к лирическому герою. Лунарный пейзаж трактуется как тревожное, иллюзорное, мистическое, полное темных предзнаменований пространство. Особую роль играет форма (серп, диск, осколок) и цвет ночного светила (желтый, зеленый, бледный, розовый).

5. Среди частных значений концепта «луна» в творчестве А. Ахматовой следует выделить фоновое использование лунарного пейзажа, где основное значение уделяется не психологической нюансировке смыслов, а цветовому и световому оформлению пространства поэтического текста. Также можно выделить тему творчества, в которой находят отражения факты биографии поэта, реальные имена современников или

духовных наставников (Лермонтов, Пушкин), разделенные временем и пространством, но объединенные чувством общности мыслей и устремлений.

Таким образом, познание окружающего мира через призму художественных образов Луны и Солнца становится ярким отражением как народных традиций, так и индивидуально-авторского сотворения художественного пространства.

Образ лунного пейзажа в лирике А. Ахматовой предстает знаком и символом состояний человеческой эмоциональной сферы: дерзания, упорства, печали, иллюзорности окружающего мира. Жизнь, которую знаменует собой солнце, противопоставлена мрачному безвременью луны, вечному движению от надежды к отчаянью, от отчаянья к надежде. Ночь не становится вместилищем спокойствия и тишины, она полна яростной и яркой жизни, полной призраков, колдовства, взлетов и падений любовного чувства, и познание этого исполненного великой тайны пространства становится целью и смыслом поэзии.

Л и т е р а т у р а

1. Джаубатырова, Т. И. Символическое значение образа Луны в произведениях русской классической литературы / Т. И. Джаубатырова // Лучшая научная статья 2021 : сборник статей IX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 64–67.
2. Бурдина, С. В. Гумилевские подтексты в поэмах А. Ахматовой / С. В. Бурдина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 79–87.
3. Турскова, Т. А. Новый справочник символов и знаков / Т. А. Турскова. – Москва : Рипол-Классик, 2003. – 798 с.
4. Сапелкин, А. А. Образ Луны в романтической поэзии : две тенденции в рамках одного жанра / А. А. Сапелкин // Вестник Пермского университета : Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2(22). – С. 103–110.
5. Полная энциклопедия символов / Составитель : В. М. Рошаль. – Москва : АСТ, 2018. – 704 с.
6. Пчелов, Е. В. Солнце и Луна в бестиарной символике русской культуры / Е. В. Пчелов // Бестиарий антитез : Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Бестиарий Антитез», Москва, 19–20 января 2018 года. – Москва : Аквариус, 2019. – С. 80–85.
7. Чжу Чжисюе. Лексические и фразеологические репрезентации концептов небесных светил в художественной картине мира романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Чжу Чжисюе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – № 7 (204) – 2019. – С. 63–71.
8. Пасько, Ю. В. Поэт «Под небом и над землей» : небо как пространство мифа в поэзии Марины Цветаевой / Ю. В. Пасько // Вестник Томского государственного педагогического университета. – №11 (188) – 2017. – С. 161–169.
9. Папшева, Г. О. Символика небесных светил в поэтическом тексте Н. С. Гумилева : солярная символика / Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, О. Н. Матвеева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2022. – № 3 (89). – С. 99–110.
10. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 1. Стихотворения (1904–1941) / составитель Н. В. Королева. – Москва : Эллис Лак, 1998. – 968 с.
11. Ахматова А. Бег времени : избранные произведения / А. Ахматова. – Санкт-Петербург : Азбука, 2018. – 384 с.
12. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6-ти т. Т. 2. Кн. 2 Стихотворения (1959–1966) / составитель Н. В. Королева. – Москва : Эллис Лак, 1999. – 528 с.
13. Хайруллин, Р. З. Мифологизм астральных образов солнца и луны в современной татарской литературе / Р. З. Хайруллин, Р. Х. Шаряфетдинов // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 113–120.
14. Станиславская, С. А. Антитеза как структурно-семантический принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Анны Ахматовой) / С. А. Станиславская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 166–170.
15. Радомская, Т. И. Образ света : поэтика древнерусской книжности в художественных текстах русской литературы постреволюционных десятилетий (М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова, Б. Пастернак) / Т. И. Радомская // Вестник славянских культур. – 2021. – Т. 62. – С. 174–183.

References

1. Jaubatyrova, T.I. (2021). *The symbolic meaning of the image of the Moon in the works of Russian classical literature*. Penza: The best scientific article 2021: collection of articles of the IX International Research Competition, 30, pp. 64-67.
2. Burdina, S.V. (2018). Gumilyov's subtexts in the poems of A. Akhmatova. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 10(1), pp. 79-87.
3. Turskova, T.A. (2003). *The new handbook of symbols and signs*. Moscow: Ripol-Classic.
4. Sapelkin, A.A. (2013). The image of the Moon in romantic poetry: two trends within one genre. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, (2), pp. 103-110.
5. Roshal, V.M. (ed.) (2018). *The Complete Encyclopedia of Symbols*, Moscow: AST.
6. Pchelov, E.V. (2019). *The Sun and the Moon in the bestial symbolism of Russian culture, Bestiary of Antithesis: A collection of articles based on the materials of the international scientific conference "Bestiary of Antithesis"*. Moscow, pp. 80-85.
7. Zhu Zhixue (2019). Lexical and phraseological representations of the concepts of heavenly bodies in the artistic picture of the world of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 7 (204), pp. 63-71.
8. Pasko, Yu.V. (2017). The poet "Under the sky and above the earth": the sky as a space of myth in the poetry of Marina Tsvetaeva. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 11(188), pp. 161-169.
9. Papsheva, G.O., Golubtsova, N.V. and Matveeva, O.N. (2022). The symbolism of the heavenly bodies in the poetic text of N. S. Gumilyov: solar symbolism. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*, 3(89), pp. 99-110.
10. Akhmatova, A. (1998). *Collected works: in 6 volumes. Vol. 1. Poems (1904-1941)*. Moscow: Ellis Luck.
11. Akhmatova, A. (2018). *Running of time: selected works*. Saint Petersburg: Azbuka.
12. Akhmatova, A. (1999). *Collected works: in 6 volumes. Vol. 2. Poems (1959-1966)*. Moscow: Ellis Luck.
13. Khairullin, R.Z. and Sharyafetdinov, R.H. (2018). Mythologism of astral images of the sun and moon in modern Tatar literature. *Bulletin of the Mari State University*, 16(1), pp. 113-120.
14. Stanislavskaya, S.A. (2021). Antithesis as a structural and semantic principle of the organization of a poetic text (based on the poetry of Anna Akhmatova). *News of Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism*, 21(2), pp. 166-170.
15. Radomskaya, T.I. (2021). The Image of Light: the poetics of Ancient Russian literature in the artistic texts of Russian literature of the post-revolutionary decades (M. Tsvetaeva, O. Mandelstam, A. Akhmatova, B. Pasternak). *Bulletin of Slavic Cultures*, 62, pp.174-183.

ПАПШЕВА Галина Олеговна – к. филол. н., преп. каф. русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

PAPSHEVA Galina Olegovna – Candidate of Philological Sciences, Lecturer of Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.

ГОЛУБЦОВА Надежда Васильевна – преп. кафедры русского языка, «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

GOLUBTSOVA Nadezhda Vasilyevna – Lecturer of the Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна – преп. каф. русского языка, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко.

E-mail: kashkolga@yandex.ru

MATVEEVA Olga Nikolaevna – Lecturer of the Russian Language Department N.N. Burdenko Voronezh State Medical University.

УДК 811.1/8

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-104-116

Нормативно-регистрирующие функции словаря топонимов

Н. Ю. Печетова ✉, *Т. М. Никаева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ pechetovan@mail.ru

Аннотация. Отсутствие стабильности и единообразия в оформлении топонимов Республики Саха (Якутия) при их употреблении в официальном и бытовом общении является серьезной социальной проблемой. Номинативная функция географических названий напрямую связана с их стабильной орфографией. Но в официальных документах и справочниках (включая государственный реестр), в которых должны быть зафиксированы эталонные варианты написания географических объектов, наблюдаются непоследовательность и противоречивость, а также значительные разночтения в оформлении топонимов. Это множит ошибки во всех сферах, где используется данная лексика. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике нормализация в сфере имен собственных, в том числе топонимов, исследована недостаточно, существует насущная необходимость в выработке принципов закрепления написания и произношения названий географических объектов, в частности ойконимов, с учетом их региональных особенностей. Цель работы – рассмотреть проблемы нормализации ойконимов Республики Саха (Якутия) в различных нормативных и справочных источниках и предложить способы их фиксации в топонимическом словаре в соответствии с языковыми правилами. В статье проведен анализ основных типов орфографических ошибок, допущенных в существующих топонимических источниках, предложены стратегии выбора варианта написания географических названий. Рассматриваются сложные случаи слитного / раздельного и дефисного написания, выбора букв е / ё, употребления строчной или прописной букв в сложных словах, а также разночтения, касающиеся выбора грамматического рода ойконима. Описаны пути нормализации всех перечисленных случаев и орфографические варианты, примененные в «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты», предложены варианты их стандартизации.

Ключевые слова: нормализация наименований географических объектов, нормативно-регистрирующая функция, официальная российская топонимия, региональная топонимия, словарь топонимов, орфографическое варьирование, грамматическое варьирование, Государственный каталог географических названий, ойконимия Республики Саха (Якутия).

Для цитирования: Печетова Н. Ю., Никаева Т. М. Нормативно-регистрирующие функции словаря топонимов. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 104–116. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-104-116

Normative and registration functions of the dictionary of toponyms

N. Yu. Pechetova ✉, *T. M. Nikaeva*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ pechetovan@mail.ru

Abstract. The instability and lack of uniformity in the spelling of toponyms in both official and informal communication poses a significant social concern in the Republic of Sakha (Yakutia). The nominative function of geographical names is directly associated to their stable orthography. However, currently, there exist inconsistencies and significant discrepancies in the spelling of toponyms in official documents and reference books, including the state register, that are responsible for registering the correct spellings of geographical objects. This increases errors in all areas where this vocabulary is used. The relevance of the study is due to the fact that standardisation of proper names, including toponyms,

© Печетова Н. Ю., Никаева Т. М., 2023

is understudied in modern linguistics, and there is an urgent need to develop the principles of strengthening the spelling and pronunciation of names of geographical objects, in particular oikonyms, taking into account regional characteristics. The aim of the work is to consider the problems of standardising the oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia) in various normative and reference sources and suggest ways of their registration in the toponymic dictionary in accordance with language rules. The article analyses the main types of spelling errors made in the existing toponymic sources and suggests strategies for choosing the spelling of geographical names. The complicated cases of fused/separate and hyphenated spelling, the choice of letters *е/ ё*, the use of lowercase or uppercase letters in compound words, as well as the discrepancies in choosing a grammatical gender of an oikonym are considered. The article describes the ways of standardising all the listed cases as well as spelling options used in the 'Dictionary of Toponyms of the Sakha Republic (Yakutia): Settlements' and suggests the options for their standardisation.

Keywords: standardisation of names of geographical objects, normative and registration function, official Russian toponymy, regional toponymy, dictionary of toponyms, orthographic variability, grammatical variability, State Catalogue of Geographical Names, oikonymy of the Sakha Republic (Yakutia).

For citation: Pechetova N. Yu., Nikaeva T. M. Normative and registration functions of the dictionary of toponyms. *Vestnik of NEFU*. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 104–116. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-104-116

Введение

Нормативность большинства лингвистических словарей проявляется в орфографических и орфоэпических сведениях, содержащихся в них. Поскольку топонимика является интегральной научной дисциплиной и учитывает знания не только лингвистики, но и географии, истории, этнологии, назвать топонимические словари исключительно лингвистическими нельзя, т. к. они в первую очередь предоставляют информацию точных наук – место фиксации географического объекта, его административно-территориальную принадлежность. Кроме того, они выполняют еще одну не менее важную функцию – нормативно-регистрационную, т. к. закрепляют варианты написания и произношения в соответствии с правилами языка.

Общепринятое унифицированное написание топонимов – это социально значимая норма для их использования в письменной речи, особенно это важно для официальных документов и текстов. Закрепление правил произношения (в том числе ударения) играет важную роль в устной речи, и особенно значимой эта информация является для населения, т. к. результатом неправильного употребления топонимов в процессе общения могут стать как коммуникативные неудачи, так и речевые конфликты.

Эти проблемы сегодня привлекают внимание достаточно большого количества исследователей, занимающихся региональной топонимикой. Результаты нормализации топонимов в целом по России в рамках создания Государственного каталога географических названий рассматривают в своих статьях И. А. Дамбуев, Е. В. Захарова с соавторами [1, 2]. Имеются работы, посвященные современным нормализационным процессам топонимии отдельных регионов: Бурятии [3], Хакасии [4], Урала [5], Вологодской области [6], Карелии [7]. В трудах исследователей отражаются отдельные орфографические проблемы, связанные с фиксацией топонимов: нормализация буквы *ё* [8–10], правила написания прописной и строчной букв в топонимах [11, 12], слитное, дефисное и раздельное написание сложных топонимов [13], а также проблема подачи грамматической информации в топонимических словарях-справочниках [14]. М. В. Голомидова предлагает проводить топонимическую политику, которая «обязана исходить из тех же принципов и установок, которые принимаются государством для решения языковых проблем: ... для кодификации новых или сохранения действующих языковых норм и т. д.» [15].

В 2021 г. был опубликован «Орфографический словарь географических названий» А. В. Барандеева, в котором представлено более 15 000 географических названий, орфография которых вызывает значительные трудности [16]. Автор разбирает основные типы современных топонимов, обозначающих физико-географические и административно-территориальные объекты РФ и стран ближнего и дальнего зарубежья, а также топонимы-историзмы и топонимы Московского региона.

О стандартизации и проблемах фиксации с ошибками исконных топонимов Республики Саха (Якутия) пишет Н. М. Иванов–Багдарыын Сүлбэ Уола: «чтобы выполнить идентификационное назначение, топоним должен быть унифицированным. В республике потребность в унификации (нормализации и стандартизации) географических названий, обеспечении научно обоснованного их использования на государственных языках Республики Саха (Якутия) приобретает особую актуальность в сферах производства, науки, образования, культуры, средствах массовой информации, органах местного самоуправления» [17, с. 93]. О правописании якутских географических названий имеется небольшая статья М. Н. Романовой и Р. П. Макаровой [18].

Нормализация топонимов Якутии в XXI в. осуществлялась при создании Реестра Автоматизированного государственного каталога географических названий Республики Саха (Якутия) [19], а также при составлении официального справочника «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.» [20]. Фундаментальных научных исследований, посвященных этой теме, не проводилось. В этом мы видим актуальность и новизну предпринятого исследования.

Целью настоящей статьи являются рассмотрение проблем нормализации ойконимов Республики Саха (Якутия) и выработка способов их фиксации посредством топонимического словаря. Достижению поставленной цели будет способствовать решение следующих задач: 1) выявить варианты разночтений фиксации наименований географических объектов Якутии в официальных источниках; 2) провести сравнительный анализ выявленных вариантов; 3) определить способы нормализации ойконимов в топонимическом словаре.

Изучение разночтений в орфографическом и грамматическом оформлении названий населенных пунктов Якутии в различных официальных источниках разных лет позволяет проследить не только особенности эволюции региональной топонимической системы, но и специфику нормализации топонимов.

Объектом исследования являются ойконимы Республики Саха (Якутия), зафиксированные в официальных государственных справочниках, реестрах и словарях. Предметом определены русскоязычные и освоенные русским языком аборигенные ойконимы, имеющие в орфографическом, грамматическом оформлении противоречия и расхождения.

Материалом исследования, представленным в данной статье, являются ойконимы – наименования сел, поселков, городов, охарактеризованные в «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» [21] и составленной на его основе Базе данных ойконимов, в которой были зафиксированы расхождения в написании населенных пунктов на русском и якутском языках [22].

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в выработке рекомендаций по устранению противоречий и погрешностей в передаче географических названий Республики Саха (Якутия), нормализации региональной топонимической системы.

Нормализация наименований географических объектов в топонимическом словаре

«В советский период установление обоснованной нормативной орфографии топонимов входило в компетенцию Отдела географических названий и картографической научной информации (ОГНиКНИ) ЦНИИГАиК (впоследствии — Лаборатория стандартизации географических названий Картографического отдела ЦНИИГАиК). Этой научной организацией в советский и постсоветский периоды были изданы многочисленные инструкции и словари» [16, из предисловия].

В постсоветское время требования нормализации наименований географических объектов закреплены в Федеральном законе от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов». Данный закон содержит следующие нормы: «Произвольная замена одних наименований географических объектов другими, употребление искаженных наименований географических объектов не допускаются»; «Переименование географического объекта допускается в случаях, если <...> существующее написание наименования географического объекта на государственном языке РФ <...> не соответствует правилам русской орфографии» [23]. Согласно федеральному закону, был создан Государственный каталог географических наименований (ГКГН) «в целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления в Российской Федерации наименований географических объектов и сохранения указанных наименований» [23]. Созданием и ведением ГКГН с 2009 г. занимается специальный уполномоченный орган исполнительной власти – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), в ее полномочия входит также нормализация наименований географических объектов в соответствии с правилами и традициями их употребления на русском языке [24].

Согласно ФЗ-152 от 18.12.1997 в редакции от 10.07.2012 №99-ФЗ, «нормализация наименования географического объекта – определение написания наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации и наряду с государственным языком Российской Федерации на других языках народов Российской Федерации в соответствии с правилами русской орфографии и орфографии других языков народов Российской Федерации и в соответствии с традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках» [23].

«Словарь топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты», подготовленный на кафедре русского языка филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова и опубликованный в 2022 году при поддержке Отделения Русского географического общества в Республике Саха (Якутия), продолжил и в некоторой степени обобщил многолетние исследования по изучению топонимии Якутии М. С. Иванова–Багдарына Сюлбэ – основателя ономастических исследований в Республике Саха (Якутия), А. П. Дульзона, Г. М. Василевич, Н. М. Иванова (Багдарын Нь. С. Уола), В. Д. Монастырева, В. А. Кейметинова, Н. Г. Самсонова, Е. В. Меркель и др. [21]. Он содержит сведения о 562 ойконимах – наименованиях населенных пунктов Республики Саха (Якутия).

Как сказано в предисловии словаря, «одной из задач создания словаря было привлечение внимания ученых к проблемам, связанным с нормами правописания топонимов, унификацией и стандартизацией географических объектов, что особенно значимо для картографии, почтовой связи, СМИ и др.» [21 с. 6], авторам словаря важно было устранить существующие расхождения в написании названий населенных пунктов на русском и якутском языках.

При составлении «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» авторы придерживались принципа максимально точно и полно передать всю имеющуюся о каждом из них информацию. Полный список был получен с сайта геоинформационного портала Республики Саха (Якутия) СахаГИС [25], административно-территориальная принадлежность уточнялась по списку органов местного самоуправления Республики Саха (Якутия) [26], правильность написания названий населенных пунктов и их административно-территориальный статус (город, село, поселок и т. п.) – по Реестру АГКГН [19], справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.» [20], справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное деление» 1999 г. [27], Словарю географических названий Якутской АССР 1987 г. [28].

При работе над словарем авторы столкнулись с тем, что в вышеперечисленных источниках имеются расхождения в фиксации ойконимов. Чтобы составить полное

представление о разночтениях, была составлена «База данных ойконимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населенных пунктов», куда вошли 173 ойконима, имеющих расхождения в орфографической и графической фиксации между официальными справочниками и документами разных лет как на русском, так и на якутском языках [22].

База данных ойконимов (БДО) включает следующие сведения:

- заголовочное слово – наименование населенного пункта, зафиксированное как основной вариант употребления;
- административно-территориальная характеристика географического объекта;
- сведения о расположении населенного пункта с указанием наслега и улуса (района);
- вариант написания ойконима на русском языке по Реестру АГКГН (2021 г.);
- вариант написания ойконима на якутском языке по Реестру АГКГН (2021 г.);
- вариант написания ойконима на русском языке по справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.»;
- вариант написания ойконима на якутском языке по справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.»;
- вариант написания ойконима на русском языке 1999 г. по справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное деление» (1999 г.);
- вариант написания ойконима на якутском языке 1999 г. по справочнику «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное деление» (1999 г.);
- вариант написания ойконима на русском языке по Словарю географических названий Якутской АССР (1987 г.);
- вариант написания ойконима на якутском языке по Словарю географических названий Якутской АССР (1987 г.).

Благодаря такой структуре БДО имеется возможность получить полный спектр сведений о процессе нормализации топонимов за последние 35 лет, провести сравнительно-сопоставительный анализ изменений, касающихся названий населенных пунктов на территории Республики Саха (Якутия) и выявить некоторые особенности нормализации топонимов региона.

Основной массив изменений коснулся написаний наименований населенных пунктов на якутском языке. Даже простой количественный подсчет показывает, что из 173 зафиксированных в БДО топонимических единиц русскоязычных и освоенных русским языком названий не более 13 % – всего 22, к ним примыкают четыре гибридных названия (Большой Нимыр, Большой Хатыми, Василий Аласа, Крест-Хальджай). Из всех только у девяти отмечены разночтения в фиксации на русском языке. Они касаются тех же проблем, которые наблюдаются и в нормализации топонимов других регионов: выбор гласных букв е / ё (Берёзовка, Олёкминск и др.), слитное / раздельное / дефисное написание сложных наименований (Василий Аласа), выбор строчной или прописной в сложных словах (Две Виски). В одном случае разночтения касаются выбора грамматического рода ойконима (Большой Хатыми / Большая Хатыми) и один случай носит, на наш взгляд, сугубо региональный характер – передача графическими знаками русского языка иноязычного (якутского) названия (Крест-Хальджай / Крест-Хальдйй).

Нормализация написания е / ё

Выбор гласных е / ё в наименованиях географических объектов – это проблема нормализации употребления буквы ё в целом в официальной топонимии России. Проведя наблюдения за данными ГКГН, И. А. Дамбуев сделал заключение, что «употребление / неупотребление буквы ё в топонимах является одним из распространенных видов орфографического варьирования. В настоящее время сотни географических названий являются несогласованными из-за варьирования написания и нуждаются в нормализации» [8, с. 239].

А. В. Суперанская указывает, что в Постановлении Министерства образования и науки от 3 мая 2007 года № АФ-159/03 предписывается писать букву ё в именах собственных

бесспорно и обязательно. То же говорится и в Законе о государственном языке РФ от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ (федеральный закон) и в Постановлении Правительства от 23 ноября 2006 года № 714 [10].

Е. Ю. Воробьева, анализируя необходимость употребления буквы ё в именах собственных в официальных документах, рассматривает научные тексты, а также нормативно-правовые материалы. Она пишет о том, что согласно «„Правилам русской орфографии и пунктуации“, утвержденным в 1956 году (далее – Правила), которые продолжают действовать и в наши дни, буква Ё используется тогда, когда возможны неправильное прочтение и понимание слова, либо неверное понимание малоизвестного слова, а также в научных и других специальных текстах. В Письме Федеральной нотариальной палаты от 15 февраля 2013 года „Об употреблении букв „е“ и „ё“ при написании в официальных документах имен собственных“ говорится, что имена собственные, то есть фамилии, имена людей, отчества, названия географических объектов, наименования предприятий и организаций, как раз относятся к установленному Правилу, а значит употребление в них буквы Ё является обязательным. Аналогичная позиция высказывается в Письме Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 октября 2012 года „О правописании букв «е» и «ё» в нормативных документах“» [9, с. 232–233]. Однако, как выяснили авторы, в судебной практике в делах, связанных с личными именами, буквы е и ё в официальных документах нередко не различаются. Получается, что законодательно употребление буквы ё закреплено, но на деле эти законы не соблюдаются. На наш взгляд, необходима подготовка окончательного единого нормативно-правового акта, подготовленного при участии лингвистов, который бы четко регламентировал написание буквы ё, и разработка юридических механизмов его исполнения.

Анализируя официальные источники, по материалам которых была создана База данных ойконимов, мы обнаружили, что единообразия в употреблении буквы ё нет как в документах разных лет, так и в одном документе в разных ойконимах. Например, в написании слова Окоёмовка встречаются такие разночтения: в Словаре географических названий Якутской АССР 1987 г. (Словарь 1987 г.) зафиксировано Окоёмовка, в справочнике «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное деление» 1999 г. (Справочник 1999 г.) и справочнике «Республика Саха (Якутия): Административно-территориальное устройство по состоянию на 1 июня 2009 г.» (Справочник 2009 г.) – Окоёмовка, в Реестре зарегистрированных в АГКГН (Реестр 2021 г.) – Окоёмовка. Название Олекминск также зафиксировано в указанных источниках по-разному: в Словаре 1987 г. – Олекминск, в Справочнике 1999 г. – Олёкминск, в Справочнике 2009 г. – Олекминск, в Реестре 2021 г. – Олёкминск.

На примере этих ойконимов видно, что различия имеются и в употреблении / неупотреблении буквы ё в пределах одного источника: в Словаре 1987 г. – Окоёмовка, Олекминск, в Справочнике 1999 г. – Окоёмовка, Олёкминск. Здесь стоит отметить, что в справочнике 2009 г. все анализируемые топонимы зафиксированы единообразно – с буквой е, а в Реестре 2021 г. наблюдается тенденция к закреплению написания подобных слов с буквой ё, но и в нем мы обнаружили фиксацию слова Берёзовка без буквы ё.

По мнению И. А. Дамбуева, «примеры разночтений в употреблении буквы ё далеко не единичны. Они встречаются в большом количестве практически в каждом реестре топонимов субъектов Российской Федерации и носят системный характер» [8]. Наше исследование подтверждает его мысль. Авторы «Словаря топонимов...» посчитали принцип единообразия основополагающим в закреплении нормы написания ойконимов и зафиксировали топоним Берёзовка с буквой ё, тем самым внесли свое предложение по его нормализации.

Предпочтение буквы ё в определенных случаях, вероятнее всего, связано и с передачей звуков якутского языка русскими. Так, в «Словаре географических названий Якутской

Таблица

Примеры русской транскрипции якутских названий
в соответствии с правилами ОГНиКНИ ЦНИИГАиК

Table

Examples of Russian transcription of Yakut names in accordance with the regulations of
the Department of Geographical Names and Cartographical Scientific Information of the
Central Scientific Research Institute of Geodesy, Aerial Survey and Cartography

Топоним на якутском языке	Инструкция ОГНиКНИ ЦНИИГАиК	Рекомендуемый вариант оформления топонима на русском языке, зафиксированный в «Словаре топонимов...»
Өлүөхүмэ	В середине слова ө→ё	Олёкминск
Өлөөн	В середине слова ө→ё	Оленёк
Төхтүр	В середине слова ө→ё	Тёхтюр
Чөркөөх	В середине слова ө→ё	Черкёх

АССР» 1987 г. говорится, что в нем «передача по-русски, т. е. русская транскрипция, произведена в соответствии с правилами, разработанными в ОГНиКНИ ЦНИИГАиК, согласно которым буквы якутского, эвенкийского, эвенского и чукотского алфавитов, заимствованные из русского алфавита, за исключением букв, отсутствующих в алфавите русского языка ... передаются теми же русскими буквами. Буквы дь, н, нь, ь, ө, ү, һ якутского алфавита передаются по-русски: ... ө буквой о в начале слова, буквой э после ү и буквой ё в остальных случаях» [28, с. 6].

Поэтому название Өлүөхүмэ (Олёкминск) на русском языке должно быть оформлено с буквой ё, что и было зафиксировано в «Словаре топонимов...» [21, с. 119]. Так же были записаны и другие названия, примеры представлены в табл.

Несмотря на ссылку на ОГНиКНИ ЦНИИГАиК в предисловии Словаря 1987 г., в словарной статье топоним Олекминск зафиксирован с буквой е, хотя на этой же странице топонимы р. Олёкма и Олёкминский район оформлены с ё. В чем причина появления таких вариантов написания, сказать сложно. Это является довольно частым явлением в топонимической системе Якутии, хотя в однокоренных наименованиях, а также в случае перехода топонимов из одного класса в другой (трансонимизации), написание должно быть единообразным.

Кроме того, наличие буквы ё в географическом названии способствует закреплению акцентологической нормы (постановке ударения), поскольку в большинстве случаев слог с ё в слове является ударным.

Нормализация слитного / раздельного / дефисного написания

Проблему выбора слитного / раздельного / дефисного написания топонимов демонстрирует ойконим Василий Аласа, который в анализируемых источниках представлен так: в Словаре 1987 г. – Василий-Аласа, в Справочнике 1999 г. – Василий Аласа, в Справочнике 2009 г. – Василий-Аласа, в Реестре 2021 г. – Василий-Аласа. Этот ойконим является примером гибридного образования, когда в одном названии сочетаются слова разных языков. В «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты» название села зафиксировано в виде раздельного написания двух слов. По сведениям из словаря, возникло оно от русского имени собственного Василий и якутского нарицательного существительного алаас (поляна) и обозначало, по приведенному в словаре мнению информатора, алаас Василия: «При первой ясачной комиссии в 1766–1769 гг. местные аласы раздали по общинам. И вот во владение Василия достался один алас. И с тех пор алас называют Василий Аласа» [21, с. 40].

Нормализация данного ойконима вызывает определенные трудности, т. к. он представляет собой сочетание слов разных языков с видом подчинительной связи управление, о таких случаях в нормативных справочниках русского языка не упоминается. На неполноту информации в них указывают и другие исследователи: «Эти справочники не внесли полной определенности в некоторые ситуации выбора написания, сохранились спорные типы написаний, допускающие двоякое толкование, имеют место и вообще не отраженные в справочниках типы написаний» [11, с. 257–258].

В данном случае мы видим, что в словаре отражены особенности региональной топонимической системы: влияние на раздельное оформление топонима оказали орфографические традиции якутского языка. Г. И. Гурьев, анализируя проблему употребления прописных букв в якутском языке, касается и слитного / раздельного / дефисного написания топонимов: «Интересно отметить, что в новом орфографическом словаре якутского языка (2015) в п. 60 восстановлена эта традиция: “Якутские географические названия, состоящие из двух слов, пишутся без дефиса с прописной буквы, например, Уус Алдан, Түбэй Дьаархан, Тулагы Киллэм” [11, с. 464]» [29, с. 233].

Выбор строчной или прописной буквы

Ойконим Две Виски отражает такую проблему, как выбор строчной или прописной букв в географических и административно-территориальных названиях. Как указывают исследователи, «актуальной остается задача создания полных правил, учитывающих и современную письменную практику с ее сиюминутными стремлениями, и исторический вектор изменения написания топонимов, и системные закономерности русского письма» [11, с. 258]. Составители «Словаря топонимов...», как мы уже указывали выше, также озабочены решением этой задачи и предлагают свой вариант нормализации данного ойконима, отличный от того, который закреплен в Реестре 2021 г. и других источниках. Так, в Словаре 1987 г. он записан как Две Виски, в Справочнике 1999 г. – Две виски, в Справочнике 2009 г. – Две виски, в Реестре 2021 г. – Две виски. Объяснить вариант написания со строчной можно следованием правилу русского языка, по которому родовые термины в географических названиях (озеро, река, село и пр.) должны писаться со строчной. Слово «виска» отнесли к списку родовых терминов: «виска – «ручей, проток, река между озерами, проток из озера в реку; речка, берущая начало из озера и болота (озерная речка) и впадающая в реку, море» [21, с. 50].

Выбор написания в «Словаре топонимов...» обоих слов с прописной буквы обоснован предложением исследователей, одобренным Орфографической комиссией РАН в 2020 г.: «В официальных названиях территориальных и административно-территориальных единиц, населенных пунктов (регионов, краев, областей, округов, провинций, земель, штатов, городов и под.) с прописной буквы пишутся все слова» [11, с. 265]. В качестве примеров авторы приводят топонимы Нефтяные Камни (поселок), рабочий поселок Струги Красные и др. Название Две Виски, на наш взгляд, вполне отвечает данному правилу.

Этому же правилу подчиняется и фиксация обоих слов с прописной буквы в названии Василий Аласа. Здесь в скобках следует отметить, что в этом аспекте разночтений в написании данного топонима в разных источниках не было, однако разница наблюдается в фиксации названий Две Виски и Василий Аласа в рамках одного источника. Например, в Справочнике 1999 г. – Василий Аласа (оба слова с прописной) и Две виски (только первое слово с прописной), в Справочнике 2009 г. и Реестре 2021 г. – Василий-Аласа (оба слова с прописной и через дефис) и Две виски (только первое слово с прописной и без дефиса). Такие расхождения еще раз подтверждают необходимость совершенствования процесса нормализации топонимов и выработки правил, которые помогли бы и составителям различного рода справочников и словарей, и носителям языка в правильном употреблении того или иного географического названия.

Различия в транслитерации

На примере названия села Крест-Хальджай можно проследить, как менялась передача якутских названий на русском языке в официальных источниках. Словарь 1987 г. предлагает два варианта: Крест-Хальджай и Крест-Хальдяйы, Справочники 1999 г. и 2009 г., Реестр 2021 г. – единственный вариант Крест-Хальджай, так же топоним зафиксирован и в «Словаре топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты». Авторы Словаря 1987 г. при оформлении варианта Крест-Хальдяйы, очевидно, руководствовались также предписанием ОГНИКНИ ЦНИИГАиК, о чем в предисловии указали: «дь и нь в сочетании с последующими а, аа; о, оо; у, уу; ы, ыы, т.е. дья, дьяа; дьо, дьоо; дьу, дьуу; дьи, дьиы; ньа, ньаа; ньо, ньоо; ньу, ньуу и ньы, ньыы передаются в форме дя, дё, дю, ди; ня, нё, ню, ни» [28, с. 6], поэтому в одном из вариантов Крест- сочетание дьяа в Халдьяаы было передано формой -дя = Крест-Хальдяйы.

Для сравнения приведем пример фиксации этого названия на якутском языке – Крест-Халдьяаы во всех источниках. Как видим, второй вариант русскоязычной записи в Словаре 1987 г. – это транслитерация, основанная на переносе с якутского языка на русский с применением правил русской графики. Вариант Крест-Хальджай – более удачный способ адаптировать иноязычный топоним к русскому бытованию, поэтому этот вариант закрепился в последующих справочниках и затем в Реестре АГКГН.

Разночтения, связанные с выбором грамматического рода ойконима

Интересной для исследователей является ситуация с нормализацией названия села Большой Хатымы. В Словаре 1987 г. дается два варианта – Большой Хатымы и Большая Хатыма, а в последующих источниках только один – Большой Хатымы. В «Словаре топонимов» заголовочным словом также был выбран вариант Большой Хатымы. Вариант Большая Хатыма можно объяснить, прибегнув к сведениям о происхождении названия в «Словаре топонимов»: «Большой Хатымы (як. Улахан Хатымы), образовано по названию реки Хатыма, происхождение названия которой можно объяснить двояко: гидроним Хатымы от слова сатами ‘умеющий что-то’; второе значение может исходить от слова чата ‘грязь, ил’. Дословно переводится как „грязноватый или имеющий грязь, ил”» [21, с. 31]. Можем предположить, что грамматическое оформление слова Хатыма по женскому роду обусловлено влиянием грамматики русского языка и связано с женским родом родового понятия река. В Словаре 1987 г. на якутском языке также зафиксировано Улахан Хатыма, в остальных источниках записи различаются: Большая Хатымы – в Справочнике 1999 г., Большая Хатымы – в Справочнике 2009 г. и Реестре 2021 г. Можно констатировать, что в официальных источниках географических наименований наблюдается тенденция к сохранению варианта якутского языка.

Заключение

Нормализация топонимов необходима для решения важнейших социальных проблем – унификации и стандартизации географических названий. Она должна осуществляться в соответствии с общепринятыми правилами орфографии и традициями употребления топонимов каждого региона РФ. В Республике Саха (Якутия) необходимость в нормализации топонимов назрела давно.

Анализ материалов «Базы данных топонимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населенных пунктов» показал, что разночтения в топонимах на русском языке встречаются в 12,71% от всех зафиксированных в БДО. Наиболее частотным является отсутствие единообразия в употреблении буквы ё. Причиной этому могут быть неточности при транскрибировании исконных онимов, содержащих не существующие в русском языке звуки, а также несоблюдение правил русской орфографии, по которым предписывается писать букву ё в именах собственных обязательно.

Другая причина разночтений в фиксации географических наименований – их слитное, дефисное и раздельное написание. Не все случаи регламентируются имеющимися

правилами. Так, об оформлении топонимов, образованных сочетанием слов разных языков с видом подчинительной связи управление, в нормативных справочниках русского языка не упоминается. Здесь влияние на написание оказывает региональная топонимическая система.

Кроме того, были обнаружены разночтения, связанные с выбором грамматического рода ойконимов, различия при оформлении строчных или прописных букв, разные подходы к выполнению транслитерации. Это еще раз заставляет подчеркнуть необходимость совершенствования процесса нормализации топонимов и выработки правил, которые помогли бы и составителям различного рода справочников и словарей, и носителям языка в правильном употреблении того или иного географического названия.

Сейчас при наличии «Базы данных топонимов Республики Саха (Якутия): варианты написания населенных пунктов», куда вошли 173 ойконима, имеющие расхождения в орфографической и графической фиксации, и «Словаря топонимов Республики Саха (Якутия): населенные пункты», в котором проанализировано 562 ойконима, представляется возможным выявить все случаи ошибочного написания географических наименований, исправить их и внести изменения в Реестр зарегистрированных в АГКГН названий населенных пунктов.

Работа над проблемами орфографического оформления ойконимов Республики Саха (Якутия) будет продолжена. Планируется проанализировать имеющиеся разночтения в написании названий населенных пунктов на русском языке, возникшие при фиксации исконных (аборигенных) топонимов, возникших из якутского, эвенского, эвенкийского и других языков. Составляя донесения о географических открытиях, русские землепроходцы записывали субстратную топонимическую лексику на слух и неизбежно ее искажали, поскольку не имели представления о правильной фиксации звуков, отсутствующих в русском языке.

Проблема адекватной передачи нерусской топонимии на официальном уровне на государственный язык – русский в последние годы является особенно актуальной и социально значимой.

Л и т е р а т у р а

1. Дамбуев, И. А. О результатах нормализации топонимов в Российской Федерации (2011–2013 гг.) / И. А. Дамбуев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 2. – С. 125–129.
2. Захарова, Е. В. Карельская топонимия в Государственном каталоге географических названий: работа над ошибками / Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен // Вопросы ономастики. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 256–281. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.040.
3. Дамбуев, И. А. Нормализация топонимов в Республике Бурятия / И. А. Дамбуев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 13–20.
4. Дамбуев, И. А. Топонимическое варьирование и вопросы нормализации топонимов в Республике Хакасия / И. А. Дамбуев // Язык и культура. – 2017. – № 38. – С. 23–40. DOI: 10.17223/19996195/38/2.
5. Качалкова, Ю. А. Лексикографические проблемы урбанонимии : на материале названий топообъектов Екатеринбурга и Челябинска / Ю. А. Качалкова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 212–222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038.
6. Судаков, Г. В. Проблемы употребления названий населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) / Г. В. Судаков // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 193–204. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039.
7. Захарова, Е. В. Топонимический облик современной Карелии / Е. В. Захарова, И. И. Муллонен // Альманах североамериканских и балтийских исследований. – 2021. – Вып. 6. – С. 299–307. – URL : <https://elibrary.petrus.ru/books/61967> (дата обращения: 20.07.2023).

8. Дамбуев, И. А. К вопросу о нормализации употребления буквы ё в российской топонимии / И. А. Дамбуев // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 239–262. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.024.

9. Воробьева, Е. Ю. Буква Ё в именах собственных : нормативные документы и практика употребления / Е. Ю. Воробьева // Проблемы становления гражданского общества : сборник статей VI Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 30 марта 2018 года. Том 1. Часть II. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал), Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. – С. 231–234.

10. Суперанская, А. В. Вновь о букве Ё / А. В. Суперанская. – URL : http://www.gramota.ru/biblio/magazines/nauka_i_zhizn/28_618 (дата обращения: 20.07.2023).

11. Арутюнова, Е. В. Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях : академические правила русской орфографии / Е. В. Арутюнова, Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 256–277. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027.

12. Дамбуев, И. А. Прописная и строчная буквы в официальной топонимии России / И. А. Дамбуев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 278–302. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.028.

13. Дамбуев, И. А. К вопросу об орфографии бурятских топонимов в русском языке / И. А. Дамбуев // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2014. – Выпуск № 10. – С. 94–98.

14. Ильин, Д. Ю. Репрезентация грамматической информации в региональном топонимиконе / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 194–209. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.021

15. Голомидова, М. В. Топонимическая политика / М. В. Голомидова // Социоллингвистика. – 2022. – № 3 (11). – С. 172–177. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-172-177.

16. Барандеев, А. В. Орфографический словарь географических названий / А. В. Барандеев. – Москва : URSS, 2021. – 256 с. – URL : <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=ru&blang=ru&page=Book&id=276535#FF2> (дата обращения: 20.07.2023).

17. Иванов, Н. М. Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) / Н. М. Иванов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 92–100.

18. Романова, М. Н. Правописание якутских географических названий / М. Н. Романова, Р. П. Макарова. – URL : <https://studylib.ru/doc/2660852/pravopisanie-yakutskih-geograficheskikh-nazvanij> (дата обращения: 20.07.2023).

19. Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий населенных пунктов на 25.08.2021 Республика Саха (Якутия). – URL : <https://cgkipd.ru/upload/iblock/852/yc882vt1xf13o9c0ut22a4p36zn2mu7h.pdf> (дата обращения 25.08.2021).

20. Республика Саха (Якутия) : Административно-территориальное устройство / Редколлегия : А. В. Власов [и др.] ; составители : А. И. Калмыкова, Е. А. Пахомов. – Якутск, 2009. – 98 с.

21. Словарь топонимов Республики Саха (Якутия) : населенные пункты / Т. М. Никаева, А. С. Старостина, М. В. Тарабукина [и др.]. – Новосибирск : Архимед, 2022. – 224 с.

22. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621593 Российская Федерация. База данных ойконимов Республики Саха (Якутия) : варианты написания населенных пунктов : № 2022621411 : заявл. 20.06.2022 : опубл. 04.07.2022 / А. С. Старостина, Т. М. Никаева, Н. Ю. Печетова ; заявитель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова». – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49194428> (дата обращения: 21.07.2023).

23. Федеральный закон №152-ФЗ от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов» с изменениями на 30 декабря 2021 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9054747> (дата обращения: 20.07.2023).

24. Реестры наименований географических объектов. – URL: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkggn.php> (дата обращения : 20.07.2023).

25. СахаГИС : Геопортал Республики Саха (Якутия). – URL: <https://sakhagis.ru/town/details> (дата обращения 21. 07.2021).

26. Официальный интернет-портал Республики Саха (Якутия). – URL: <http://www.sakha.gov.ru/> (дата обращения 28.06.2021).
27. Республика Саха (Якутия) : административно-территориальное деление на 1 января 1999 года / Редколлегия: Е. С. Васильева [и др.] ; составитель Е. А. Пахомов. – [5-е изд., испр. и доп.]. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1999. – 128 с.
28. Словарь географических названий Якутской АССР / Редактор П. П. Барашков ; составитель Ф. К. Комаров. – Москва, 1987. – 316 с.
29. Гурьев, Г. И. Проблемы употребления прописных букв в якутском языке / Г. И. Гурьев // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 11. – С. 231–235. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upotrebleniya-propisnyh-bukv-v-yakutskom-yazyke> (дата обращения: 21.07.2023).

References

1. Dambuev, I.A. (2014). On the results of normalisation of toponyms in the Russian Federation (2011-2013). *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovanij RAN*, 2, pp. 125–129.
2. Zakharova, E.V. (2022). Karelian toponymy in the State Catalog of Geographical Names: work on errors. *Voprosy onomastiki*, 19(3), pp. 256–281. DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.040.
3. Dambuev, I.A. (2016). Normalisation of toponyms in the Republic of Buryatia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 14(2), pp. 13–20.
4. Dambuev, I.A. (2017). Toponymic variation and issues of normalisation of toponyms in the Republic of Khakassia. *Language and Culture*, (38), pp. 23–40. DOI: 10.17223/19996195/38/2.
5. Kachalkova, Yu.A. (2018). Lexicographic problems of urbanonymy: based on the names of topoobjects of Yekaterinburg and Chelyabinsk. *Voprosy onomastiki*, 15(3), pp. 212–222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038.
6. Sudakov, G.V. (2019). Problems of the use of names of settlements (on the example of the oikonymy of the Vologda region). *Voprosy onomastiki*, 16(3), pp. 193–204. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039.
7. Zakharova, E.V. (2021). Toponymic appearance of modern Karelia. *Almanah severoevropejskikh i baltijskikh issledovanij*, [online], Available at: <https://elibrary.petsu.ru/books/61967> (Accessed 20 July 2023).
8. Dambuev, I.A. (2018). On the issue of normalisation of the use of the letter E in Russian toponymy. *Voprosy onomastiki*, 15(2), pp. 239–262. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.024.
9. Vorobyeva, E.Yu. (2018). *The letter E in proper names: regulatory documents and usage practices. Problems of the formation of civil society*. Irkutsk, 1(2), pp. 231–234.
10. Superanskaya, A.V. *Again about the letter E*. [online], Available at: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/nauka_i_zhizn/28_618 (Accessed 20 July 2023).
11. Arutyunova, E.V. (2020). Uppercase and lowercase letters in geographical and administrative-territorial names: academic rules of Russian spelling. *Voprosy onomastiki*, 17(2), pp. 256–277. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027.
12. Dambuev, I.A. (2020). Uppercase and lowercase letters in the official toponymy of Russia. *Voprosy onomastiki*, 17(2), pp. 278–302. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.028.
13. Dambuev, I.A. (2014). On the question of the spelling of Buryat toponyms in the Russian language. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. (10), pp. 94–98.
14. Ilyin, D.Yu. (2018). Representation of grammatical information in a regional toponymicon. *Voprosy onomastiki*, 15(2), pp. 194–209. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.021
15. Golomidova, M.V. (2022). Toponymic policy. *Sociolingvistika*, 3(11), pp. 172–177. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-172-177.
16. Barandeev, A.V. (2021). *Spelling Dictionary of geographical Names*. Moscow: URSS, 256 p.
17. Ivanov, N.M. (2014). Functioning of toponyms in the Republic of Sakha (Yakutia). Yakutsk: *Vestnik NEFU*, 11(1), pp. 92–100.
18. Romanova, M.N. *Spelling of Yakut geographical names*. [online], Available at: <https://studylib.ru/doc/2660852/pravopisanie-yakutskih-geograficheskikh-nazvanij> (Accessed 20 July 2023).

19. *The register of geographical names of settlements registered in the AGCGN as of 08/25/2021 Republic of Sakha (Yakutia)*, [online], Available at: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/852/yc882vt1xf13o9c0ut22a4p36zn2mu7h.pdf> (Accessed 25 August 2023).
20. Kalmykova, A.I. and Pakhomov, E. A. (2009). *Republic of Sakha (Yakutia): Administrative and territorial structure*. Yakutsk, 98 p.
21. Nikaeva, T.M. et al. (2022). *Dictionary of toponyms of the Republic of Sakha (Yakutia): localities*. Novosibirsk: Arhimed, 224 p.
22. Starostina, A.S., Nikaeva, T.M., Pechetova N.Yu., FGAOU HPE M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. (2022). *Database of oikonyms of the Republic of Sakha (Yakutia): spelling variants of settlements. Russian Federation. No. 2022621593*. [online], Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49194428> (Accessed 21 July 2023).
23. Federal Law №152-FZ from 12.18.1997 'On Names of Geographical Objects' with amendments on December 30, 2021. [online], Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9054747> (Accessed 20 July 2023).
24. *Registers of names of geographical objects* [online], Available at: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgn.php> (Accessed 20 July 2023).
25. *Sakha GIS: Geoportal of the Republic of Sakha (Yakutia)*, [online], Available at: <https://sakhagis.ru/town/details> (Accessed 20 July 2023).
26. *Official Internet portal of the Republic of Sakha (Yakutia)*, [online], Available at: <http://www.sakha.gov.ru/> (Accessed 20 July 2023).
27. *Republic of Sakha (Yakutia): administrative-territorial division*. (1999). Yakutsk: Sakha-poligraphizdat, 128 p.
28. Komarov, F.K. (1987). *Dictionary of Geographical Names of the Yakut*. Moscow, Russia, pp. 316.
29. Guryev, G.I. (2019). Problems of using capital letters in the Yakut language, *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 12(11), p. 231–235.

ПЕЧЕТОВА Наталья Юрьевна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: pechetovan@mail.ru

PECHETOVA Natalya Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

НИКАЕВА Татьяна Михайловна – к. филол. н., доцент кафедры русского языка филологического факультета, СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: elizarovat@mail.ru

NIKAEVA Tatyana Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

УДК 82.091

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-117-127

Национальная идея в произведениях тюркоязычных писателей Юсуфа Баласагунского, Абая Кунанбаева, Алексея Кулаковского

В. Г. Семенова¹ ✉, Н. С. Майнагашева²

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г Якутск, Россия

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Россия

✉ semenova_ykt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию специфики национальной идеи в произведениях тюркоязычных писателей Юсуфа Баласагунского, Абая Кунанбаева и Алексея Кулаковского. Актуальность статьи связана с ценностным, общекультурным осмыслением художественных текстов на тюркских языках, созданных в различные периоды истории. Научная новизна состоит в том, что в исследовании впервые рассматривается творчество данных авторов в контексте раскрытия национальной идеи в их вершинных произведениях. При сопоставлении текстов были применены историко-типологический, сравнительно-исторический методы исследования. Предметом анализа в данной работе стали произведения тюркоязычных писателей: «Благодатное знание» (1069–1070) Юсуфа Баласагунского, «Слова назидания» (1890–1898) Абая Кунанбаева и «Сон шамана» (1910) Алексея Кулаковского. Авторами отмечено, что все три писателя были духовными лидерами, занимавшими особое место в истории своих народов, универсальными личностями с особым складом ума, активной жизненной позицией, патриотическими устремлениями. Будучи трансляторами традиционных духовно-нравственных ценностей, они поднимали в своих произведениях актуальный во все времена вопрос – проблему сохранения и развития родного народа. В статье выдвинуто предположение, что типологическое сходство произведений вызвано культурно-исторической общностью народов и принадлежностью к одной семье языков. Проводится мысль, что идея единства и сохранения народа, выдвинутая в древнетюркских памятниках, отложилась в генетической памяти тюркоязычных народов. Генетико-типологическое сходство выявляется и в жанре произведений, имеющих четкую адресную направленность и написанных в форме обращения к народу. Произведения близки и по стилю повествования: авторы непосредственно обращаются к слушателям, апеллируя к их чувствам с помощью различных риторических фигур, что восходит также своими генетическими корнями к орхоно-енисейским памятникам, написанным от имени древнетюркских правителей, призывавших свой народ к объединению. Просветители как высокообразованные личности понимали, что существенным моментом социально-культурного преобразования и развития общества является овладение знаниями и основами науки и потому концептуальной идеей их произведений стала идея национального возрождения родного народа по цивилизационному и прогрессивному пути развития общества. Абай Кунанбаев и Алексей Кулаковский, понимая, что коалиция культур будет только способствовать прогрессу общества, призывали перенять достижения русской культуры, учиться русскому языку.

Ключевые слова: тюркоязычные литературы, орхоно-енисейские памятники, духовные лидеры, Ю. Баласагунский, А. Кунанбаев, А. Кулаковский, обращение к народу, национальная идея, трансляция духовных ценностей, знания, наука, коалиция культур.

Для цитирования: Семенова В. Г., Майнагашева Н. С. Национальная идея в произведениях тюркоязычных писателей Юсуфа Баласагунского, Абая Кунанбаева, Алексея Кулаковского. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 117–127. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-117-127

The national idea in the works of Turkic writers (Yusuf Balasaguni, Abai Qunanbaiuly, Aleksey Kulakovsky)

V. G. Semenova¹ ✉, N. S. Mainagasheva²

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

²Khakass Research Institute of Languages, Literature and History, Abakan, Russia

✉ semenova_ykt@mail.ru

Abstract. The article aims to reveal the peculiarities of the national idea in the works of Turkic writers Yusuf Balasaguni, Abai Qunanbaiuly and Aleksey Kulakovsky. The relevance of the article is connected with the value-based and common cultural understanding of literary texts in Turkic languages created in different periods of history. For the first time the works of named authors are comparatively examined by revealing the notion of national idea in their writings. Historical-typological and comparative-historical research methods have been used to compare the works of the writers. The most acclaimed works of aforementioned Turkic writers were chosen as the subject of analysis: “Blessed Knowledge” (1069–1070) by Yusuf Balasaguni, “Words of Edification” (1890–1898) by Abai Qunanbaiuly and “The Dream of a Shaman” (1910) by Aleksey Kulakovsky. All three writers were versatile personalities with a special way of thinking, an active attitude to life, and patriotic aspirations, who occupied a special place in the history of their peoples as spiritual leaders. As translators of traditional spiritual and moral values, they raised the issue of the preservation and development of their native culture in works. The article suggests that the typological similarity of the works is caused by the cultural and historical similarity of their regions and their belonging to the same language family. It is suggested that the idea of unity and preservation of the people, which is expressed in ancient Turkic monuments, has been imprinted in the genetic memory of the Turkic-speaking peoples. Genetic-typological similarities can also be seen in the genre of the works, which are all recipient-oriented and are written in the form of an appeal to the people. The works are also similar in their narrative style: the authors address their listeners directly, appealing to their feelings with the help of various rhetorical figures, which also has its genetic roots in the Orkhon-Yenisei monuments, written on behalf of the ancient Turkic rulers who called on their people to unite. The enlighteners, being highly educated people, understood that socio-cultural transformation and development of the society were based on the acquisition of knowledge and scientific foundations, and therefore they promoted the idea of national revival along the civilisational and progressive path of development of the society. Abai Qunanbaiuly and Aleksey Kulakovsky, realising that the union of cultures could only contribute to the progress of society, called for the acceptance of the achievements of Russian culture and the learning of the Russian language.

Keywords: Turkic literature, Orkhon-Yenisei monuments, spiritual leaders, Yu. Balasaguni, A. Qunanbaiuly, A. Kulakovsky, appeal to the people, national idea, transmission of spiritual values, knowledge, science, coalition of cultures.

For citation: Semenova V. G., Mainagasheva N. S. The national idea in the works of Turkic writers (Yusuf Balasaguni, Abai Qunanbaiuly, Aleksey Kulakovsky). Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 117–127. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-117-127

Введение

Сравнительно-историческое и историко-типологическое рассмотрение литератур и культур является важнейшими принципами науки, которые позволяют рассматривать историю национальной литературы как относительно самостоятельную, так и относящуюся к истории мировой литературы. Тюркоязычные литературы, зародившись во времена Тюркского каганата, имеют достаточно глубокие, древние традиции, они

базируются на лингвистической близости и составляют некую идейно-эстетическую общность. Как отмечает исследователь Б. С. Зулумян, языковое родство определяет в какой-то степени и родство духовное, и язык есть главнейший компонент формирования способа мышления, восприятия и в конце концов – типов литератур [1]. К тюркоязычной литературе относятся киргизская, казахская, якутская словесности, так как у этих народов общие предки и общая пракультура: «Тюркоязычные народы и сегодня свободно общаются и легко понимают друг друга. Основной словарный фонд и основа грамматического строя этих языков являются общими, что свидетельствует об их исторических близко-родственных связях, восходящих в конечном итоге к одному общетюркскому языку-основе» [2, с. 15]. Но географическая разобщенность и изолированное развитие тюркских народов дали свои плоды: у нас сегодня различные языки, культуры, религии, иной менталитет и т. д. Но в то же время сравнительное изучение тюркских литератур позволяет находить типологические сходства, общие закономерности. И цель нашего научного исследования состоит в выявлении типологических схождений в тюркоязычных литературах как форме проявления генетической памяти родственных народов и закономерностей развития человеческого мышления.

Предметом сравнительного анализа стали вершинные произведения тюркоязычных писателей: «Благодатное знание (Кутадгу Билиг)» (1069–1070) Юсуфа Баласагунского, «Слова назидания» (1890–1898) Абая Кунанбаева и «Сон шамана» (1910) Алексея Кулаковского, написанные в форме обращения к народу.

Выдающийся памятник тюркской литературы «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского, в которой автор выдвинул многие проблемы, стоящие перед своим народом, считается одним из первых произведений исламской тюркской литературы. В дидактической поэме, отражающей жизнь и культуру древних тюрков XI в., поэт предлагал свое видение, предложения по устройству идеального государства тюрков, основанного на справедливости. Произведение великого мыслителя стало предметом изучения нескольких поколений тюркологов, литературоведов и историков. Так, осмыслению вклада Юсуфа Баласагунского и влияния его творчества на развитие мировой культуры и литературы были посвящены крупные научные форумы. В 1970 г. в Ленинграде была проведена Всесоюзная тюркологическая конференция, где с докладами выступили известные востоковеды страны А. Н. Кононов, И. В. Стеблева и др. В 2020 г. в Ташкентском государственном университете востоковедения состоялась Международная конференция «„Кутадгу билиг“ – великий памятник мировой тюркологии: актуальные проблемы его изучения», где были широко обсуждены вопросы источниковедческого и текстологического исследования рукописей поэмы, поэтики, особенностей стиля, языка произведения и т. д. Из огромного количества научных трудов по изучению данного памятника хотелось бы выделить исследования С. Н. Иванова [3], А. Н. Кононова [4], А. А. Валитовой [5], С. Г. Кляшторного [6], И. В. Стеблевой [7] и др., в которых были даны самые высокие оценки памятнику мирового духовного наследия.

Фундаментальное произведение Абая Кунанбаева «Слова назидания» состоит из 45 философско-этических рассуждений и наставлений, где поднимаются проблемы права, морали, образа жизни казахского народа. «Слова назидания», переведенные на многие языки мира, являются культурным и духовным достоянием не только казахского народа, но и всего человечества. О значении данного выдающегося труда, концептуальных взглядах и идеях казахского мыслителя были написаны монографические исследования Т. Т. Тажибаева [8], Б. Г. Габдуллина [9], К. Д. Бейбытовой [10], М. С. Орынбекова [11], К. Ш. Шаймерденовой [12] и многих других.

Поэма «Сон шамана» Алексея Кулаковского – самое значительное произведение якутской литературы дореволюционного периода. В произведении великим писателем народа саха были подняты важнейшие социальные и геополитические проблемы современности: нарушения экологического баланса, разрушительные последствия войн,

социальных катаклизмов, проблема вымирания и борьба народов за свое существование. Произведение было написано в форме видения сна шаманом и облечено в обрядовые формы религиозного культа. Но нужно заметить, что все проблемы, выдвинутые в поэме как программа практических действий были расширены и отражены в Письме А. Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции», написанном на русском языке. Поэме «Сон шамана», выдающемуся памятнику якутской литературы, были посвящены десятки научных трудов, из которых можно отметить исследования Г. П. Башарина [13], Н. Н. Тобурокова [14], В. Н. Протодяконова [15], Е. С. Сидорова [16], В. Б. Огороковой [17] и др.

Все три произведения в первую очередь объединяет то, что они были созданы величайшими писателями – духовными лидерами, занимавшими особое место в истории своих народов. Идеино-эмоциональная атмосфера времени, развитие общественной мысли в тюркских регионах выдвинули на арену исторических действий выдающихся личностей, обладающих универсальными способностями. Так, Юсуф Баласагунский был основоположником тюркской диванной поэзии, выдающимся мыслителем, ученым-энциклопедистом. Абай Кунанбаев является основоположником казахской национальной литературы, общественным деятелем, просветителем, ученым, композитором. Его современник, основоположник якутской литературы, общественный деятель, ученый, мыслитель Алексей Кулаковский был знаковой фигурой, в чьем творчестве был осуществлен переход якутского народа от устно-поэтического мышления к мышлению литературно-художественному.

Можно предположить, что в переломную эпоху в истории тюркских народов и в силу потребности общества в выдающихся исторических деятелях появились личности, обладающие уникальными творческими способностями. Все они, будучи высокообразованными и патриотически настроенными людьми, глубоко понимая роль писателя в обществе, чувствуя свою ответственность за судьбы народа, взяли на себя миссию транслятора духовных ценностей и философии тюркоязычных народов. Они выступили в своих произведениях в качестве оракула, трибуна, воспитателя народных масс, проводника воли древних предков.

Судьба родного народа в произведениях тюркоязычных писателей

В сложных обстоятельствах своего времени мыслители подняли в произведениях актуальный во все времена вопрос – проблему сохранения и развития родного народа. И потому основной темой сочинений всех трех писателей стала судьба нации.

Тема выживания и сохранения народа как этнически целого остро стояла еще со времен орхоно-енисейских надписей (VIII в.), составляющих общее наследие всех тюркоязычных народов. В надмогильных надписях древних тюрков, поставленных в честь правителей Тоньюкука, Бильге Кагана, Кюль Тегина, была воспроизведена история древнетюркского государства. В них авторы призывали разобщенные тюркские племена прекратить междоусобные войны, прийти к согласию и объединению, чтобы вместе выстоять в борьбе за сохранение каганата. Еще В. Гумбольдт отмечал, что принадлежность к определенной семье языков детерминирована психологической и культурно-исторической общностью, в языке отражается психология народа, его мироощущение и мировоззрение: «Благодаря своему характеру языки могут воздействовать не только на все поколения народов, говорящих на них, но и на другие языки, с которыми они рано или поздно приходят в соприкосновение либо непосредственное, либо, как уже мертвые языки, через свои памятники, либо через науку, изучающую их строй» [18, с. 373]. Следуя данному принципу, можно предположить, что идея единства и сохранения народа, высказанная в древнетюркских памятниках, отложилась на генетической и языковой памяти тюркоязычных народов, так как их менталитет формировался на общей прародине в жестких условиях борьбы за существование.

Как и древнетюркские авторы Йолыг Тегин и Тоньюкук, призывавшие народ к созданию сильного государства, Юсуф Баласагунский в своем произведении наставляет

граждан положить конец раздорам, дает им поучения, как развивать основанное на справедливости государство. Абай Кунанбаев в «Книге назиданий» призывает свой народ развивать культуру, овладевать знаниями и наукой. Шаман, герой поэмы Алексея Кулаковского, указывает соплеменникам единственное средство для выживания, путь спасения от верного вымирания – усвоить «русское волшебство», т. е. освоить достижения науки и культуры. А в письме «Якутской интеллигенции», писатель, придавая большое значение консолидации общества, предлагал способы преодоления отставания в социально-экономической сфере. В начале XX в. царское правительство вело переселенческую политику, имевшую своей целью переселить на национальные окраины страны разоренных крестьян из центральной части России. По столыпинской программе в Якутии планировалось переселить до двух миллионов крестьянских душ и, таким образом, перед якутским народом, прозябавшим в нищете и отсталости, нависла реальная угроза исчезновения с лица земли. Социальные катаклизмы, произошедшие в начале XX в., колониальный гнет, усиление классовых противоречий глубоко волновали поэта. Большую тревогу вызывала у Кулаковского географическая близость Якутии с такими крупными державами, как Япония, Китай и США, известными в истории своей хищнической политикой в отношении покоренных народов. И потому мыслитель боится, что в скором будущем родной якутский народ ассимилируется и исчезнет с лица земли.

Здесь необходимо заметить, что все три писателя были людьми энциклопедического склада ума, учеными, профессионально занимавшимися наукой. Глубокое знание жизни, многолетние наблюдения над бытом народа заставили их искать пути национального спасения от предстоящих глобальных катастроф.

Генетико-типологическое сходство наблюдается и в жанре трех произведений. Так, поэмы Ю. Баласагунского и А. Кулаковского, прозаическое произведение Абая имеют четко выраженную адресную направленность и были написаны в форме Обращения к народу, что восходит своими генетическими корнями также к литературным памятникам, написанным от имени древнетюркских правителей, призывавших свой народ к объединению. Произведения тюркоязычных писателей близки и по стилю повествования: авторы непосредственно обращаются к слушателям, апеллируя к их чувствам с помощью различных риторических фигур. Определяя жанровую форму «Кутадгу билиг» как риторико-дидактическую поэму, исследователь И. В. Стеблева отметила: «Построенная главным образом на диалогах и монологах действующих лиц, “Кутадгу Билиг” отличается широким использованием поэтического синтаксиса: риторических вопросов, обращения и восклицания, что напоминает эмоционально-патетический стиль орхонских текстов» [7, с. 100]. Эмоционально-образное восприятие произведения Алексея Кулаковского усиливают адресные обращения к слушателям и читателям, повторяющиеся неоднократно в различных вариантах: «Слушайте, дорогие, / Обратите внимание, милые, / Думайте, любезные мои!..» (Здесь и далее подстрочник наш. – В. С., Н. М.) [19, с. 197]; «Ой, парни мои / Ох, девоньки мои» [19, с. 203]; «О, несчастливые мои; Ну, бедняжки мои, / Печально исчезнуть / С лица земли / Горестно расставаться / С жизнью счастливой» [19, с. 227] и т. д. Пафос произведения Абая Кунанбаева также усиливают риторические вопросы, восклицания. Иногда слова сразу начинаются с обращений-апелляций к читателям: «Эй, мусульмане! Почему так устроена жизнь, что одни богаты, другие бедны, одни здоровы, другие больны, одни умны, другие глупы, одни предрасположены к добру, другие, наоборот, склонны к злодеянию?» [20, Двадцать восьмое слово]; «О, дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о проявлениях человеческого характера и его деяниях, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, вникните в их смысл, и ваши сердца преисполнятся любовью» [20, Тридцать восьмое слово].

Как видно, все три произведения, имеющие ярко выраженный дидактический характер, содержат обращения к народу. Для эмоционального и образного восприятия текста

авторами, собирателями родного фольклора, прекрасными знатоками народной мудрости, были широко использованы пословицы, поговорки, крылатые слова, образные выражения.

Культурное преобразование общества как концептуальная идея произведений

Рассуждая о национальной идее в произведениях Г. Матевосяна, Б. Шинкубы и других писателей как нравственном долге перед землей и предками, К. К. Султанов подчеркивал, что национальный мир – это не только магия непознаваемого своеобразия, не только почва и голос крови, но и путь, духовный выбор, самопознание, свобода от национальных предрассудков [21]. Понятно, что произведения, написанные в разные эпохи представителями разных тюркоязычных народов, отличаются друг от друга по жанру, содержанию, проблематике, объему, но все же их объединяет то, что концептуальной идеей произведений просветителей выступила идея культурного преобразования общества и все они явились идеологами духовного возрождения своих народов.

Как отмечено выше, древнетюркские авторы, обращаясь к тюркским племенам, жившим повседневной беспечной жизнью, призывали их к консолидации в борьбе против иноземных захватчиков, объединению вокруг своих правителей. В поэме «Благодатное знание» Юсуф Баласагунский, будучи крупным общественным деятелем, служившим при дворе великим хаджибом, наставляет создать тюркское государство, основанное на справедливости и нормах человеческого поведения. Поэт призывал положить конец войнам и разобщенности, которые тормозят развитие государства и сплотиться вокруг мудрого правителя для развития экономики и культуры.

Близка к размышлениям Баласагунского позиция Абая, утверждавшего, что отцы и деды обладали двумя характерными для казахского народа качествами: стремлением к единству и заботой о чести. В «Книге назиданий» он проводит мысль, что «...когда народ един со своим вождем, он не сгорит и в огне» [20, Тридцать девятое слово]. Шаман Кулаковского призывает сородичей не сломаться перед несчастьями, встретить удары судьбы достойно: «Пусть и притеснены были / Наши древние предки / С засиженных мест, / Бессмертием славимся мы, / Их бедные потомки» [19, с. 229]. В Письме к интеллигенции он выступает за сплочение всех слоев общества: «В данное время надежда только на тойонов и интеллигенцию: первые – все патриоты, потому могут оказать большие услуги советами, добрыми примерами и материальной поддержкой; роль вторых – быть инициаторами, агитаторами и руководителями» [22, с. 43].

Примечательно, что писатели, верно раскрывая существующие проблемы, указывали на способы их преодоления. Несмотря на то, что произведения разнонациональных классиков были написаны в разные исторические эпохи и время, мы находим в них удивительные смысловые сходжения. Ю. Баласагунский, А. Кунанбаев и А. Кулаковский как высокообразованные личности понимали, что существенным моментом социально-культурного преобразования и развития общества является овладение знаниями и основами науки. Юсуф Баласагунский в своей дидактической поэме уделял важное место знаниям как высшей общественно-исторической ценности:

Мое призванье – слово, а желание –
Восславить разум, возвеличить знания.

Во тьме незнания знания – свет зари,
Его сиянье – пламя изнутри,

Ум возвышает знающего имя
Над всеми именами остальными [23].

Поэт понимал значение образования и науки как путь к развитию общества и потому призывал поднять благополучие народа посредством распространения знаний и грамотности.

Абай Кунанбаев знал, что образование является не только важнейшим фактором социально-исторического и культурного развития всего народа, но и источником

благополучия отдельно взятого человека. Немало строк он посвятил пояснению ценности образования и знаний: «Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам, и не будет от него блага народу» [20, с. Двадцать пятое слово]; «Человек овладевает науками и знаниями тогда, когда всем своим существом стремится к истине и правде, пытается понять самую суть явлений. Наука ... существует для блага человека. И весь этот удивительный мир предназначен для людей» [20, Тридцать восьмое слово].

Кулаковский много задумывался над будущим родного народа и видел единственный путь спасения родного народа от всех бед в поднятии его культурного уровня, овладении знаниями:

Выжидая переселенцев,
Когда они придут на наши земли,
Пока они идут несметным
Полчищем в наши края,
Пока готовимся
Их принимать,
Так давайте освоим
Семьдесят семь их премудростей,
Восемьдесят восемь чудес –
Их похвальное на все времена
Волшебство – просвещение [19, с. 230].

На заседании Литературно-переводческой комиссии, состоявшемся 25 ноября 1924 г., автору было предложено объяснить причины опасения шамана по поводу переселения и написать примечание к поэме. Кулаковский выполнил просьбу членов комиссии и написал следующее: «...шаман советует единоплеменникам успеть за этот период времени усвоить русское “волшебство”, т. е. культуру, чтобы стать равными с пришельцами в борьбе за существование. Этим советом... лишь указывает на возможное средство устранения вымирания своей народности посредством поднятия его культурного развития» [19, с. 231].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что всех трех писателей-просветителей, представителей родственных народов, объединяет одна цель – воплощение в жизнь идеи культурного возрождения народа путем его развития, овладения знаниями и достижениями науки. Их жизнь была посвящена служению обществу.

Коалиция культур как двигатель прогресса

Классифицируя культуры разных периодов, степень их развития, Клод Леви-Стросс в работе «Раса и история» писал: «...всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур. Эта коалиция культур состоит в том, чтобы сделать общим достоянием осознанно или бессознательно, произвольно или непроизвольно, намеренно или случайно, стремясь к этому или по принуждению те шансы, что встречаются каждой культуре в ее историческом развитии. Наконец, мы признали, что эта коалиция тем более плодотворна, чем разнообразнее культуры, между которыми она устанавливается» [24]. Можно сказать, что взгляды Абая Кунанбаева и Алексея Кулаковского на многие явления жизни удивительным образом совпадают. Казахский и якутский мыслители понимали, что сближение родной культуры с другими высокоразвитыми культурами будет только способствовать культурному прогрессу общества. Оба считали естественным и полезным для общества перенять достижения высокоразвитых цивилизаций. Абай, как и Кулаковский, стремился к сближению с европейской культурой, овладению русским языком, утверждал, что «нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего народа»: «Нужно овладевать русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других

разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык – значит открыть глаза на мир. ...Русская наука и культура – ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно бы намного облегчить жизнь нашего народа» [20, Двадцать пятое слово]. Алексей Кулаковский, болея всем сердцем за свой народ, находящийся в то время в невыносимых условиях и бедственном положении, в своих трудах и произведениях проводил идеологию сближения с русским народом и русской культурой. Просветители прекрасно понимали, что пути выживания, национального спасения перед грядущими катастрофами – в духовно-культурном развитии, приобщении к цивилизации. Но при этом они придавали большое значение самобытности и этнической целостности народа и призывали воспринимать только то, что органично вписывается в национальное и способствует его обогащению.

Нужно отметить, что, будучи личностями с развитым рациональным мышлением, писатели призывали учиться различным ремеслам, овладевать практическими навыками. Ю. Баласагунский, восхваляя знания и учения, отметил:

Ученый независимей невежды:

Он знаньем хлеб добудет и одежды.

Постигнем знанья – будем всем нужны,

Не умаляйте, люди, их цены [23].

Абай Кунанбаев писал: «Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Достаток преходящ, ремесло – нет. Ремесленника, который живет на заработанное своим честным трудом, можно бы почитать как святого» [20, Тридцать третье слово]. Он выступал за совершенствование системы школьного образования и был убежден, что необходимы учебные заведения с практическим направлением, считал, что существующие медресе обучают точно так же, как и в седую старину, знания, получаемые в них, не отвечают духу времени и никак не могут быть применены в жизни. Взгляды казахского просветителя напрямую перекликаются с педагогическими воззрениями Алексея Кулаковского, подвергшего критике в своем Письме программу обучения в начальных и церковно-приходских школах за их оторванность от жизни: «...учась в них, дети знаний не приобретают, а от физических работ отвыкают. ... Нужны хоть по одной школе в каждом улусе с программой, соответствующей действительным потребностям нашей жизни» [22, с. 56]. Он ратовал за открытие сельскохозяйственных и ремесленных школ, в которых можно было получить не только знания, но и навыки по основам хозяйствования, экономики. Они могли бы открыть в последующем перед учениками широкое поле для практических действий. Здесь отчетливо прослеживается созвучность реформаторских взглядов просветителей на проблемы образования: все они выступают за модернизацию содержания существующей системы образования.

Близость размышлений обоих просветителей обнаруживается и в бережном отношении к основам национальной культуры. Хотя Кунанбаев и Кулаковский призывали активно перенять, использовать опыт русской культуры, они стремились сохранить культурную субъектность своих народов и выступали за обучение детей на родных языках. Так, Абай Кунанбаев писал: «Обучать детей хорошо, но, чтобы они служили своему народу, надо учить их родному языку. На нашей земле это становится почти невозможным. Сейчас люди стараются сперва разбогатеть, а потом дать образование детям непременно на арабском и персидском языках» [20, Двадцать пятое слово]. Алексей Кулаковский призывал ввести в школах якутскую письменность: «Нужно общее развитие детей на понятном для них языке, а не пичкание их ненужным барахлом из славянской, жидовской и греческой старины» [22, с. 56]. Примечательно, что все три писателя создали свои произведения-обращения к народу на родных языках: тюркском, казахском и якутском. Будучи высокообразованными людьми, они имели возможность сочинить свои труды на самых используемых в то время языках – арабском,

русском. Но из-за желания развивать родной язык, поднимать его социальный статус, написали свои произведения на языке, на котором разговаривал простой человек.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что концептуальная национальная идея развития общества у великих тюркоязычных мыслителей была ориентирована на мирный путь прогресса и развития культуры. Так, в Письме «Якутской интеллигенции» А. Е. Кулаковский писал: «...я убежден, что из-за пяди земли человечество еще два-три века будет проливать человеческую кровь в ужасных и глупых войнах, пока цивилизация и наука окончательно не восторжествуют и не уничтожат традицию и варварство...» и призывал «жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики!...» [22, с. 72; 43].

Заключение

Удивительно, что, несмотря на существенные различия во времени, полное отсутствие взаимных историко-культурных связей, Юсуф Баласагунский, Абай Кунанбаев и Алексей Кулаковский написали схожие по смыслу произведения в форме Обращения к народу, жанр которого уходит в глубинные корни их национальных культур. Все три произведения объединяет то, что они были написаны величайшими писателями – духовными лидерами, занимавшими особое место в истории своих народов, универсальными личностями, имеющими высокий авторитет среди сородичей. Целью просветителей было призвать родной народ овладевать знаниями, наукой и они, чувствуя высокую ответственность за судьбы народов, взяли на себя на новом этапе истории миссию транслятора духовных ценностей и воспитателя масс. Фундаментальной идеей их концепции была идея национального возрождения родного народа по цивилизационному и прогрессивному пути развития общества – овладения знаниями, умениями, достижениями наиболее развитых культур при сохранении национальной идентичности, языка и этнической самобытности. Творчество великих писателей благотворно повлияло не только на современников, но и на последующее развитие национальной словесности и культуры тюркоязычных народов. Можно надеяться, что в будущем сравнительно-типологическое изучение истории родственных литератур станет предметом еще более пристального изучения, серьезных научных исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Зулумян, Б. С. У истоков армянской культуры. Типологические черты / Б. С. Зулумян // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Выпуск I. – Москва : Наследие, 1995. – С. 124–134.
2. Антонов, Н. К. Лекции по тюркологии / Н. К. Антонов. – Якутск : Издательство Якутского государственного университета, 1976. – 63 с.
3. Иванов, С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского / Юсуф Баласагунский ; издание подготовил С. Н. Иванов // Благодатное знание : [поэма]. – Москва : Наука, 1983. – С. 518–538.
4. Кононов, А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» / Юсуф Баласагунский // Благодатное знание : поэма. Издание подготовил С. Н. Иванов. – Москва : Наука, 1983. – С. 495–517.
5. Валитова, А. А. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг» / А. А. Валитова // Советское востоковедение. – 1958. – № 5. – С. 88–102.
6. Кляшторный, С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг» / С. Г. Кляшторный // Советская тюркология. – 1970. – № 4. – С. 82–86.
7. Стеблева, И. В. Поэтика “Кутадгу билиг” / И. В. Стеблева // Советская тюркология. – 1970. – № 4. – С. 94–100.
8. Тажибаев, Т. Т. Философские, психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева / Т. Т. Тажибаев. – Алма-Ата : Казгосиздат, 1957. – 80 с.
9. Габдуллин, Б. Г. Этические воззрения Абая / Б. Г. Габдуллин. – Алма-Ата : Казахстан, 1970. – 102 с.

10. Бейбытова, К. Д. Традиции Абая в казахской поэзии начала XX века / К. Д. Бейбытова. – Алматы : Рауан, 1997. – 224 с.
11. Орынбеков, М. С. Философские воззрения Абая / М. С. Орынбеков. – Алматы : Билим, 1995. – 135 с.
12. Шаймерденова, К. Ш. Педагогические взгляды Абая Кунанбаева / К. Ш. Шаймерденова. – Алма-Ата : Рауан, 1990. – 54 с.
13. Башарин, Г. П. Три якутских реалиста-просветителя / Г. П. Башарин. – Якутск : Книга, 1994. – 148 с.
14. Тобуроков, Н. Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии = Изучение жизни и творчества Ексеюлях Алексея в высшем учебном заведении / Н. Н. Тобуроков. – Якутск : Кудук, 2001. – 112 с.
15. Протодяконов, В. Н. “Ойуун түүлэ” кэм-кэрдии дьүүлүгэр = Судьба произведения “Сон шамана” / А. Е. Кулаковский // Сон шамана. – Якутск, 1994. – С. 33–42.
16. Сидоров, Е. С. “Сон Шамана” – памятник общественной мысли в Якутии / А. Е. Кулаковский // Сон шамана. Перевод, комментарии и исследование Е. С. Сидорова. – Якутск : Бичик, 1994. – С. 3–61.
17. Огорокова, В. Б. Өксөкүлээх Өлөксөй – саха Нострадамуһа = Ексеюлях Алексей – якутский Нострадамус / В. Б. Огорокова // Якутская литература между двумя веками. – Якутск, 2000. – С. 52–68.
18. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 450 с.
19. Кулаковский, А. Е. Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 1 : поэтические произведения / Составитель Л. Р. Кулаковская. – Новосибирск : Наука, 2009. – 631 с.
20. Кунанбаев, А. Слова назидания / Перевод С. Санбаева. – URL: <https://abai.kaznu.kz/rus/?p=113> (дата обращения 25.11.2023 г.).
21. Султанов, К. К. Национальная идея и национальная литература / К. К. Султанов // Нация. Личность. Литература. Выпуск 1. – Москва : Наследие, 1996. – С. 24–32.
22. Кулаковский, А. Е. Якутской интеллигенции / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1992. – 78 с.
23. Юсуф Хас Хаджиб Баласагуни. Кутадгу Билиг = Благодатное знание / Перевод С. Н. Иванова. – Москва : Наука, 1983. – 560 с. – URL: <https://coollib.net/b/258125-yusuf-has-hadzhib-balasaguni-blagodatnoe-znanie/read> (дата обращения 25.11.2023 г.).
24. Леви-Стросс, К. Раса и история / К. Леви-Стросс. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-design/32906-klod-levi-stross-rasa-i-istoriya.html> (дата обращения 25.11.2023 г.).

References

1. Zulumyan, B.S. (1995). *At the origins of Armenian culture. Typological features. History of national literatures. Rereading and rethinking*. Moscow: Nasledie, 1, pp. 124–134. (In Russ.)
2. Antonov, N.K. (1976). *Lectures of Turkology*. Yakutsk: Yakut State University, 63 p. (In Russ.)
3. Ivanov, S.N. (1983). *About «Blessed Knowledge» of Yusuf Balasaguni*. Moscow: Nauka, pp. 518–538. (In Russ.)
4. Kononov, A.N. (1983). *Poem of Yusuf Balasaguni “Blessed Knowledge”*. Moscow: Nauka, pp. 495–517. (In Russ.)
5. Valitova, A.A. (1958). *To the question of folklore motifs in the poem “Kutadgu bilig”*. Soviet Oriental Studies, 5, pp. 88–102. (In Russ.)
6. Klyashtorny, S.G. (1970). *Era of “Kutadgu bilig”*. Soviet Turkology, 4, pp. 82–86. (In Russ.)
7. Stebleva, I.V. (1970). *Poetry “Kutadgu bilig”*. Soviet turkology, 4, pp. 94–100. (In Russ.)
8. Tazhibayev, T.T. (1957). *Philosophical, psychological and pedagogical views of Abai Qunanbayev*. Alma-Ata: Kazgosizdat, 80 p. (In Russ.)
9. Gabdullin, B.G. (1970). *Ethical views of Abai*. Alma-Ata: Kazakhstan, 102 p. (In Russ.)
10. Beybitova, K.D. (1997). *Abai traditions in Kazakh poetry of the early 20th century*. Almaty: Rauan, 224 p. (In Russ.)
11. Orynbekov, M.S. (1995). *Philosophical views of Abai*. Almaty: Bilim, 135 p. (In Russ.)

12. Shaymerdenova, K.Sh. (1990). *Pedagogical views of Abai Qunanbaev*. Alma-Ata: Rauan, 54 p. (In Russ.)
13. Basharin, G.P. (1994). *Three Yakut Realist Educators*. Yakutsk: Kniga, 148 p. (In Russ.)
14. Toburokov, N.N. (2001). *Studying the life and art of Eksekulyakh Aleksey in a higher educational institution*. Yakutsk: Kuduk, 112 p. (In Yakut.)
15. Protodyakonov, V.N. (1994). *The Fate of the Work "The Dream of a Shaman"*. Yakutsk, p. 33–42. (In Yakut.)
16. Sidorov, E.S. (1994). *"The Dream of a Shaman" – monument of public thought in Yakutia*. Shaman's Dream. Translation, comments and research by E.S. Sidorov. Yakutsk: Bichik, pp. 3–61. (In Russ.)
17. Okorokova, V.B. (2000). *Eksekulyakh Aleksey – Sakha Nostradamus*. Yakut literature between two centuries. Yakutsk, pp. 52–68. (In Yakut.)
18. Humboldt, V. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Progress, 450 p. (In Russ.)
19. Kulakovsky, A.E. (2009). *Full collection of works: poetry*. Novosibirsk: Nauka, 631 p. (In Russ.)
20. Kunanbaev, A. *Words of edification*. Translated by S. Sanbaev. [online] Available at: <https://abai.kaznu.kz/rus/?p=113> (Accessed 25 November 2023). (In Russ.)
21. Sultanov, K.K. (1996). *National idea and national literature*. Nation. Identity. Literature. Issue 1. Moscow: Nasledie, pp. 24–32. (In Russ.)
22. Kulakovsky, A.E. (1992). *To the Yakut intelligentsia*. Yakutsk: Yakut Book Publishing House, 78 p. (In Russ.)
23. Balasaguni Yusuf Hash Hajib. *Kutadgu Bilig ("Blessed Knowledge"), translated into Russian by Ivanova S.N.* Available at: <https://coollib.net/b/258125-yusuf-has-hadzhib-balasaguni-blagodatnoe-znanie/read> (Accessed 25 November 2023). (In Russ.)
24. Levi-Stross, K. *Race and history*. [online] Available at: <https://libking.ru/books/nonf-/design/32906-klod-levi-stross-rasa-i-istoriya.html> (Accessed 25 November 2023). (In Russ.)

СЕМЕНОВА Валентина Григорьевна – д. филол. н., зав. кафедрой якутской литературы ИЯКН СВ РФ, СВФУ.

E-mail: semenova_ykt@mail.ru

SEMENOVA Valentina Grigorievna – Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Sakha Literature of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, North-Eastern Federal University.

МАЙНАГАШЕВА Нина Семеновна – к. филол. н., директор сектора литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

E-mail: nina_71@inbox.ru

MAINAGASHEVA Nina Semenovna – Candidate of Philological Sciences, Director of the Literature Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

Образ национального пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье»

Е. Ю. Шестакова

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета
в г. Северодвинске, г. Северодвинск, Россия

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении своеобразия художественного воплощения образа национального пейзажа в повести «Богомолье» писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Актуальность исследования определяется очевидно нарастающим интересом в современном литературоведении и научной сфере к богатому творческому наследию писателя, стремлении раскрыть оригинальность, уникальность, самобытность его таланта, многогранность художественного мира. Методами предпринятого исследования стали описательный, интерпретационный, биографический. Полученные в ходе литературоведческого анализа результаты показали, что образ национального пейзажа, представленный в повести И. С. Шмелева «Богомолье», содержит двухплановую структуру, соединяет реалистический и идеальный уровни. Это объясняется спецификой детского мировосприятия, поскольку образ природы дан сквозь призму взгляда героя-ребенка. Трактовка темы родного пейзажа строится на основе мотива красоты, актуализированного в установке на изображение восхищения маленьким героем неповторимостью, очарованием, изяществом окружающего мира. Дискурс автора, включенный в текст, привносит в повествование черты идеализации, связанные с мотивом воспоминаний об ушедшем детстве и утраченной в социальных катаклизмах Родины. Образ русской природы в повести «Богомолье» развивает мотивы тишины, покоя, радости, радостного восхищения природным миром, чуда, сказочности, одухотворенности. Лейтмотивными в поэтике произведения являются пейзажные образы солнца, света, ослепительного блеска, сближающиеся с мотивом радости и образом «золотого» детства. Важной цветовой доминантой в повести «Богомолье» становится розово-золотая, белая и синяя гаммы, оттеняющие представление об освященности Божьего мира и перекликающиеся с ностальгическими мотивами. Исполненные символизма образы Пасхи и мотив пасхальной радости вводят в текст тему вечной жизни, спасения и воскресения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, русская литература, литература русского зарубежья, детство, образ детства, герой-ребенок, детские образы, образ природы, образ национального пейзажа, повесть «Богомолье».

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Образ национального пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье». Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

The image of the national landscape in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Shmelev

E. Yu. Shestakova

Humanitarian Institute of the Severodvinsk Branch of the Northern (Arctic) Federal University,
Severodvinsk, Russia

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to examine the peculiarities of the artistic embodiment of the national landscape image in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Sergeevich Shmelev, a writer of the first half of the 20th century. The relevance of the study is determined by the apparently growing interest of modern literary and scientific circles in the rich creative heritage of the writer, the desire to reveal the originality, uniqueness and singularity of his talent, the versatility of the artistic world. The research methods used were descriptive, interpretative and biographical. The results of the literary analysis show that the image of the national landscape presented in the "Pilgrimage" by I. S. Shmelev has a two-dimensional structure, combining realistic and ideal levels. This is explained by the peculiarity of children's view of the world, as the image of nature is given through the prism of the child protagonist's point of view. The treatment of the theme of the native landscape is based on the motif of beauty, updated in the setting of the young hero's admiration for the uniqueness, charm and elegance of the surrounding world. The author's discourse, included in the text, brings to the narrative features of idealisation, associated with the motif of memories of a bygone childhood and a homeland lost in social cataclysms. The image of Russian nature in "Pilgrimage" develops the motifs of silence, peace, joy, joyful admiration of nature, wonder, fairy tale and spirituality. The leitmotifs in the poetics of the work are the landscape images of sun, light, dazzling brilliance, which converge with the motif of joy and the image of "golden" childhood. In "Pilgrimage", the dominant colour is the rose-gold, white and blue scale, which shades the idea of the sacredness of God's world and echoes nostalgic motifs. The symbolic images of Easter and the motif of Easter joy introduce the theme of eternal life, salvation and resurrection into the text.
Keywords: Ivan Sergeevich Shmelev, Russian literature, Russian émigré literature, childhood, image of childhood, child protagonist, children's images, image of nature, image of the national landscape, the short novel "Pilgrimage".

For citation: Shestakova E. Yu. The image of the national landscape in the short novel "Pilgrimage" by Ivan Shmelev. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 128–138. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-128-138

Введение

Творческий путь писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) разделен историческими событиями 1917 г., породившими вынужденную эмиграцию и расставание с горячо любимой Родиной. Охваченный чувством острой ностальгии, писатель создает повесть «Богомолье», ведущей художественной установкой которой явилось изображение детства верующего ребенка, включенного в контекст жизни православной России. Произведение носит автобиографический характер. Образ национального пейзажа в произведении становится неотъемлемой частью духовно-нравственного бытия русского человека. В теме русской природы писатель «видит опору для пошатнувшейся духовности человека» [1, с. 161].

Актуальность темы исследования определяется пристальным вниманием современных литературоведов к творчеству И. С. Шмелева. Определены следующие задачи исследования: 1) обозначить хромотопическую структуру повести И. С. Шмелева «Богомолье», определяющую специфику решения темы природы; 2) раскрыть повествовательные дискурсы произведения; 3) выявить своеобразие детского восприятия окружающего мира, отраженного в тексте; 4) отразить особенность авторского дискурса, обращенного к образу национального пейзажа.

Пейзаж стал главным направлением в литературоведческих исследованиях Е. А. Аникейчик [1], Д. А. Богач [2], Р. А. Воронина [3], Б. Е. Галанова [4], Т. Я. Гринфельд-Зингурс [5], Л. В. Гурленовой [6, 7], Т. А. Дьяковой [8], М. Н. Эпштейн [9]. Исследованию проблемы пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье» посвящены труды Х. Баяна [10], Е. Н. Давыдовой [11], Е. А. Коршуновой [12], А. М. Любомудрова [13], Д. В. Макарова [14], Т. В. Марченко [15], О. С. Мерцаловой [16], Е. Г. Рудневой [17], Н. С. Степановой [18] и др. Вместе с тем вопрос о специфике пейзажа в повести И. С. Шмелева «Богомолье» не является полностью исчерпанным.

Методология осуществленного исследования включает в себя основные литературоведческие методы. Сравнительно-исторический метод позволил обозначить исторический, социальный и культурный контексты, оказавшие значительное влияние на создание повести. Изучение творческого и жизненного пути писателя в рамках биографического метода помогло раскрыть специфику художественного видения автора, проявленного в «Богомолье». С помощью метода целостного анализа текста обозначены особенности эпохи, своеобразие художественного мира произведения, хромотопической структуры и т. д. Последовательное описание анализируемого материала, его систематизация решены в рамках описательного и интерпретационных методов.

Материалом исследования явилась повесть И. С. Шмелева «Богомолье» (1930–1931). Практическая значимость работы заключается в расширении представлений о многогранности художественного мира писателя. Результаты исследования могут быть полезны в изучении курса русской литературы в вузах и школах.

Результаты исследования. Особенности хромотопической структуры повести «Богомолье» и образ природы

Цельность композиционной структуры повести «Богомолье» поддерживается хромотопом дороги и образом летнего пейзажа. Время действия произведения ограничивается несколькими июньскими днями. Путь паломников (героя-ребенка, его воспитателя плотника Михаила Панкратовича Горкина, конюха Антипушки, бараночника Федя, банщицы Домны Панферовны, ее внучки Анюты) начинается в Замоскворечье, продолжается в Москве, преимущественно проходит по Троицкой дороге и заканчивается в Троице-Сергиевой Лавре. Движение по направлению к Лавре «переживается автором и персонажами как личный мировоззренческий путь» [19, с. 5].

Итак, образы пути и летней природы становятся определяющими в хромотопической структуре произведения. Паломничество, совершаемое героем, позволяет автору наиболее полно изобразить картины родной природы. Одновременно с этим герой-ребенок и автор-повествователь совершают внутреннее, духовное путешествие. Летний пейзаж ассоциативно связан с образом «золотого детства» и мотивом красоты окружающего мира.

Повествовательные дискурсы текста и пейзажная образность

Каждый из пространственных пейзажных ориентиров описывается из перспективы ребенка, чья точка зрения в повествовательной структуре произведения является преобладающей, за исключением редких вкраплений «голоса» зрелого автора. Доминирующее детское мировосприятие привносит в изображаемый пейзаж мотивы радости, чуда, сказочности, одухотворенности, тему открытия мира. Если маленький герой излагает свои впечатления из настоящего времени, то взрослый повествователь

занимает ретроспективную позицию, включая в природоописательные картины ностальгические мотивы и тему памяти.

Следовательно, доминантной особенностью повествовательного дискурса повести «Богомолье» является наличие двух точек зрения – героя-ребенка и автора-повествователя. Взгляд маленького героя на природу выстраивается из настоящего времени, взрослого повествователя – из настоящего в прошлое, которое навсегда утрачено.

Специфика детского восприятия образа природы в произведении

Преобладающими характеристиками природных образов в повести становятся визуальные и обонятельные ощущения героя-ребенка, переданные упрощенно («красная смородина», «пахнет дорогой», «пахнут фиалочки ночные», «густо пахнет березой, сеном, какими-то горькими цветами») и одновременно с использованием сложных конструкций и изобразительных средств («светло-зеленая гладь», «словно там льется золото», можжевелник «пахнет душистым ладаном», «золотятся крупные бубенцы», разряд грома «трещит, словно ворох лучины бросили») [20, с. 410]. Все это свидетельствует о наделенности юного рассказчика острой наблюдательностью, способностью глубоко чувствовать и понимать красоту окружающего мира.

Общение с народом вносит в природную картину, воспринимаемую мальчиком, народно-поэтическую образность («красавица зорька», которая «в небе загорелась»; выходящее из «большого леса <...> солнышко; «лежим на траве-мураве») [20, с. 410]. Юный путешественник учится народным приметам, помогающим узнать будущее природное ненастье. Так, он на собственном опыте постигает, что кукушки предвещают грозу. Образы птиц, животных, насекомых сопровождают маленького героя во всем его пути, крик петуха служит началом паломничества, пчелы жужжат на цветах, голос кукушки «обмыло дождем» и она стала «гулкая» [20, с. 459], медведь когда-то доверчиво приходил к Преподобному.

Образ солнца, света и мотив солнечного летнего дня интенсивно развернуты в текстовых пейзажных зарисовках. По словам И. А. Ильина, «здесь все пронизано благодатным, врачующим светом: и слово, и образы, и та последняя предметная глубина, ради которой пропето это повествование» [21, с. 50]. Восходящее утреннее солнце, окрашивающее природное пространство в розовые, красные и золотые цвета, знаменует не только начало паломнического пути, но и зарю жизни маленького героя. Отсюда обилие эпитетов «первый», «свежий», «молодой», применяемых к образу зеленого лука, утренней прохлады, царящей в Часовне Иверской Божией Матери и лавках. Мотив чистоты и образ «лучезарного света», разлитого в «голубом, глубоком небе» [20, с. 437], в запахе березовых листьев, травы, цветов, соотносится с внутренним духовным состоянием ребенка, его безгрешностью и безмятежностью.

В первых главах повести развернуты преимущественно реалистичные пейзажные картины. Герой передает свои радостные впечатления от первого утра перед предстоящим путешествием, предвкушает будущую встречу с Лаврой и Преподобным, описывает московские улицы, по которым проезжает, часовни, храмы, Кремль, Соборы, лавки. Розово-золотая, белая и синяя колористические гаммы, мотивы света, дымки, легкого тумана, тишины имеют отчетливо выраженную реалистическую мотивировку, связанную с восходом утреннего летнего солнца и начинающегося дня. Однако уже здесь намечается отступление от изображения обыденной природной картины, появляются детали «эмоционально-смысловых природоописаний» [22], определяемых настроением героя-ребенка («воздух пахнет как будто радостью», «на дворе весело от солнца»), и образ одухотворенного пейзажа («воздух – как облака, кадильный», «священный Кремль», «свечи над ним (Замоскворечьем – Е. Ш.) мерцают – белые колоколенки с крестами») [20, с. 411, 416]. Далее в тексте цветовые характеристики пейзажных образов преимущественно будут «пронизаны православным духом» [23, с. 16].

В начальных главах повести появляется образ Троицкой колокольни, возникающий как образ-мечта, образ-греза. Его необычность подчеркивается словом Там, обозначающим принципиальную пространственную противопоставленность настоящей действительности, в которой пребывает герой. Троице-Сергиева Лавра с центральной Троицкой колокольней представляется мальчику миром духовной чистоты, красоты, света и веры. Начиная с главы «Богомольный садик», эмоциональные природоописания и «теологический пейзаж» [24] получают в повести наиболее полное развитие. Троицкая дорога осмысливается «святой», от травы исходит «вялый и теплый запах, как на Троицын день в церкви», небо – «как на святых картинках», его голубой цвет получает оценку «чудесного» и «радостного» [20, с. 429]. Здесь голубой (синий) цвет выражает «трансцендентное, неземное» начало, «символизирует непостижимость тайны и вечную божественную истину», «становится художественным способом передачи информации о высшей истине христианства» [23, с. 16]. Радостью, чувством духовного родства, настроением общей веры в «Богомолье» охвачены и люди, и животные: «И люди ласковые такие, все поминают Господа, <...> будто мы все родные. <...> Хрюкают в сараюшке свиньи, гогочут гуси, словно встречают нас» [20, с. 419]. Лошадь Кривая с удовольствием слушает молитвенные «стишки», «и ей хорошо, как нам» [20, с. 428].

Весь текст повести может быть интерпретирован сквозь мотив восхищения красотой окружающей природы. Герой-ребенок отмечает обилие цветов («крупные белые ромашки», «синие колокольчики», «кашка, бубенчики, морковник, купырки, свербика, белоголовничек»), ягод («горит красными огоньками смородина»), травы («гуще каши»), «густой, горячий, совсем медовый воздух» [20, с. 429]. При этом мотив красоты не становится доминирующим в тексте, автору важно раскрыть освященность, омоленность изображаемого пейзажного пространства. Описывая ягоды земляники, ребенок выделяет не столько их яркий цвет (красные и розовые), издаваемый чудесный звук («они шуршат, будто позванивают»), аромат («пахнет так сладко»), но прежде всего их «святость» – «радостным богомольем пахнет», «земляничка божия» [20, с. 435–436]. Метафора «душистые огоньки живые» подчеркивает одухотворенность прекрасного творения Божия. Образ красного (розового) цвета в данном случае выражает значение «тепла, любви, жизни, животворной энергии» [23, с. 16]. Не случайно с образом земляники в повествовательную структуру повести впервые входит дискурс автора, выражающего собственные впечатления-воспоминания, полные света и любви: «И до сего дня помню радостные те ягодки, на солнце» [20, с. 436]. Образ отца в детском восприятии также связывается с «чудесным» земляничным запахом, ароматом любви и красоты.

Образ речной воды видится герою необыкновенно красивым («в колком блеске из серебра») и «святым» («на струйках играют-сверкают крестики», «речка кажется мне святой») [20, с. 429]. Мотив «живой воды» вводит в текст повести тему сказки и связанного с ней чуда. В детском восприятии событие религиозного чуда (исцеления духовного и телесного, получаемого после омовения с молитвой в святом источнике) соединяется со сказочными сюжетами о «живой воде» и бытующими в народе слухами о кладе разбойников. В этом эпизоде акцентируется антиномия воды в реке Яуза, протекающей в Москве («Яуза черная и вонючая») и на Троицкой дороге («Яуза тут родится, от родников») [20, с. 429]. Образ «Москвы-ада», пребывающей в суете и греховности, противопоставляется «белой» «святой» Троицкой дороге и Троице-Сергиевой Лавре с их мирной тишиной, внутренней и внешней упорядоченностью, чистотой и светом.

Образ «розово-золотого» природного мира на Троицкой дороге обретает ярко выраженное символическое звучание, воплощает значения любви, радостного детства, «светоносности» и «Божьей благодати» [23, с. 16]. На «святом» пути одухотворено все: и «золотая пыль», поднимаемая проходящим табуном овец, и «багряно золотящиеся избы» крестьян, и «розовые куры», и «розово-золотистые соломенные крыши и березы» [20, с. 438]. Начиная с главки «У креста», образ-символ розово-золотистого цвета

осложняется образом Пасхи и мотивом пасхальной радости. Образ «утреннего солнца» сравнивается с таким «праздничным», каким оно бывает в «Светлый день» [20, с. 447]. Запах шиповника напоминает «священный аромат», исходящий от «плащаницы», Троицкая колокольня уподобляется «розовой свече пасхальной» [20, с. 456]. Теперь она является герою как чудесное, священное видение, посылаемое Богом чистой детской душе как утешение в будущих жизненных испытаниях. Мотив «живой» Троицкой колокольни восходит к образу Живоначальной Троицы, соотнесение с «великой пасхальной свечой» связано с воскресением Господа Иисуса Христа. Герой не случайно видит образ Троицкой колокольни перед встречей с отцом. Он словно получает «послание» от Бога о том, что его отец не умрет, так как «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22:31–32).

Мотив изобилия («Куда ни глянь – все рожь, нынче хлеба богатые», «рожь льется») [20, с. 448] сопровождает образ Троицкой дороги. Идиллический пейзаж в повести не всегда сохраняет свою целостность, реальные события разрушают его очарование. Молния и гром прерывают безмятежный путь паломников, вызывая сильный страх. Восприятие молнии и громовых раскатов героем-ребенком овеществлено, уподоблено обычным, знакомым предметам: «будто огненная веревка, спуталась и ушла под тучу», «словно шары катает» [20, с. 455]. Образ дождевой тучи в детском представлении обретает облик сурового «Господа Саваофа», которому возносит молитвы народ, ее «белые клочья» напоминают «бороду» [20, с. 455]. Дождь, пришедший на смену изматывающей жаре, приносит природе и людям бодрость, свежесть, воспринимается как «благодать Господня» [20, с. 455]. Мотив сказочности окружающего пейзажа проявляется в описании «темных боров», воспринимаемых героем-ребенком «самыми страшными местами», а деревню Кашеевку (в самом ее названии заложена связь с волшебной сказкой) – пространством, угрожающим гибелью от людей («где зарезали щепетильщика») или животных («медведя видели») [20, с. 453]. Эпизоды венчает счастливый сказочный финал, все угрозы и опасности оказываются мнимыми, придуманными, вызванными народными слухами, искажающими реальные события.

По мере приближения паломников к Троице-Сергиевой Лавре усиливается мотив сакрализации окружающего природного мира. Все, что видит вокруг себя юный герой, обретает характер святости, так как места, мимо которых он проходит, «исхожены стопами Преподобного»: можжевельник «пахнет душистым ладаном», «ночнушки-любки» напоминают «тонкие восковые свечки» [20, с. 453]. Сад около дома игрушечника Аксенова обретает свойства «райского» с обязательными мотивами изобилия и красоты: «Сад – и конца не видно <...> крыжовник <...> шиповнику сколько хочешь <...> и вишни, и яблони, и сливы <...> ну чего только душа желает» [20, с. 476–477]. И. А. Ильин писал: «Богомолье! <...> мы научились видеть Бога – и в ее (России – Е. Ш.) природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа)» [21, с. 52].

Вначале описание Посада содержит черты реального хронотопа, герой отмечает пространственные детали обычного провинциального города, напоминающего деревенский пейзаж: «домики», «садошки», «огороды с канавами», «тихие улицы в мягкой травке» [20, с. 464], окруженные лопухами и крапивой, пожарную каланчу. Мотивы тишины и покоя, сопровождающие образ Посада, описание неторопливого, размеренного бытия местных жителей, противопоставляют провинциальный город шумной, неугомонной Москве: «торопиться некуда, не Москва» [20, с. 465]. Однако мотив идеализации постепенно становится преобладающим, на что указывала Е. Н. Давыдова: «Идеальность и мифологичность мира <...> возникает в повести в связи с использованием И. С. Шмелевым традиции идиллии» [11, с. 48]. В описании посадской гостиницы основными цветами являются белый и золотой, символизирующих чистоту, «устремленность к духовной простоте» [23, с. 16] и святость места («белое здание», «старичок в белом подряснике и камилавке», «белые занавески», «белый клубок

архиерея», «золотые покои», «золотые запонки», «золотой венчик», «полоса золотого цвета») [20, с. 480–481]. Такое «сочетание бытовизма со своеобразной идеализацией действительности» является яркой «самобытной чертой» [24] художественной манеры писателя.

Центром Посада является Лавра с «розоватой колокольней-Троицей», «видной отовсюду» [20, с. 480]. Вместе с тем образ Троицкой колокольни, увиденный ребенком в реальности, сохраняет прежние черты одухотворенности, выраженной в мотивах света и блеска, символике розового, голубого и золотого цветов. Образ-мотив золотого цвета получает интенсивное развитие в метафоре льющегося золота, ребенку представляется, что от колокольни изливается ослепляющий Божественный свет. В детском восприятии Посад быстро утрачивает признаки бытового пространства, образ «живого» Преподобного наполняет его пасхальной радостью и верой в то, что смерть побеждена Господом и всех ожидает будущее воскресение.

В Посаде герой встречается с отцом, посещает вместе с ним Лавру, припадает к мощам святого Сергия Радонежского. В образе героя отражены черты реального отца писателя Сергея Ивановича Шмелева. Образ отца в восприятии любящего сына неразрывно связывается с описываемым сакральным пейзажем, наполняется пониманием его неизбежной утраты и надеждой на встречу в инобытийном пространстве. Запахи «жары и земляники», седла, флердоранжа, «розовые стены» Лавры, ее «синие купола со звездами», Святые ворота, благовест, от которого «дрожит земля», «белые, голубые, розовые церкви», простор и звон, «остро кричащие стрижи», реющие ласточки, «хлебный дух теплый», исходящая «свежесть» от лаврского цветника, вода, «бьющая из Креста» [20, с. 483–484], – все это в представлении маленького героя сливается в единый одухотворенный образ любви, красоты и света.

Особенности видения ребенком окружающего пейзажа, отмеченные выше, проявляются и в изображении Троицкого собора, включающего черты реального («маленькая белая церковь с золотой кровлей», внутри «темно и душно», «мерцает позолота и серебро», «золотятся-мерцают венчики», «пылают свечи», «голубоватый ладан») [20, с. 485] и сакрального пространства. Эмоциональное мирочувствование мальчика выходит за пределы обыденности, в его воображении голуби, воркующие под крышей храма, являются воплощением Святого Духа, а образ Троицкого собора обретает высокое духовное значение, поскольку там находятся мощи Преподобного, сила молитвы которого способна вывести человеческую душу из греховной «темницы» к Божественному свету, одарить душевным и телесным здравием. Даже «квасная» в детском восприятии напоминает церковь, в этом «святом» месте стены увешаны иконами, пахнет хлебом, а сам квас является «освященным, благословенным» [20, с. 487].

Завершающая глава повести («Благословение») строится вокруг старца Варнавы – «солнышка Господня» [20, с. 510–511]. Д. В. Макаров указывает, что «композиционно повесть построена как восхождение героев на свой Фавор – к видению Божьего Света» [14, с. 8]. Старец Варнава связан с образом света, герой не может смотреть на человека, при жизни достигшего святости, ослепительно прекрасного в своей вере и духовной любви. И. С. Шмелев «создает образы праведников, опираясь на эстетическую традицию православия изображать святых и праведников в сиянии света» [25].

Пейзажные характеристики пространства, окружающего старца Варнаву, сплетаются с мотивами простоты, тишины и образом Преподобного. Как святой Сергей Радонежский жил в простоте («старенькая риза Преподобного, простая, синяя, без золотца», «деревянная ложечка его»), так и старец Варнава, полный глубокого смирения, обитает в маленьком «сером домике», к которому ведет «тихая» «святая дорога» [20, с. 507–510]. Жизнь обоих старцев проходила на лоне прекрасной благодатной природы, наполненной «богатыми лугами с цветами, крупными ромашками и колокольчиками», от которых «священным пахнет» [20, с. 509]. Автор подчеркивает,

что прежде всего их молитвенный подвиг освятил окружающий мир, приблизил его к райскому Эдему, очистил от греха и духовной нечистоты.

Итак, детский взгляд на окружающий природный мир совмещает в себе реалистический и идеальный планы. Родной пейзаж в глазах маленького героя не только поэтизируется, но и одухотворяется, обожествляется.

Восприятие автором-повествователем пейзажа в тексте

Приближение к финалу повествования (глава «У Троицы») характеризуется сменой повествовательного дискурса, взрослый автор выступает на первый план, насыщая текст картинками-воспоминаниями, являющимися неотъемлемой составляющей национального пейзажа: «я», отец, просфора, столы, служки, девушки, старушки-паломницы, гусиные перья, которыми пишут записки «о здравии» и «об упокоении». Своеобразным «сигналом» переключения повествовательных ракурсов в тексте становится фраза «розовый свет далекого» [20, с. 495]. Образы-мотивы розового и белого цвета получают новую семантику, включаются в ведущий ностальгический мотив авторского дискурса. Воспоминания зрелого повествователя детализируются, содержат перечисление «розовых сучков на лавках и на столах», «чистых рук девушек, несущих бережно просвирки» [20, с. 495–496]. Образы-картины авторского дискурса в изобилии насыщаются визуальными («розовая на мне рубашка», «розоватый пиджак отца», «розовато-пшеничная просфора», «белые узелки», «белые платочки девушек»), обонятельными («пряный воздух, веющий от душистых квашней в просфорной») и акустическими образами («шорох и шелест» от гусиных перьев) [20, с. 495–496]. Настойчивый повтор фраз («все и доньше вижу, слышу и чувствую», «все и доньше вижу») [20, с. 496] ориентируется на передачу мыслей и чувств автора, выражающих идею любви к России, всегда живущую в сердце.

Ностальгический мотив находит выражение в образах дымки и тумана, наблюдаемых в повествовательной структуре произведения: Москва-река «в розовом туманце» (глава «Москвой»), деревня «словно дрожит в воздухе», Троицкая колокольня «сияет-дрожит» (глава «На святой дороге»), «бьется-дрожит в глазах» (глава «У креста»). Реалистическая интерпретация описываемых визуальных образов (состояние жары, испарения от земли, усталость юного паломника) обретает условный характер благодаря авторскому дискурсу. Произведение прочитывается как картина-воспоминание, увиденная с ретроспективной позиции автора-повествователя, чей взгляд затуманивается слезами любви и благодарной памяти. Следовательно, автор-повествователь, вспоминая о родной природе, неразрывно связывает ее с образом ушедшей Родины. Вследствие этого пейзаж окрашивается ностальгическими мотивами.

Заключение

Задачи, определенные в начале исследования, получили свое решение. Во-первых, своеобразие хронологической структуры повести И. С. Шмелева «Богомолье» определяет образы пути и летней природы. Во-вторых, взгляд на национальный пейзаж в произведении дан с двух ракурсов – героя-ребенка и автора-повествователя. В-третьих, для детского восприятия окружающего мира природы характерно совмещение двух планов – реалистического и идеального. Здесь важными оказываются мотивы тишины (покоя), радости (радостного восхищения окружающим миром), чуда, сказочности, одухотворенности. Перед читателем разворачивается картина неподдельного, искреннего детского изумления перед красотой природного мира. Пейзажные образы солнца (света, ослепительного блеска) являются сквозными в повествовательном дискурсе героя-ребенка, близко перекликаясь с мотивом радости и образом «золотого» детства. Значительная семантическая нагрузка заключена в колористической гамме природоописаний, преимущественно выдержанной в розово-золотых, белых и синих тонах, воплощающих значение красоты и освященности Божьего мира. Образы птиц, животных, насекомых интенсивно включаются в повествовательный план героя-ребенка. Пейзаж выдержан

в соответствии с народными представлениями, народной речью и образностью. Художественный прием противопоставленности пространственных образов (Яуза в Москве / Яуза на Троицкой дороге, Москва / Посад), используемый автором, подчеркивает «святость» пейзажа Троицкой дороги и Троице-Сергиевой Лавры. Пейзажные детали и образы, сопровождающие бытие святого Сергия Радонежского, тесно соотносятся с пространством, окружающим старца Варнаву, определяя их духовно-нравственное родство и преемственность. В-четвертых, особенностью авторского дискурса повести является обращение к образу любимого отца, связанного с мотивами красоты и обожествленности природного мира. Образ Пасхи и мотив пасхальной радости, характерный для повествовательного плана взрослого автора, акцентирует темы вечной жизни, спасения и воскресения, включенные в христианский контекст.

Л и т е р а т у р а

1. Аникейчик, Е. А. Нравственно-эстетическое значение пейзажа в русской литературе конца XVIII–начала XIX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : защищена 13.11.08 / Аникейчик Елена Александровна. – Москва, 2008. – 30 с.
2. Богач, Д. А. Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке / Д. А. Богач // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2017. – № 6 (402). – Вып. 106. – С. 22–29.
3. Боров, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы : энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Боров. – Москва : Астрель, АСТ, 2003. – 574 с.
4. Галанов, Б. Е. Живопись словом : Портрет. Пейзаж. Вещь / Б. Е. Галанов. – Москва : Советский писатель, 1974. – 343 с.
5. Гринфельд-Зингурс, Т. Я. М. Пришвин и Природа. К развитию пейзажа в прозе XX века : монография / Т. Я. Гринфельд-Зингурс. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2017. – 329 с.
6. Гурленова, Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов / Л. В. Гурленова. – Сыктывкар : СГУ, 1998. – 179 с.
7. Гурленова, Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гурленова Людмила Викторовна. – Сыктывкар, 1999. – 389 с.
8. Дьякова, Т. А. Историко-культурная семантика и поэтика пейзажа : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологических наук : защищена 17.10.2005 / Дьякова Тамара Александровна. – Воронеж, 2005. – 300 с.
9. Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник Вселенной...» : система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 302 с.
10. Баяна, Х. Троице-Сергиева Лавра в художественном восприятии писателей XX века (А. И. Куприн, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баяна Хатидже. – Москва, 2019. – 32 с.
11. Давыдова, Е. Н. Мотив дома в хронотопической структуре повести И. С. Шмелева «Богомолье» / Е. Н. Давыдова // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 48–60.
12. Коршунова, Е. А. Поэтика прозы И. С. Шмелева : традиции и интертекстуальность : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коршунова Евгения Александровна. – Харьков, 2010. – 22 с.
13. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

14. Макаров, Д. В. Христианские понятия и их художественное воплощение в творчестве И.С. Шмелева : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : защищена 25.12.2005 / Макаров Денис Владимирович. – Ульяновск, 2001. – 194 с.
15. Марченко, Т. В. Символика цвета в прозе И. Шмелева : синее, розовое и золотое / Т. В. Марченко // И. С. Шмелев. Мир ушедший – мир грядущий : сборник статей. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1993.
16. Мерцалова, О. С. Художественная объективация цветового восприятия в произведениях И. С. Шмелева и Б. К. Зайцева : 1920-1930-х гг. : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мерцалова Оксана Сергеевна. – Орел, 2007. 205 с.
17. Руднева, Е. Г. Розовый цвет в «Богомолье» И.С. Шмелева / Е. Г. Руднева // И. С. Шмелев в контексте славянской культуры. VIII Крымские Международные Шмелевские чтения : сборник материалов Международной научной конференции. – Алушта : Таврия-Плюс, 1999. – С. 19–24.
18. Степанова, Н. С. Концепт «золото» в художественном мире И. С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето Господне», «Богомолье») / Н. С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистики и педагогика. – 2018. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 82–89.
19. Смирнова, М. Г. Пути земные / М. Г. Смирнова // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. – Москва : Сибирская Благовонница, 2009. – С. 134–170.
20. Шмелев, И. С. Собрание сочинений : В 5 т. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы / И. С. Шмелев. – Москва : Русская книга, 1998. – 560 с.
21. Ильин, И. А. «Святая Русь». «Богомолье» Шмелева / И. А. Ильин // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. – Москва : Сибирская Благовонница, 2009. – С. 48–58.
22. Тыщук, О. А. Эстетические функции пейзажа в художественной прозе А. И. Солженицына : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тыщук Ольга Анатольевна. – Армавир, 2006. – 18 с.
23. Мерцалова, О. С. Религиозная репрезентация цветового компонента в эмигрантском творчестве И. С. Шмелева / О. С. Мерцалова // Святоотеческие традиции в русской литературе : материалы I Всероссийской интернет-конференции с международным участием. – Омск : Вариант-Омск, 2010. – С. 81–87.
24. Дунаев, М. М. Духовный путь И. Шмелева / М. М. Дунаев // Венок Шмелеву. – Москва, 2001. – С. 136–153.
25. Макаров, Д. В. Народный духовник пещер Гефсиманского скита : образ преподобного Варнавы Гефсиманского / Д. В. Макаров // Богословский вестник. – 2020. – № 2. – Т. 37. – С. 324–342.

References

1. Anikeychik, E.A. (2008). *The moral and aesthetic significance of landscape in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries*. Summary of Ph.D. dissertation (Philology). Moscow: Moscow State Regional University. (in Russ.)
2. Bogach, D.A. (2017). Problems of understanding the image of nature in literary studies. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6 (402), pp. 22–29. (in Russ.)
3. Borev, Ju.B. (2003). *Aesthetics. Literary theory: encyclopedic dictionary of terms*. Moscow: Astrel, AST. (in Russ.)
4. Galanov, B.E. (1974). *Painting with words: Portrait. Scenery. Thing*. Moscow: Sovetskiy pisatel. (in Russ.)
5. Grinfeld-Zingurs, T.Ya. (2017). *M. Prishvin and Nature. On the development of landscape in prose of the 20th century*. Saint Petersburg: A.S. Pushkin Leningrad State University. (in Russ.)
6. Gurlenova, L.V. (1998). *The sense of nature in Russian prose of the 1920s – 1930s*. Syktyvkar: Syktyvkar State University. (in Russ.)
7. Gurlenova, L.V. (1999). *The sense of nature in Russian prose of the 1920s – 1930s*. Ph.D. dissertation (Philology). Syktyvkar: Syktyvkar State University. (in Russ.)

8. Dyakova, T.A. (2005). *Historical-cultural semantics and poetics of landscape*. Ph.D. dissertation (Cultural studies). Voronezh: Moscow state University of Culture and Arts. (in Russ.)
9. Epshtein, M.N. (1990). *"Nature, the world, the hiding place of the Universe...": a system of landscape images in Russian poetry*. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.)
10. Bayan, H., Kuprin, A.I., Shmelev, I.S. and Zaitsev, B.K. (2019). *Trinity-Sergius Lavra in the artistic perception of writers of the 20th century*. Ph.D. dissertation (Philology). Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University. (in Russ.)
11. Davydova, E.N. (2007). The house motif in the chronotopic structure of I. S. Shmelev's story "Pilgrim". *Siberian Philological Journal*, 1, pp. 48–60. (in Russ.)
12. Korshunova, E.A. (2010). *Poetics of prose I.S. Shmeleva: traditions and intertextuality*. Ph.D. dissertation (Philology). Kharkiv: V.N. Karazin Kharkov National University. (in Russ.)
13. Lyubomudrov, A.M. (2003). *Spiritual realism in Russian literature abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulavin. (in Russ.)
14. Makarov, D.V. (2001). *Christian concepts and their artistic embodiment in the works of I.S. Shmeleva*. Ph.D. dissertation (Philology). Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov. (in Russ.)
15. Marchenko, T.V. (1993). *Symbolism of color in the prose of I. Shmelev: blue, pink and gold*. The world gone - the world to come: collection of articles. Simferopol: Tavria-Plus. (in Russ.)
16. Mertsalova, O.S. (2007). *Artistic objectification of color perception in the works of I.S. Shmeleva and B.K. Zaitseva: 1920-1930s*. Ph.D. dissertation (Philology). Oryol: Oryol State University. (in Russ.)
17. Rudneva, E.G. (1999). *The color pink in "Politics" by I.S. Shmelev*. In: *I. S. Shmelev in the context of Slavic culture*. 8th Crimean International Shmelev Readings: collection of materials of the International Scientific Conference. Alushta: Tavria-Plus, pp. 19–24. (in Russ.)
18. Stepanova, N.S. (2018). The concept of "gold" in the artistic world of I. S. Shmelev (based on the autobiographical books "Summer of the Lord", "Politics"). *News of the Southwestern State University*. Series Linguistics and pedagogy, 8(4), pp. 82–89. (in Russ.)
19. Smirnova, M. G. (2009). *Earthly paths*. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, pp. 134–170. (in Russ.)
20. Shmelev, I.S. (1998). *Collected works: In 5 volumes*. Volume 4. Bogomolye. Novels. Stories. Moscow: Russkaya kniga. (in Russ.)
21. Ilyin, I.A. (2009). *"Holy Rus'". "Pilgrim" by Shmelev*. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2009, pp. 48–58. (in Russ.)
22. Tyshhuk, O.A. (2006). *Aesthetic functions of landscape in the fiction of A. I. Solzhenitsyn*. Ph.D. dissertation (Philology). Armavir: Armavir State University. (in Russian)
23. Mertsalova, O.S. (2010). *Religious representation of the color component in the emigrant creativity of I.S. Shmeleva*. In: *Patristic traditions in Russian literature: materials of the I All-Russian Internet conference with international participation*. Omsk: Variant-Omsk, pp. 81–87. (in Russ.)
24. Dunaev, M. M. (2001). *The spiritual path of I. Shmelev*. In: *Wreath for Shmelev*. Moscow, pp. 136–153. (in Russ.)
25. Makarov, D.V. (2020). People's confessor of the caves of the Gethsemane monastery: the image of St. Barnabas of Gethsemane. *Theological Bulletin*, 37(2), pp. 324–342.

ШЕСТАКОВА Елена Юрьевна – к. филол. н., доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт филиала, Северный (Арктический) федеральный университет в г. Северодвинске.

E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

SHESTAKOVA Elena Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of the Severodvinsk Branch of the Northern (Arctic) Federal University.

УДК 811.1/8

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-4-139-151

Структурно-синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе

М. Ю. Шульженко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

✉ marinaieiu@mail.ru

Аннотация. На протяжении последних нескольких лет статьи, посвященные COVID-19, не теряют своей актуальности в СМИ, интернете и на других коммуникационных площадках, поэтому тема коронавируса стала релевантной не только в рамках медицинских исследований, но и в лингвистической области. Постановка проблемы изучения заголовков статей о коронавирусе обусловлена, с одной стороны, важной ролью публицистики в формировании общественного мнения и вниманием к методам ее воздействия на читательскую аудиторию, с другой стороны, интересом современного общества к теме новой коронавирусной инфекции и пандемии в целом. Актуальность данного исследования заключается в том, что рассматриваемая тематика статей является сравнительно новой и еще не находит достаточного освещения в научных работах. Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе структурно-семантических особенностей заголовков статей о коронавирусе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить и проанализировать особенности заголовка как части публицистического текста, его виды и функции, а также его согласованность с содержанием текста; провести исследование структурно-семантических особенностей заголовков статей о коронавирусе, а именно какими структурными типами простого и сложного предложения представлены заглавия публикаций о коронавирусе, какова частотность их употребления в российских и британских изданиях и как та или иная структурная модель влияет на восприятие содержания статьи ее читателями. Опираясь на результаты проведенного исследования, мы пришли к заключению, что заголовок, обладая двойственной природой, выступает в качестве самостоятельной текстовой единицы и в то же время неразрывно связан с текстом публикации. К основным функциям заголовка, который характеризуется относительной краткостью, номинативностью, письменной фиксированностью, можно отнести графически выделительную, информативную, номинативную и рекламно-экспрессивную функции.

Ключевые слова: заголовок статьи, коронавирус, предложение, структурная схема, адресат, информативность, экспрессивность, языковые единицы, публицистический текст, механизм восприятия.

Для цитирования: Шульженко М. Ю. Структурно-синтаксические особенности заголовков статей о коронавирусе. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №4. С. 139–151. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-139-151

Structural and syntactic features of article titles about coronavirus

M. Yu. Shulzhenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

✉ marinaieiu@mail.ru

Abstract. Over the past few years, articles regarding COVID-19 have remained pertinent in various media outlets, the internet and other communication platforms, which has ultimately resulted in the significance of the coronavirus topic not just in medical research, but also in the linguistic realm. Studying headlines of articles about coronavirus poses a challenge for researchers. The issue arises due to the significant role of journalism in influencing public opinion and the readership. Additionally, modern society's fascination

with the coronavirus infection and the pandemic complicates the study further. The importance of this study is due to the newness of the subject matter, with limited coverage in scientific literature. The aim of this article is to examine the structural and semantic characteristics of article headings relating to the coronavirus. To achieve this goal, several tasks need to be accomplished. Firstly, it is necessary to identify and analyse the characteristics of the headline as part of the journalistic text, its various types and functions, and its consistency with the content of the article. Secondly, a study must be conducted on the structural and semantic features of the coronavirus-related article headlines. This includes determining the frequency of usage of different structural patterns of simple and complex sentences in both British and Russian publications, and examining the impact of these patterns on the readers' perception of the article's content. According to the research, it was concluded that the title of a publication serves a dual purpose as an independent unit and an essential component of the text. The title has various functions, including graphic-excretory, informative, nominative, and advertising-expressive. It is characterised by its brevity, nominativeness, and written fixity which contribute to its effectiveness.

Keywords: article title, coronavirus, sentence, structure diagram, addressee, informativeness, expressiveness, language units, journalistic text, perception mechanism.

For citation: Shulzhenko M. Yu. Structural and syntactic features of article titles about coronavirus. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 4. Pp. 139–151. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-4-139-151

Введение

Любой текст, в том числе и публицистический, состоит из определенных структурных элементов, каждый из которых обладает своими уникальными особенностями и выполняет различные функции. Исследователи И. В. Высоцкая и П. Н. Кочетков полагают, что «новостной текст можно рассматривать как товар, который обязательно нужно продать, а это возможно лишь в том случае, когда текст полностью удовлетворяет потребности читателя» [1, с. 90]. Одним из важнейших элементов журналистского текста является заголовок, который занимает предтекстовую позицию и выполняет прогностическую функцию и, как результат, первым привлекает внимание потенциального адресата. Газетные заголовки не раз становились объектом исследования. В работах таких лингвистов, как Э. А. Лазарева, М. А. Шостак, Г. В. Степанов, О. И. Богословская, Л. Эмиль, Х. Ф. Лопес и др. рассматривается природа заголовков, их специфика и функции. Т. А. Воронцова рассматривает заголовки новостей как репрезентацию событий. Она считает, что основная задача новостного текста – максимально точно создать представление о событии для читательской аудитории, а формирование основного такого представления зависит от того, «какие аспекты события вынесены в заголовок и какими языковыми и речевыми средствами это событие представлено» [2, с. 21]. Одной из основных особенностей заголовков является их двойственный характер. С одной стороны, они рассматриваются как отдельные, самостоятельные языковые единицы, воспринимаемые вне текста. С другой стороны, они являются интегральными элементами текста, которые связаны с другими его элементами и создают, таким образом, единое целое. Исходя из дуалистической природы заголовка следует, что зачастую он рассматривается в двух аспектах – в структурном и психологическом. Говоря о внетекстовой позиции заголовка, следует указать на его автономную функцию, а именно функцию отображения отношения автора к рассматриваемому предмету и условиям общения. Функции заглавия также могут быть детерминированы его связью с текстом, например, функция отображения авторской позиции к тексту и тональности текста [3]. Заголовки, поскольку они отражают позицию автора и содержание статьи в лаконичном виде, должны соответствовать нескольким

требованиям, а именно обладать информативностью, соответствовать содержанию и обладать выразительностью. Как утверждает С. О. Милованова, важным фактором также являются графически-выделительные свойства заголовочного комплекса, когда при помощи шрифта и цвета заглавие выделяют и отделяют от текста [4]. Данные свойства заглавия напрямую связаны с психологическими особенностями понимания. Так, механизм восприятия заключается в том, что прочтение небольшого текста, предваряющий более крупный по объему текст, дает представление о содержании, структуре и специфике последующего текста. Такой феномен предвосхищения последующей информации называют интер- и интрасенсорным переносом. Это явление рассматривается, например, в работе Л. М. Мурзина «О деривационных аспектах текстообразования» [5]. К. В. Прохорова в работе «Газетный заголовок: проблемы и функциональные проблемы» определяет следующие признаки заголовка: номинативность; способность давать публикации внешний выход; связь с содержанием текста; письменная фиксированность [6].

Учеными, в частности, Я. С. Косяковой и В. В. Колмаковой был предложен принцип, предполагающий рассмотрение заголовков с точки зрения адресата и адресанта сообщения. Относительно связи с текстом был сделан вывод о двойной природе заголовков, которые могут функционировать как самостоятельно, так и в зависимости от озаглавленного текста. Подчеркивается, что заголовок, с одной стороны, зависит от озаглавленного текста, при этом заголовок может иметь смысл вне связи с текстом, ради которого заголовок был изобретен. То есть заголовок может существовать как в тексте, так и вне текста как самостоятельное произведение словесной формы [7]. На первый взгляд, может показаться, что функция газетных заголовков очевидна – они должны резюмировать содержание публикации. Однако это слишком узкое определение функций заглавий, что можно подтвердить тремя тезисами. Во-первых, заголовки не всегда резюмируют содержание основного текста, но они могут выделять отдельную деталь или концепт из всей статьи или содержать цитату, которую автор решил вынести на передний план. Также отметим, что некоторые заголовки могут даже не содержать информацию, которая освещается в тексте статьи. Тот факт, что заголовки могут не столько суммировать идеи публикации, сколько подчеркивать отдельные мысли или передавать цитату, подтверждали различные исследователи. Так, А. Белл разграничивает газетные заголовки, которые кратко сообщают о полном содержании текста, и заголовки, которые делают акцент на второстепенном событии или детали [8]. Р. Нир также разделяет заглавия на те, которые резюмируют содержание, и те, которые не обобщают, а выделяют отдельную деталь из всей статьи [9].

Во-вторых, иногда заголовки вовсе не выполняют резюмирующую функцию. В особенности это касается заголовков бульварных изданий. Как отмечает Б. Линдеманн, заголовки бульварных публикаций редко представляют информацию о содержании текста в резюмирующем виде и во многих случаях вовсе не являются информативными. Исследователь объясняет функцию заглавий подобного рода тем, что в них содержится «довольно сложная загадка», которая вызывает в сознании читателя определенные образы и в дальнейшем разрешается в тексте [10].

В-третьих, газетные заголовки, как правило, выполняют также дополнительную, прагматическую функцию. А. Белл говорит о том, что заглавия – это часть новой риторики, которая нацелена на привлечение внимания адресата [8]. Р. Нир утверждает, что задача заглавия – привлечь внимание реципиента и побудить его прочитать целый текст [9]. К основным функциям заглавия, по утверждению З. С. Дзидзахановой, можно отнести графически-выделительную, информативную, номинативную и рекламно-экспрессивную функции [11].

Таким образом, подводя краткий итог анализу природы газетного заголовка, важно заметить, что в отличие от обычного слова, являющегося знаковым обозначением предмета, газетный заголовок не ограничивается только информационной составляющей,

а предполагает событийное развитие. Значимой по отношению заголовка к предложению является категория предикативности, которая ответственна за формирование предложения. Заглавие есть не что иное, как семантический репрезентант текста, все его единицы приобретают предикативность. Прочитав заголовок и активизировав имеющиеся фоновые знания, адресат соотносит семантику заглавия со смысловым содержанием текста, тем самым осуществляя сопряжение двух смысловых структур – заголовочной и текстовой. Таким образом, даже если заголовок не является предложением и не обладает собственно предикативностью, он всегда будет характеризоваться предикативностью при соотнесении его с текстом.

Материал и методы исследования

Наиболее частотной структурой, которая используется в качестве заглавий статей о коронавирусе как в русских, так и в британских изданиях, является простое предложение в различных вариациях. Множество исследователей предпринимали попытки классифицировать и описать типы простых предложений. В настоящей работе мы опирались на классификацию структурных схем простого предложения, представленную в Русской грамматике 1980 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой. Однако важно отметить, что в рамках нашего исследования данная классификация подверглась небольшим трансформациям. Причинами, обусловившими данные преобразования, послужили те факты, что, во-первых, не все структурные типы простого предложения находят применение в газетных заголовках, а, во-вторых, нами было принято решение объединить некоторые схемы в общую группу.

В процессе аналитического изучения данной темы применялись следующие методы исследования: метод сплошной выборки для отбора практического материала и создания корпуса заголовков статей о коронавирусе; метод классификации для соотнесения заголовков с той или иной структурной моделью; статистический метод для подсчета заголовков статей о коронавирусе каждого определенного структурного типа; метод сравнительного анализа для рассмотрения соотношения частотности употребления разных типов заголовков статей о коронавирусе в русской и британской прессе.

Теоретической основой исследования послужили работы, посвященные изучению газетных заголовков, таких исследователей, как Д. Дор, Т. А. ван Дейк, Д. Рэндалл, К. В. Прохорова, Э. А. Лазарева, А. А. Тертычный, М. И. Шостак, И. Р. Гальперин и др. Эмпирический материал формировался методом сплошной выборки из двух русскоязычных изданий («Правда», «Комсомольская правда») и двух британских изданий («The Guardian», «The Independent»). В рамках исследования использовались интернет-версии названных изданий. Всего в исследовательский корпус входят 200 заголовков статей о коронавирусе – 100 русскоязычных и 100 англоязычных заглавий.

Структурные схемы заголовков

В результате проведенного нами исследования, мы выделили следующие структурные схемы простого предложения, которые фигурируют в заголовках многочисленных статей о коронавирусной инфекции: $N_p N_l - V_f$, $N_l - N_p V_f$, $N_l - Part_{\text{крат. ф.}} Inf$, где N_l – существительное в именительном падеже, V_f – глагол в спрягаемой форме, $Part_{\text{крат. ф.}}$ – причастие в краткой форме, Inf – инфинитивная форма глагола [12].

Под схемой N_l понимается односоставное именное предложение без сказуемого. Структурная модель $N_l - V_f$ представляет собой полное двусоставное предложение с предложно-сказуемостной грамматической основой. Структурная схема $N_l - N_l$ является двусоставным предложением с составным именным сказуемым. Под структурной моделью V_f мы понимаем односоставное глагольное предложение без сказуемого. Схема $N_l - Part_{\text{крат. ф.}}$ является предложением, состоящим из подлежащего и относящегося к нему причастия. Структурный тип Inf представляет собой предложение, в котором в качестве грамматической основы выступает инфинитив.

Приведенные выше схемы касаются в большей степени русского языка. Однако для характеристики англоязычных заголовков статей о коронавирусе были использованы эти же схемы с некоторыми видоизменениями. Во-первых, структурной схеме русского простого предложения $N_I - N_I$ больше соответствует схема $N_I - \text{cop} - N_I$ английского предложения, в которой «cop» (“verb copula”) – это глагольная связка, которая, как правило, используется в английском предложении с именным сказуемым, но почти всегда опускается в русском языке, поэтому в структурной схеме она также не упоминается. Во-вторых, в группу V_f включены предложения в пассивном залоге, в большей степени соответствующие схеме $N_I - V_f$. В-третьих, структурная модель $N_I - \text{Part}_{\text{крат.ф}}$ эквивалентна группе англоязычных заголовков статей о коронавирусе, построенных по схеме $N_I - \text{Part}$. Различие состоит в том, что в английском языке причастие не имеет краткой формы. Разницу в частоте использования различных схем простого предложения в русскоязычных и англоязычных изданиях можно объяснить, в первую очередь, отличиями в синтаксисе и способностях структур выражать определенный смысл.

Самым распространенным типом простого предложения среди проанализированных нами заголовков является подлежащно-сказуемая схема $N_I - V_f$. В русскоязычной прессе, как показал проведенный нами статистический анализ, 58% газетных заголовков представлено данной моделью простого предложения. В данной схеме семантическое ядро состоит из подлежащего, выраженного именем существительным или личным местоимением в именительном падеже, и сказуемого, роль которого выполняет спрягаемая форма глагола. Рассмотрим следующие примеры:

Эксперт оценил перспективы российского «Спутника V» в Европейском Союзе [13].

Вектор начал производство вакцины «ЭпиВакКорона» [14].

Такого рода предложения представляют собой синтаксически и семантически полные предложения, в которых все синтаксические позиции замещены. Все отобранные заголовки также представляют собой развернутые предложения. Это может объясняться двумя факторами. Первое, сама структура предложения и природа его компонентов требует развертывания заголовка. Например, сказуемым может выступать переходный глагол, который, как правило, требует дополнения в винительном падеже, без которого теряется смысл высказывания.

Почему 40 процентов тестов на коронавирус дают ложный результат [13].

Второе, продуцент часто стремится наиболее полно и точно передать идею статьи, для чего использует развернутые заголовки. Такие заглавия, как правило, являются информативными и нацелены на более точное и полное отражения содержания статьи.

Структурная схема $N_I - V_f$ может быть представлена простым предложением с однородными сказуемыми.

170-килограммовый челябинец с диабетом выжил при коронавирусе и придумал награду за победу над болезнью [15].

Другая разновидность этого типа представляет собой предложение, построенное по схеме $N_I - V_f - \text{Inf}$, где за спрягаемой формой глагола следует инфинитив другого.

Полынь может помочь в борьбе с коронавирусом [13].

Англоязычные газетные заголовки статей о коронавирусе в 53% случаев представляют собой двусоставное простое предложение. Отобранные заголовки британских изданий, которые соответствуют структурной схеме $N_I - V_f$ также во всех случаях представляют собой распространенные двусоставные предложения и имеют схожие варианты, а именно:

1. Обычное двусоставное предложение.

Washington DC mayor loses sister to Covid-19 [16].

Мэр Вашингтона, округ Колумбия, потерял сестру из-за Ковид-19 (Здесь и далее перевод наш).

2. Предложение со сложным дополнением (complex object).

Two-thirds of Britons do not want rich countries to have vaccine priority [14].

Две трети британцев не хотят, чтобы в богатых странах приоритет отдавался вакцинации.

3. Предложение, где сказуемое состоит из спрягаемой формы глагола и следующим за ним инфинитивом с или без частицы *to*.

UK plans J38m centre to start production of coronavirus vaccine [17].

Великобритания планирует, что центр J38m начнет производство вакцины против коронавируса.

Второй структурной схемой простого предложения, которая встречается в анализируемых текстах, является $N_I - N_f$. Этот тип предложений выступает в роли заголовков довольно редко. Наш статистический анализ показывает, что всего 3% газетных заголовков соответствуют данной модели. Подобного рода заголовки представляют собой предложения с составным именным сказуемым, где именной частью, как правило, выступает существительное, как в следующем примере.

Коронавирус – политическая пандемия [18].

В эту же группу входят газетные заголовки, представленные предложением с именным сказуемым, в котором именная часть выражается прилагательным, наречием или причастием.

Какой транспорт самый безопасный в период пандемии [18].

В британской прессе предложения с составным именным сказуемым в качестве заголовков встречаются чаще, чем в российских изданиях. Особенность англоязычных заголовков названного вида состоит в том, что в английском предложении глагол-связка обычно сохраняется, в то время как для русского языка вполне оправдано опускать глагол-связку. В качестве глагола-связки чаще всего выступает глагол *“to be”*, но также могут использоваться такие глаголы, как *“become”*, *“appear”*, *“go”*, *“grow”*, *“remain”*, *“feel”*, *“seem”*, *“look”* и т. д.

UK working mothers are “sacrificial lambs” in coronavirus childcare crisis [17].

Работающие матери Великобритании являются “жертвенными агнцами” в условиях кризиса по уходу за детьми, заразившимися коронавирусом.

Black doctor's death becomes a symbol of racism in coronavirus care [17].

Смерть чернокожего врача становится символом расизма в лечении от коронавируса.

Однако в исследованном нами материале встречаются также заголовки, в которых глагол-связка опускается.

Mass testing still a vital tool in Covid efforts despite UK vaccine success [17].

Массовое тестирование по-прежнему является жизненно важным инструментом в борьбе с коронавирусной инфекцией, несмотря на успех вакцины в Соединенном Королевстве.

America's half a million Covid deaths a stark reminder of challenges for Biden [17].

Полмиллиона смертей от коронавирусной инфекции в Америке – яркое напоминание о проблемах, стоящих перед Байденом.

Подобное явление может наблюдаться по двум причинам: во-первых, газетные заголовки стремятся к языковой экономии – небольшим количеством языковых единиц выразить максимум смысла, потому некоторые компоненты предложения могут опускаться, но при этом они могут легко быть восстановлены читателем; во-вторых, опущение глагола-связки делает заглавия более экспрессивными и привлекает внимание адресата.

Именная часть сказуемого в английском простом предложении может выражаться различными частями речи, такими как прилагательное, герундий, наречие и др.

The fight against vaccine hesitancy is more important than ever [16].

Борьба с нерешительностью в отношении вакцин важна как никогда.

В целом простые предложения с именным составным сказуемым в меньшей степени указывают на действие или процесс, поэтому, как правило, газетные заголовки, представленные данным типом предложений, сообщают о предмете обсуждения в статье и его характеристику. Содержащаяся в заглавии характеристика может отчасти

выражать оценку и отношение автора публицистического текста к называемому предмету, как в приведенном выше примере.

Третья группа включает в себя газетные заголовки, построенные по структурной схеме простого предложения $N_I - Part_{\text{крат. ф.}}$. Этой схеме, согласно проведенному нами анализу, соответствуют 12% заголовков в российских изданиях. Она состоит из существительного в именительном падеже и причастия в краткой форме. По сути это предложения в пассивном залоге, а значит, на первый план в семантическом смысле выходит действие. Примеры заголовков данного структурного типа:

1. *Названа причина очередей в ковидные больницы Омска* [19].
2. *Мэр Ульяновска Сергей Панчин госпитализирован с коронавирусом* [20].
3. *Выявлена связь между погодой и уровнем смертности от коронавируса* [18].

Подобные заглавия характерны для статей, которые информируют читательскую аудиторию о каком-либо прошедшем событии, и редко используются для аналитических публикаций или статей, в которых автор выражает свое мнение о предмете.

Вариантом данной структурной схемы является предложение, в котором за кратким причастием следует инфинитив глагола.

Япония готова объявить чрезвычайную ситуацию из-за коронавируса [15].

Газетные заголовки британских изданий, входящие в указанную группу, составляют 21% от всех заглавий в виде простых предложений и обладают несколько большей вариативностью. Также необходимо отметить, что для того, чтобы данная структурная схема в большей степени подходила для англоязычных заглавий, она должна иметь вид $N_I - Part$, так как в английском языке отсутствуют краткие формы причастий. Важным замечанием, помимо этого, является тот факт, что в описываемую группу входят заголовки с причастиями двух видов.

1. Заглавия, структурно-семантическим ядром которых является существительное в именительном падеже и причастие прошедшего времени (*Past Participle*). Они сравнимы с сокращенными предложениями в пассивном залоге, когда опускается глагол-связка. Данный структурный тип имеет три варианта:

– заголовок, в котором присутствует субъект действия с предлогом *by*. Такие заголовки являются наиболее информативными.

Staff at UK coronavirus testing lab hit by outbreak of disease [17].

Сотрудники британской лаборатории по тестированию на коронавирус пострадали от вспышки заболевания;

– заголовок, в котором отсутствует субъект действия с предлогом *by*. Подобные заголовки менее информативны, но тем не менее в достаточной мере передают содержание публикации.

Madonna's Instagram flagged for spreading coronavirus misinformation [14].

Инстаграм-аккаунт Мадонны был отмечен за распространение дезинформации о коронавирусе;

– заголовок, в котором за причастием следует инфинитив глагола или герундий. *Pupils in Wales set to return to primary schools from 15 March* [17].

Учащиеся в Уэльсе планируют вернуться к занятиям в начальных школах с 15 марта.

Bus driver convicted of murdering wife after lockdown row [16].

Водитель автобуса осужден за убийство жены после скандала, случившегося во время карантина.

2. Заглавия, структурно-семантическим ядром которых является существительное в именительном падеже и причастие настоящего времени (*Present Participle*). Их можно сравнить с полными предложениями в активном залоге в одном из времен группы Continuous, в которых опущен вспомогательный глагол-связка. Семантически в центре внимания находится незаконченное, продолжающееся действие.

British American Tobacco working on plant-based coronavirus vaccine [17].

Бритиш Американ Табакко работает над вакциной против коронавируса на растительной основе.

Police preparing for mass celebrations on Boris Johnson's lockdown exit dates [16].

Полиция готовится к массовым празднованиям по случаю выхода Бориса Джонсона с карантина.

Репрезентацией структурного типа N_1 – Part также может выступать предложение, в котором за причастием следует инфинитив глагола или герундий.

Oxford vaccine team "assessing" possibility of making pills or nasal sprays [16].

Оксфордская команда по вакцинации "оценивает" возможность изготовления таблеток или назальных спреев.

Coronavirus pandemic leading to huge drop in air pollution [16].

Пандемия коронавируса привела к огромному снижению загрязнения воздуха.

Таким образом, заголовки, построенные по двухкомпонентным схемам, характеризуются большой степенью информативности и нацелены на более полное представление предмета обсуждения и общего содержания публицистического текста.

Использование односоставных предложений в публицистических заголовках

В качестве газетных заголовков широко используются также односоставные предложения, в которых отсутствуют либо подлежащее, либо сказуемое.

Первой рассматриваемой однокомпонентной структурной схемой является N_1 – односоставное номинативное предложение. В проанализированной выборке заглавия с подобным структурным типом составляют 6% в российской прессе и 4% в британской. Структурная модель представляет собой имя существительное в именительном падеже, которое может сопровождаться определениями или обстоятельствами.

Два-три слоя и завязки за ушами [13].

Ответы на пять главных вопросов о коронавирусе у детей и подростков [10].

Four key questions on a Covid certification scheme in England [17].

Четыре ключевых вопроса о схеме сертификации Ковид в Англии.

Иногда второстепенными членами в качестве определения может выступать инфинитив.

Пять причин не поддаваться панике во время второй волны COVID-19 [10].

Hot tip to tackle the Covid blues [17].

Актуальный совет по борьбе с ковидной депрессией.

Существует также структурная схема газетного заголовка, которая несколько отличается от номинативного предложения.

Inside Oxford's coronavirus vaccine development [17].

Внутри разработки вакцины против коронавируса в Оксфорде.

Если рассматривать роль газетных заголовков в форме номинативных предложений, то основная функция подобных заглавий – номинативная и информативная. Хотя в некоторых современных публикациях не исключается и рекламная функция такого рода заголовков, которая реализуется при сопоставлении названия с текстом статьи. Так, рекламную функцию выполняет такой заголовок, как *Два-три слоя и завязки за ушами* [13]. Подобное название интригует читателя, заставляя его прочитать полный текст и прояснить смысл заголовка статьи.

Структурные типы простых предложений с инфинитивом встречаются не так часто в заголовках статей о коронавирусе. Согласно проведенному нами статистическому анализу, они составляют всего 3% от общего числа всех заглавий. Структурная схема Inf – простое инфинитивное предложение – является базовой абстрактной конструкцией минимального структурного построения предложения, а потому обладает полифункциональностью. Для того чтобы ее нивелировать, необходимо конкретизировать модель за счет различных средств: введение дательного субъекта, факультативных распространителей, частиц.

Например, частица «не» привносит значение запрета, частица «бы» указывает на желательность какого-либо действия, через инфинитивную конструкцию с частицей «чтоб» передается значение побуждения с оттенком пожелания.

Инфинитивные конструкции, используемые в заголовках публицистических текстов, можно разделить на две обобщенные группы: конструкции с независимым инфинитивным предикатом и конструкции с инфинитивом-привязочной частью безличного предиката [21]. Однако все отобранные в рамках настоящего исследования заголовки соответствуют только первой модели. Они также являются вопросительными инфинитивными конструкциями.

Вопросительные конструкции с инфинитивом можно разделить на две группы: с вопросительным словом и без него. Самым распространенным типом являются модели с вопросительным словом, которые представляют собой утвердительные повествовательные предложения. Самым продуктивным оказалось вопросительное слово обстоятельства образа действия. Такой заголовок имеет структурную схему «Как + Inf».

Как записаться через госуслуги на вакцинацию от коронавируса [13]. Как пережить одиночество в самоизоляции [18].

Подобные заголовки обладают рекламно-инструктивным характером. Они характеризуются наличием формальных признаков вопросительного предложения, т. е. присутствует вопросительное слово, наблюдается специфический порядок слов. Отсутствие вопросительного знака на конце заглавия в данном случае говорит о наличии определенной позиции, рекомендаций, в которых абсолютно уверен автор публикации.

Менее употребительными среди рассматриваемых текстов являются вопросительные инфинитивные конструкции в виде общего вопроса, т. е. без вопросительного слова. Как правило, они представлены позитивными вопросами с частицей «ли».

Делать ли прививку от коронавируса перед плановой операцией и как быть аллергикам [13].

Подобные заглавия выражают неуверенность в целесообразности и правильности каких-либо действий, выраженных инфинитивом.

Среди анализируемых заголовков британских статей о коронавирусе основными структурными типами предложений с инфинитивом (14%) являются следующие модели:

1. Конструкции с независимым инфинитивом.

To have and to hold: getting hitched in lockdown weddings [17].

Иметь и проводить: устроить свадьбу во время карантина.

Подобные инфинитивные конструкции помогают автору экономить речевые средства и усилить экспрессивность заголовка. Они выражают побуждение и позволяют исключить отторжение призыва адресатом за счет неопределенности семантики субъекта, которая актуализируется непосредственно в тексте самой публикации.

2. Конструкции с независимым инфинитивом, имеющие форму вопросительного предложения. Как и в случае с русскими заголовками подобные предложения имеют лишь формально структуру вопроса и больше схожи с изъявительными придаточными предложениями. Наиболее частотными являются инфинитивные конструкции с наречиями *how* и *where*.

Coronavirus: how to maintain productivity after working from home for six months? [13].

Коронавирус: как сохранить продуктивность после работы из дома в течение шести месяцев.

Where to buy face masks in the UK: Reusable coverings to shop now [16].

Где купить маски для лица в Великобритании: многоразовые маски в магазине прямо сейчас.

Как и русскоязычные заглавия, они в большей степени выполняют рекламно-инструктирующую функцию.

Последней структурной моделью простого предложения, которое может выступать в качестве заголовков статей о коронавирусе, можно назвать схему V_f – односоставное

глагольное предложение. Можно говорить о том, что данная группа включает в себя 19% простых предложений как заголовков. Отметим, что эта группа весьма обобщена и в нее могут входить различного типа односоставные предложения, в которых семантическим ядром является сказуемое, и неполные двусоставные предложения с опущенным подлежащим.

Неопределенно-личные односоставные предложения крайне редко становятся заглавиями публицистических текстов. Чаще всего этот тип предложений представлен высказываниями в повелительном наклонении, но в нашей выборке подобные заголовки отсутствуют.

Даже в сладком чувствую адскую вонь [13].

В этом предложении опущено подлежащее, но читатель может легко его восстановить, подставив личное местоимение «я». Выбор данного заголовка обусловлен, очевидно, принципом языковой экономии и желанием усилить эмоциональное воздействие на адресата. Продюцент сближает границы между описываемым предметом и его личным опытом, создает эффект того, что он делится чем-то личным, сокровенным, тем самым заставляя аудиторию поверить в достоверность событий.

Безличные предложения как заголовки статей о коронавирусе также довольно редки. В большинстве случаев они представлены сочетанием причастия в краткой форме и инфинитива после него. Подобные предложения имеют характер инструкции, рекомендации, побуждения к определенному типу поведения.

Болеельщикам на Олимпиаде рекомендовано не кричать [18].

Надо чуть-чуть подождать [13].

Во втором примере, помимо субъекта, отсутствует также объект, что делает этот заголовок неполно информативным предложением. Для полного его понимания читателю необходимо ознакомиться с другими элементами заголовочного комплекса и с текстом публикации. В этом проявляется его рекламная функция.

Наиболее часто среди всех трех видов предложений встречаются неопределенно-личные конструкции в функции газетного заголовка. Особенностью данного типа является тот факт, что элиминация субъекта-подлежащего в поверхностной структуре не означает его отсутствие в семантической структуре высказывания. Поэтому можно выделить несколько видов неопределенно-личных предложений: предложение с субъектно-пространственной детерминацией; предложение с объектом в препозиции; предложение, которое состоит из предикативного элемента [22].

В предложениях с субъектно-пространственной детерминацией пространственный детерминант, стоящий, как правило, в начале высказывания, указывает не только на место действия описываемых событий, но и имплицитно выражает субъект действия.

В ВОЗ порекомендовали пока не вводить иммунные паспорта [13].

В Коммунарке вернули на лечение женщину, ранее сбежавшую из клиники [18].

В США из-за коронавируса предлагают выпускать заключенных из тюрем [18].

В анализируемых заголовках обстоятельство места не только обозначает пространство происходящих событий, но и подразумевает под собой субъект: экспертов ВОЗ, работников инфекционной больницы, правительство США.

Следующий тип неопределенно-личных предложений как заголовок – предложение с объектом в препозиции – более распространен. Их также можно разделить на два подвида:

– структуры с объектом в винительном падеже.

В Австралии из общественных туалетов воруют мыло и туалетную бумагу [18];

– структуры с объектом в дательном падеже.

Жителям итальянского города Онифери запретили болеть COVID-19 [18].

Объект, стоящий в препозиции в подобных заголовках, своей семантикой определяет и конкретизирует предполагаемый субъект действия. Семантическим ядром анализируемых заголовков является предикат, который своим лексическим значением имплицитно

указывает на субъект. Однако объект, который раскрывает больше информации о событии и может быть связан с субъектом, также конкретизирует его как и предикат.

Третий вид неопределенно-личных предложений, в которых присутствует только предикативный элемент, можно встретить наиболее редко в функции заголовков. В его поверхностной структуре отсутствует субъект, а на первый план выходит действие. Информативные лакуны, вызванные наполненностью препозитивной позиции и требующие их заполнения со стороны читателей, вынуждают последних ознакомиться с текстом статьи, чтобы определить субъект.

Таким образом, однокомпонентные структурные схемы простых предложений как заголовков представлены схемами N_p , V_p , Inf . Они делают акцент, как правило, либо на субъекте действия, т. е. обсуждаемом в публикации предмете, либо на самом действии, т. е. освещаемом в тексте событии.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют сделать следующие выводы. Все заголовки статей о коронавирусе можно распределить в обобщенные структурные группы: простое предложение, сложное предложение, два простых предложения, расчлененная конструкция, где простое предложение также может подразделяться на следующие структурные типы: N_p ; $N_I - V_p$; $N_I - N_p$; V_p ; $N_I - Part$; Inf . Самой частотной конструкцией, выступающей в роли заголовка статей о коронавирусе как в российской, так и британской прессе является простое предложение, а среди его структурных типов в свою очередь наиболее часто встречается распространенное двусоставное предложение как заглавие. Частота употребления разных типов конструкций в качестве заголовков неодинакова в российских и британских изданиях и определяется особенностями языка и традицией составления заглавий в публицистике.

Данная проблематика обладает перспективами дальнейших исследований. Помимо более глубокого изучения уже выделенных особенностей, все еще остается неизученной взаимосвязь между заглавиями различных структурных моделей и типом, характером издания, а также кажется недостаточно изученным влияние автора на формирование мнения читательской аудитории.

Л и т е р а т у р а

1. Высоцкая, И. В. Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации / И. В. Высоцкая, П. Н. Кочетков // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2018. – Т. 17. – № 6. – Журналистика. – С. 89–96.
2. Воронцова, Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события / Т. А. Воронцова // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 21–25.
3. Лазарева, Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета : Проблемы образования, науки и культуры. – 2006. – № 40. – С. 158–166.
4. Милованова, С. О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла / С. О. Милованова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные Науки. – 2010. – № 1. – С. 368–372.
5. Мурзин, Л. Н. О деривационных аспектах текстообразования / Л. Н. Мурзин // Теоретические аспекты деривации : межвузовский сборник научных трудов под редакцией Л. Н. Мурзина ; Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького. – Пермь, 1982. – С. 20–29.
6. Прохорова, К. В. Газетный заголовок : проблемы и функциональные проблемы / К. В. Прохорова. – Санкт-Петербург : Академия, 2005. – 134 с.
7. Косякова, Я. С. Полифункциональность синтаксических структур заголовков новостного репортажа / Я. С. Косякова, В. В. Колмакова // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Том 11. – № 4. – С. 300–317.
8. Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Blackwell, Oxford, pp. 115–138.
9. Nir, R. (1993). *A discourse analysis of news headlines*. Hebrew Linguistics, 37, pp. 23–31.

10. Lindemann, B. (1990). Cheap thrills we live by some notes on the poetics of tabloid headlines. *Journal of Literary Semantics*, 19(1), pp. 46–59.
11. Дзидаханова, З. С. Заголовок в газете / З. С. Дзидаханова // Коммуникация в современном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Журналистика, реклама и связи с общественностью : новые подходы» под ред. В. В. Тулупова. – Воронеж, 2005. – С. 12–14.
12. Русская грамматика. В 2-х т. – Т. 2. Синтаксис / Под редакцией Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1980. – 709 с.
13. Комсомольская правда : [сайт]. – Москва, 2021. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения – 15.03.2023).
14. Комсомольская правда : [сайт]. – Новосибирск, 2020. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.nsk.kp.ru> (дата обращения – 15.03.2023).
15. Комсомольская правда : [сайт]. – Челябинск, 2021. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.chel.kp.ru> (дата обращения – 17.03.2023).
16. The Independent, (2021). *The Independent Official Website*. [online]. Available from: <https://www.independent.co.uk> [Accessed 21 March 2023].
17. The Guardian, 2021. *The Guardian Official Website*. [online]. Available from: <https://www.theguardian.com> [Accessed 21 March 2023].
18. Правда : [сайт]. – Москва, 2021. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.pravda.ru> (дата обращения – 17.03.2023).
19. Комсомольская правда : [сайт]. – Омск, 2021. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.omsk.kp.ru> (дата обращения – 17.03.2023).
20. Комсомольская правда : [сайт]. – Казань, 2021. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.kazan.kp.ru> (дата обращения – 17.03.2023).
21. Широбокова, Л. А. Синтаксические конструкции с инфинитивом в газетных заголовках : структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты (на материале российских и британских печатных СМИ) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук / Широбокова Лариса Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 19 с.
22. Доценко, М. Ю. Синтаксис газетного заголовка : структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук / Доценко Мария Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2009. – 17 с.

References

1. Vysotskaya, I. V. and Kochetkov, P. N. (2018). The title of Internet news as a cognitive model of the situation. *Bulletin of the NSU. Series: History, Philology*, 17(6: Journalism), pp. 89-96. (In Russ.)
2. Vorontsova, T. A. (2017). News headline as a representative of the event. *Political Linguistics*, 6 (66), pp. 21-25. (In Russ.)
3. Lazareva, E. A. (2006). The heading complex of the text is a means of organizing and optimizing perception. *Izvestia Ural State University. Problems of education, science and culture*, 40, pp. 158-166. (In Russ.)
4. Milovanova, S. O. (2010). Newspaper headline as a means of actualization of meaning. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, 1, pp. 368-372. (In Russ.)
5. Murzin, L. N. (1982). *On the derivational aspects of text formation. Theoretical aspects of derivation: Interuniversity collection of scientific papers edited by L. N. Murzin*. Perm: Perm State University named after A. M. Gorky, pp. 20-29. (In Russ.)
6. Prokhorova, K. V. (2005). *Newspaper headline: Problems and functional problems*. St. Petersburg: Academy, 134 p. (In Russ.)
7. Kosyakova, Ya. S. and Kolmakova, V. V. (2019). Polyfunctionality of syntactic structures of news report headlines. *Modern studies of social problems*. 11(4), pp. 300-317. (In Russ.)

8. Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Blackwell, Oxford, pp. 115–138.
9. Nir, R. (1993). *A discourse analysis of news headlines*. Hebrew Linguistics, 37, pp. 23–31.
10. Lindemann, B. (1990). Cheap thrills we live by some notes on the poetics of tabloid headlines. *Journal of Literary Semantics*. 19(1), pp. 46–59.
11. Dzidakhanova, Z. S. (2005). Headline in the newspaper. *Communication in the modern world: Materials of the All-Russian scientific and practical conference of graduate students and students "Journalism, advertising and public relations: new approaches"* edited by V. V. Tulupov. Voronezh, pp. 12–14. (In Russ.)
12. Shvedova, N.Y. (1980). *Russian grammar*. In 2 vols. – Vol. 2. *Syntax*. Moscow: Nauka, 709 p. (In Russ.)
13. Komsomolskaya Pravda, (2021). *The Official Website of the News in Moscow*. [online]. Available from: <https://www.kp.ru> [Accessed 15 March 2023]. (In Russ.)
14. Komsomolskaya Pravda, (2020). *The Official Website of the News in Novosibirsk*. [online]. Available from: <https://www.nsk.kp.ru> [Accessed 15 March 2023]. (In Russ.)
15. Komsomolskaya Pravda, (2021). *The Official Website of the News in Chelyabinsk*. [online]. Available from: <https://www.chel.kp.ru> [Accessed 17 May 2023]. (In Russ.)
16. The Independent, (2021). *The Independent Official Website*. [online]. Available from: <https://www.independent.co.uk> [Accessed 21 March 2023].
17. The Guardian, 2021. *The Guardian Official Website*. [online]. Available from: <https://www.theguardian.com> [Accessed 21 March 2023].
18. Pravda, (2021). *The Official Website of the News*. [online]. Available from: <https://www.pravda.ru> [Accessed 17 March 2023]. (In Russ.)
19. Komsomolskaya Pravda, (2021). *The Official Website of the News in Omsk*. [online]. Available from: <https://www.omsk.kp.ru> [Accessed 17 March 2023]. (In Russ.)
20. Komsomolskaya Pravda, (2021). *The Official Website of the News in Kazan*. [online]. Available from: <https://www.kazan.kp.ru> [Accessed 17 March 2023]. (In Russ.)
21. Shirobokova, L. A. (2011). *Syntactic constructions with infinitive in newspaper headlines: structural-semantic and functional-pragmatic aspects (based on the material of Russian and British print media)*. Specialty 10.02.19 "Theory of language": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 19 p. (In Russ.)
22. Dotsenko, M. Y. (2009). *Syntax of a newspaper headline: structure, semantics, forecasting of semantic development of the text*. Specialty 10.02.01 "Russian language": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. St. Petersburg, 17 p. (In Russ.)

ШУЛЬЖЕНКО Марина Юрьевна – к. филол. н., доцент кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, Кубанский государственный университет.

E-mail: marinaiei@mail.ru

SHULZHENKO Marina Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistics and New Information Technologies Department, Kuban State University.

Учёный, педагог-наставник, лидер ТЗОЖ (Памяти Карла Георгиевича Башарина)

О. К. Башарина¹ ✉, З. К. Башарина²

¹Учебный центр Берлиц Монреаль, Канада

²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ ok.basharina@gmail.ru

17 июля 2023 г. ушёл из жизни доктор медицинских наук, учёный-патологоанатом Карл Георгиевич Башарин. Заслуженный деятель науки РС (Я), почётный работник высшего профессионального образования РФ К. Г. Башарин вошёл в историю как основоположник изучения патоморфоза туберкулеза лёгких на Крайнем Севере, талантливый педагог-наставник, профессор СВФУ со стажем более чем 50 лет, лидер борьбы за отрезвление нации и автор закона трезвости, патриот родины, университета, семьи. Он был настоящим стойком-оптимистом с железной волей и позитивным отношением к жизни, который до последнего руководствовался тем, что для реализации замысла нужна дисциплина, сформулированная им как «уважение к природе, к себе и окружающим людям через выполнение плана действий на секунду, минуту, час, день, неделю, месяц, год и годы» (2014).

Карл Георгиевич родился 2 июня 1942 г. в семье известного историка Г. П. Башарина и детской писательницы К. И. Платоновой. Он автор свыше 500 печатных работ, аудио- и видеовыступлений, включая свыше 120 специализированных научных статей по особенностям летальных исходов от туберкулёза лёгких и других заболеваний. Его кандидатская диссертация на базе более 1000 вскрытий по изменению признаков (патоморфозу) туберкулёза лёгких в Якутии за 50 лет была издана отдельной монографией в 1969 г. и является фундаментальным научным трудом, положившим начало развитию нового направления в науке – северной фтизиатрии. Докторскую диссертацию на тему «Патологическая анатомия туберкулёза легких на Крайнем Севере в современных условиях» К. Г. Башарин защитил в 1996 г.

К. Г. Башарин, так же, как и его отец, подчёркивал значение университета для якутян и делал много для поддержания его престижа. Трудовой путь в СВФУ он начал в 1969 г.;

с 1990 по 2018 гг. заведовал кафедрой анатомии Мединститута СВФУ. Учитель с большой буквы, талантливый преподаватель с яркими лекциями, проф. Башарин объяснял суть творчески, использовал примеры из жизни, стихи, афоризмы. Его непревзойдённый ораторский талант оттачивался годами – он прочитал свыше 6,5 тысяч лекций по линии общества «Знание».

Карл Георгиевич Башарин был вице-президентом Международной академии трезвости, основателем народного университета ТЗОЖ, сплотил вокруг себя большую группу соратников и последователей. Он впервые за всю историю трезвеннического движения сформулировал основной закон собриологии, гласящий: «трезвость – это полная свобода живых существ, включая человека, от алкогольной, табачной, наркотической запрограммированности и фактических отравлений, ясное, четкое отражение головным мозгом окружающей действительности; естественное, творческое, единственно разумное состояние живых существ, человека, семьи, народов, государств, человечества. Нарушение этого закона ведет к вырождению и гибели живых существ, включая человеческое сообщество» (2013). Г. П. Башарин был автором ряда учебных пособий по ТЗОЖ и основателем Угловских чтений, которые проводятся с 2009 года ежегодно для всех первокурсников СВФУ в целях первичной профилактики пьянства, курения и наркомании. Университет и кафедра анатомии оказали большую помощь в организации Угловских чтений в этом году, показав, что традиция продолжается.

Карл Георгиевич постоянно поднимал вопрос о необходимости строительства морга при мединституте для продвижения научных изысканий и строительстве крематория в республике. Он был председателем попечительского совета Сыланской средней школы родного Чурапчинского улуса, в которой по его инициативе в 2001 г. был открыт филиал Малой медицинской академии Мединститута СВФУ. Данная инициатива вносит весомый вклад в решение проблемы нехватки медицинских кадров для республики. Башарин любил повторять, что люди связаны между собой информацией, биологией и трудом. В этом суть популяризации им российского и якутского гимнов как связующих россиян и якутян инструментов, призванных создать чувство общей родины, информационных, биологических и трудовых связей.

Созидатель и мыслитель, академик Международной академии информатизации, Петровской академии искусств, Академии духовности РС (Я) проф. К. Г. Башарин был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, медалями С. И. Вавилова, «За верность России», премиями Н. И. Пирогова, Петровской академии наук и искусств и удостоен званий «Основоположник научного направления» и «Выдающийся деятель Всемирного трезвеннического движения». Он был почётным гражданином Чурапчинского, Булунского и Намского улусов РС (Я), почётным ветераном СВФУ, лауреатом общественной премии «Якутянин года–2019».

С уходом Карла Георгиевича ушла целая вселенная, но остался её яркий след – богатое научное наследие, ученики-медики, молодые коллеги, последователи ТЗОЖ, вдохновлённые его деятельностью и личным примером, дети, внуки и последующие поколения, которые будут любить, помнить и продолжать его дело.

БАШАРИНА Ольга Карловна – д. филол. н., преподаватель английского языка, Учебный центр Берлиц Монреаль, Канада.

E-mail: ok.basharina@gmail.ru

BASHARINA Olga Karlovna – PhD in Applied Linguistics, English Teacher, Berlitz Montreal Learning Centre, Canada.

БАШАРИНА Зоя Константиновна – д. филол. н., профессор, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, СВФУ им. М.К. Аммосова.

BASHARINA Zoya Konstantinovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-East Federal University.

Scientist, professor, mentor, leader of sober healthy lifestyle (In memory of Karl Georgievich Basharin)

O. K. Basharina¹ ✉, Z. K. Basharina²

¹Berlitz Montreal Learning Centre, Montreal, Canada

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ ok.basharina@gmail.ru

On the 17th of July 2023, the distinguished professor of the North-Eastern Federal University (NEFU), anatomical pathologist, Dr. Karl Basharin passed away. The honoured Scientist of the Sakha Republic (Yakutia), the honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation he will be remembered as 1) a pioneer of the study of pathomorphosis of pulmonary tuberculosis in the Far North, 2) a leader of the sobriety movement in Russia and the author of the sobriety law, 3) a professor of the North-Eastern Federal University with 54 years of work experience, and 4) a patriot of his homeland, university, and his family. He was a true stoic-optimist with the strong will and positive outlook, who viewed discipline as a cornerstone of human activity. He defined discipline as “respect for nature, surrounding people and oneself, manifested through implementation of an action plan at a given second, minute, hour, day, week, month, year and years” (2014).

K. Basharin was born on June 2, 1942, in the family of the famous historian G. P. Basharin and children's writer K. I. Platonova. His candidate thesis on the changes and the nature of mortality (pathomorphosis) of pulmonary tuberculosis in Yakutia over the span of 50 years, was based on more than 1000 autopsies and published as a separate monograph in 1969. It is a fundamental scientific work of eminent theoretical and practical implications, contributing to the development of a new branch in science - northern phthisiatry, which studies pulmonary tuberculosis and methods of its treatment. In 1996, Basharin defended his doctoral dissertation, titled: “Pathological anatomy of pulmonary tuberculosis in the Far North in modern conditions.” He is the author of more than 500 published works, audio and video presentations, including more than 120 scientific papers on characteristics of lethal outcomes from pulmonary tuberculosis and other diseases.

K. Basharin began his academic career at the NEFU in 1969; he was a Head of the Anatomy Department of the Medical Institute from 1990 to 2018. A Teacher with a capital T, he, like his father, emphasised the importance of the University for Yakutians and contributed significantly to its prestige. He was a talented teacher with memorable lectures who had his own style of presenting material in captivating and creative way through examples from life, poems, and aphorisms. His oratorical talent was honed over the years – Basharin delivered more than 6.5 thousand lectures as a lecturer of the society “Znanie.”

He was a vice-president of the International Sobriety Academy and a rector of the People's University of sober healthy lifestyle who brought together a large group of associates. K. Basharin was the first in the history of the sobriety movement to formulate the Law of Sobriology, which states: "sobriety is the complete freedom of living organisms, including humans, from alcohol, tobacco, drug programming and actual poisoning, clear and precise reflection of the surrounding reality; natural, creative, and the only rational state of living beings, humans, family, nations, states, mankind. Violation of this law leads to degeneration and death of animal and human species" (2013). Basharin was the author of a number of textbooks on Sober Healthy Lifestyle and the founder of the Uglovsky Readings, a master class that has been held annually since 2009 for all NEFU first-year students for the primary prevention of drunkenness, alcoholism, tobacco smoking, and drug addiction. His department of Anatomy and the University provided great help in organising Uglovsky Readings this year, which is crucial because tradition carries on.

Basharin continually emphasised the importance of opening morgue at the Medical Institute for the advancement of science and the need for a crematorium in the Republic. He was a Chairman

of the Board of Trustees of the Sylanskaya secondary school in his home district - Churapchinsky ulus. Following his initiative, the Branch of the Minor Medical Academy of the NEFU Medical Institute was established there and a medical and biological class opened its doors in 2001. This initiative makes a significant contribution to solving the shortage of medical personnel problem in the Sakha Republic. He liked to repeat that people were connected by information, biology, and labor. This was the essence of his popularisation of the Russian and Yakut anthems as instruments linking people to create a sense of community, informational, biological, and working ties.

A creator and thinker - Academician of the International Academy of Informatisation, Petrov Academy of Arts, Academy of Spirituality of the RS (Yakutia), Vice-President of the International Academy of Sobriety, K. G. Basharin was awarded the Order "For Services to the Fatherland" of the 2nd degree, medals of S. I. Vavilov, "For allegiance to homeland" and awards of N. I. Pirogov, Petrov Academy of Sciences and Arts, the titles of "a founder of the research direction" and "an outstanding figure of the World Sobriety Movement." He was an honorary citizen of Churapchinsky, Bulunsky and Namsky uluses of the RS (Yakutia), honorary veteran of the NEFU. In 2019, he became a laureate of the public award "Yakutian of the Year – 2019."

With the passing of Karl Georgievich, the whole universe faded away, but its bright trace remained. He left behind rich scientific heritage, all his students and junior colleagues, followers of sober healthy way of life, inspired by his deeds and personal example, his children, grandchildren, and further generations who will love, remember, and continue his work.

Скрипин Григорий Васильевич (Посвящается 100-летию со дня рождения)

С. К. Герасимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ s_k_gerasimova@ikfia.ysn.ru

Григорий Васильевич Скрипин родился 16 ноября 1923 г. в деревне Кривая Лука Киренского уезда Иркутской области в большой крестьянской семье. В семье было еще пять братьев и две сестры. В 1934 г. семья Скрипиных переехала в г. Киренск. Здесь Григорий Васильевич закончил среднюю школу. Началась Великая Отечественная война. В августе 1941 г. Г. В. Скрипин был призван в ряды Красной Армии. Службу начал в Забайкальском военном округе, затем был переведен в Уральский военный округ. Свой боевой путь на фронте начал в составе 21-й гвардейской механизированной бригады 1-го Белорусского фронта в должности командира отделения 2-го мотострелкового батальона. 18 марта 1945 г. в боях на реке Одер был тяжело ранен. Полгода провел в госпитали, ему не смогли сохранить раненую ногу, и в 21 год Григорий Васильевич стал инвалидом. В апреле 1945 г. гвардии старшина Г. В. Скрипин был представлен

к правительственной награде – Орденом Красной Звезды. Из наградного листа: «В боях за советскую Родину тов. Скрипин проявил себя смелым и находчивым командиром, показывавшим образцы мужества и героизма. 10 марта в районе Лабенц тов. Скрипин заметил раненого командира взвода, повел взвод в атаку и ворвался в траншеи противника, забросав гитлеровцев гранатами, а потом, автоматным огнем, расстреливал удирающих фрицев, уничтожив при этом 50 гитлеровцев. 16 марта 1945 г. в районе Маршау отразил 6 атак противника, был в разведке и привел 2 гитлеровцев. В ночь с 16 по 17 марта тов. Скрипин эвакуировал с поля боя 12 раненых под обстрелом противника. За проявленную смелость и стойкость тов. Скрипин заслуживает правительственной награды Ордена Красной Звезды. Командир 2-го мото-стрелкового батальона, гв. капитан Томашевский».

После войны семья Скрипиных переехала в Якутск. Здесь в 1946 г. Григорий Васильевич поступил в Якутский государственный педагогический институт, который успешно закончил в 1950 г. по специальности учитель физики и математики средней школы. Проработав учителем год в 9 мужской средней школе г. Якутска, Григорий Васильевич начал свой исследовательский путь лаборантом станции космических лучей №1 Якутской научно-исследовательской базы АН СССР. Вместе с другими учеными-фронтовиками Ю. Г. Шафером, А. И. Кузьминым, Д. Д. Красильниковым Григорий Васильевич Скрипин стоял у истоков освоения физики космических лучей в Якутии. Работа на станции была засекречена. И как только было получено разрешение на открытую публикацию, в 1955 г. вышла статья в престижном «Журнале экспериментальной и теоретической физики» в соавторстве с А. И. Кузьминым. В 1957 г. под руководством А. И. Кузьмина был создан уникальный комплекс для изучения космических лучей. Прибор представлял собой глубокую шахту со штреками на глубинах 7, 20, 60 метров водного эквивалента, где размещались специальные детекторы мюонов. Г. В. Скрипин принимал активное участие не только в научном сопровождении создания комплекса, но и наравне со всеми участвовал при

раскопках шахты. Первоначально установленные счетчики Гейгера в суровых якутских условиях работали нестабильно. И группа под руководством Г. В. Скрипина сконструировала и установила более приспособленные пропорциональные счетчики для регистрации мюонной интенсивности космических лучей. Мюонные телескопы на базе таких счетчиков работают в непрерывном режиме до сих пор, а вся установка является единственным в мире прибором с таким длительным периодом регистрации и широким энергетическим диапазоном регистрации частиц. Григорий Васильевич впервые в мире начал изучать и регистрировать нейтроны в составе широких атмосферных ливней. Большой вклад Г. В. Скрипина заключается и в разработке таких научных методов исследования, как метод скрещенных телескопов, коэффициентов связи, приемных векторов, глобальной съемки. Григорий Васильевич внес большой вклад в изучении солнечно-суточных вариаций интенсивности космических лучей. При его активном участии показана зависимость этих вариаций от цикла солнечной активности и от магнитного цикла поля Солнца.

В 1965 г. Скрипин Г.В. защитил кандидатскую диссертацию «Исследование анизотропии космических лучей методом скрещенных телескопов» в физическом факультете Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Научно-исследовательскую деятельность в Институте космофизических исследований и аэронауки Григорий Васильевич гармонично сочетал с преподавательской деятельностью в Якутском государственном университете: читал цикл лекций по экспериментальным методам космической физики, вел практические занятия по той же теме, в течение ряда лет был председателем Государственной экзаменационной комиссии на физико-математическом факультете. Григорий Васильевич руководил дипломными работами нескольких десятков выпускников физического факультета, под его соруководством прошла защита кандидатской диссертации П. А. Кривошапкина.

Григорий Васильевич вел активную общественную жизнь как в стенах Института, так и вне его. Был секретарем партбюро Института космофизических исследований и аэронауки, членом парткома Якутского филиала СО АН СССР, народным заседателем Верховного суда Якутской АССР. Григорий Васильевич активно участвовал в художественной самодеятельности, пел звучно и выразительно соло и в хоре.

Григорий Васильевич всю жизнь прожил со своей супругой Галиной Филипповной Скрипиной, сотрудницей Института геологии. Вместе они вырастили и воспитали троих сыновей.

Накануне юбилейной даты в ИКФИА СО РАН пройдет научная сессия, посвященная памяти нашего коллеги, наставника, воина – Скрипина Григория Васильевича, где молодому поколению космофизиков расскажут о его жизни и деятельности, покажут, как работает Якутский спектрограф космических лучей – творение Григория Васильевича и его соратников.

ГЕРАСИМОВА Сардаана Кимовна – к. ф.-м. н., с. н. с. Институт космофизических исследований и аэронауки им. Ю.Г. Шафера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация.

E-mail: s_k_gerasimova@ikfia.ysn.ru

GERASIMOVA Sardaana Kimovna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher of Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

Grigory Vasilyevich Skripin (Dedicated to the 100th anniversary of his birth)

S. K. Gerasimova

Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of the SB RAS, Yakutsk, Russia

✉ s_k_gerasimova@ikfia.ysn.ru

Grigory Vasilyevich Skripin was born on 16 November 1923, in the Krivaya Luka village, Kirensky uyezd, Irkutsk oblast, into a large peasant family with five brothers and two sisters. In 1934, the Skripin family moved to the town of Kirensk and there Grigory Vasilyevich finished secondary school. In August 1941, with the beginning of the Great Patriotic War, G. V. Skripin was drafted into the Red Army. He began his service in the Transbaikalian Military District, then transferred to the Ural Military District. At first, he served as a section commander of the 2nd Motorised Rifle Battalion in the 21st Guards Mechanised Brigade of the 1st Belorussian Front. On 18th March 1945, Grigory Vasilyevich sustained severe injuries during the battle at the Oder River, he spent six months in hospital where he unfortunately lost his wounded leg and became a disabled at the age of 21. In April 1945, guards sergeant G. V. Skripin received the government award, the Order of the Red Star. The citation from the award list: "During the battles for the Soviet Motherland, comrade Skripin demonstrated bravery and resourceful leadership, setting examples of courage and heroism. On 10th March, in the vicinity of Labenz, comrade Skripin noted that the platoon commander was wounded, and consequently led the platoon in an attack. They penetrated the enemy's trenches, hurling grenades at the Hitlerites. Later, with machine-gun fire, the platoon shot the fleeing krauts, thereby destroying 50 of Hitler's army. On 16th March 1945, in the Marshau area, Skripin repelled six enemy attacks, conducted reconnaissance, and captured two Hitlerites. On the night of 16th March, comrade Skripin successfully evacuated 12 wounded soldiers under hostile enemy fire from the battlefield. Based on his displayed courage and fortitude, comrade Skripin is deserving of the government award, the Order of the Red Star. This commendation comes from the commander of the 2nd Motorised Rifle Battalion, Guards Captain Tomashevsky".

After the war, the Skripin family moved to Yakutsk. Here, in 1946, Grigory Vasilyevich entered the Yakutsk State Pedagogical Institute, from which he graduated in 1950 as a secondary school physics and mathematics teacher. After working for a year as a teacher at the 9th male secondary school in Yakutsk, Grigory Vasilyevich began his research career as a laboratory assistant at the Cosmic Ray Station No. 1 of the Yakutsk Research Base of the USSR Academy of Sciences. Together with other leading scientists Y. G. Shafer, A. I. Kuzmin and D. D. Krasilnikov, Grigory Vasilyevich Skripin was at the origin of cosmic ray physics in Yakutia. Work at the station was classified. As soon as permission for open publication was obtained, an article was published in the prestigious "Journal of Experimental and Theoretical Physics" in 1955, co-authored with A. I. Kuzmin. In 1957, under the direction of A. I. Kuzmin, a unique complex for the study of cosmic rays was created. It was a deep shaft with shafts at depths of 7, 20 and 60 metres of water equivalent, where special muon detectors were installed. G. V. Skripin took an active part not only in the scientific support of the creation of the complex, but also in the excavation of the mine on an equal footing with everyone else. The first Geiger counters installed in the harsh conditions of Yakutia did not work reliably. The group led by G. V. Skripin designed and installed more adapted proportional counters to register the muon intensity of cosmic rays. Muon telescopes based on such counters are still in continuous operation, and the whole set up is the only instrument in the world with such a long registration period and a wide energy range of particle registration. Grigory Vasilyevich was the first in the world to study and register neutrons as part of broad atmospheric showers. G. V. Skripin's great contribution also lies in the development of such scientific research methods as the method of crossed telescopes, coupling coefficients, receiver vectors and global imaging. Grigory Vasilyevich made a great contribution to the study of solar-diurnal variations in the intensity of

cosmic rays. With his active participation, the dependence of these variations on the solar activity cycle and on the magnetic cycle of the solar field was shown.

In 1965, G.V. Skripin defended his doctoral thesis "Study of cosmic ray anisotropy by the method of crossed telescopes" at the Physics Department of the Lomonosov Moscow State University.

Grigory Vasilyevich harmoniously combined his research activities at the Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy with teaching activities at the Yakutsk State University: he gave a series of lectures on experimental methods of space physics, conducted practical courses on the same subject, and for a number of years was Chairman of the State Examination Commission at the Faculty of Physics and Mathematics. Grigory Vasilyevich supervised the diploma theses of several dozen graduates of the Faculty of Physics, under his co-supervision the doctoral thesis of P.A. Krivoschapkin was defended.

Grigory Vasilyevich led an active social life both inside and outside the Institute. He was the secretary of the Party Bureau of the Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy, a member of the Party Committee of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, a People's Assessor of the Supreme Court of the Yakutsk ASSR. Grigory Vasilyevich actively participated in amateur art, sang sonorous and expressive solo and in the choir.

Grigory Vasilyevich had shared all his life with his wife Galina Filippovna Skripina, who worked at the Institute of Geology. Together they raised three sons.

On the anniversary's eve, a scientific gathering in remembrance of our esteemed mentor, colleague and defender, Grigory Skripin, will take place at the Yu.G. Shafer Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The young cosmophysicists will be informed about Skripin's life and work and will observe the Yakutsk Cosmic Ray Spectrograph, created by Skripin and his colleagues.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 20 № 4 2023

Редакторы

Н. В. Дмитриева, Т. Д. Степанова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 28.12.2023

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 14,1. Уч.-изд. л. 17,6

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 28.12.2023

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58